

[Polaris]

Бэзил Коппер

ВЕЛИКАЯ
БЕЛАЯ
БЕЗДНА

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CDXIV

Salamandra P.V.V.

**Бэзил
КОППЕР**

ВЕЛИКАЯ БЕЛАЯ БЕЗДНА

Затерянные миры
Том XXIX

Salamandra P.V.V.

Коппер Б.

Великая Белая Бездна. Пер. с англ. В. Барсукова (Затерянные миры, т. XXIX). — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2023. — 143 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CDXIV).

Фотограф и искатель приключений Фредерик Плоурайт не мог устоять перед предложением профессора Кларка Эштона Скарсдейла присоединиться к «Большой северной экспедиции». Задача ее — исследовать загадочную систему пещер в Черных горах, которая, по мнению профессора, таит в себе ключ к будущему и самому выживанию человечества. Но в пещерах исследователей встречает и древний ужас... Роман английского писателя Б. Коппера по праву считают одним из лучших произведений, навеянных грандиозными «Хребтами безумия» Г. Ф. Лавкрафта.

Книга продолжает в серии «Polaris» ряд публикаций произведений, относящихся к жанру «затерянных миров» — старому и вечно новому жанру фантастической и приключенческой литературы.

© Author, estate, 2023

© V. Barsukov, перевод, 2023

© Salamandra P.V.V., оформление, 2023

**ВЕЛИКАЯ
БЕЛАЯ БЕЗДНА**

Посвящается

Говарду Филлипсу Лавкрафту

и

Августу Дерлету

Открывателям Путей

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Некоторые — и таких немало — склонны считать мой рассказ болезненным бредом. Спору нет, обстоятельства, сопутствовавшие гибели Большой северной экспедиции, вполне могли превратить человека нервного и чувствительного в пускающего слюни идиота. Движущиеся огни в небе, которые предваряли Пришествие весной 1932 года, остались почти незамеченными мировой прессой, но исчезновение такого выдающегося полевого исследователя, как профессор Кларк Эштон Скарсдейл¹, в непроницаемой пустоте громадных и непостижимых пространств едва ли могло быть обойдено молчанием.

Я, единственный выживший из пяти участников проникновения в неведомое, видел многое — Бог свидетель, что такое и сильнейших свело бы с ума. Мне предстоит жить под гнетом неверия и насмешек, пока правда не станет известна. Миру лучше надеяться, что этот миг никогда не наступит.

Тем временем я остаюсь единственным человеком на земле, кто ведает, как и почему несчастный Скарсдейл навсегда скрылся с глаз смертных в Великой Белой Бездне. Я знаю, с какими недоступными уму, бесформенными существами он делит сейчас свою обитель вдалеке от нашего мира; знаю и многое другое. Мозг мой, слишком долго хранивший это знание, горит в огне, и я шарахаюсь от теней или в страхе просыпаюсь по ночам, когда незаметно подкравшийся ветер вдруг стучится в ставни моей спальни.

Из-за ветра я ненавижу зиму в этих широтах. Ветер словно налетает из самых сумрачных краев света и сковывает сердце ледяным холодом. Робсон, мой старый друг — только он хоть немного верит моим рассказам — был недалек от истины, назвав меня «человеком без тени». Он подразумевал лишь мое изможденное тело и истерзанную душу, которые до того ослабели, что не в силах, по его мнению, отбросить на землю свой образ. Но для меня в его словах заключен жуткий смысл, в особенности же воспоминание о том ужасном дне, когда Великая Белая Бездна впервые явила себя живущим.

Я берусь за эти отрывочные записи, прежде чем изложенные в них события бесповоротно отвергнут мой разум в пучину безумия. Я не жду, что мне поверят. В лучшем случае, неверящие только укрепятся в своей предубежденности; в худшем, если мои записки будут раньше времени обнаружены, меня упекут в какую-нибудь уединенную клинику, где я наверняка окончу свои дни. Я не сомневаюсь, что дни эти сочтены. Но и благословенное заб-

---

¹ Автор наделил своего героя именем видного современника и соратника Г. Ф. Лавкрафта — писателя, поэта и художника Кларка Эштона Смита (1893-1961) (*Здесь и далее прим. перев.*).

вание не сулит мне утешения — кто знает, не повстречаю ли я за гранью, за тонкой завесой, которую люди именуют жизнью, тех, Других, что извиваются, вздымаясь тяжкими волнами, в самых далеких и темных областях мироздания?

Мысль о том, что я встречу лицом к лицу с чудовищем, бывшим когда-то Скарсдейлом, внушает мне непреодолимый страх. Перспектива вечности в подобном обществе и ужас перед другими существами, созданиями столь безбожными и кощунственными, что я даже не решаюсь на них намекнуть, заставляют меня цепляться за остатки моей жалкой жизни. Слава Богу, я иногда еще сплю без сновидений; можно довольствоваться и этим. И если мои записки послужат хотя бы для нескольких здравомыслящих людей предупреждением о нависших над Землей опасностях, они могут еще оказаться весьма полезными для всего человечества.

С чего, однако, начать? Вот и первая заминка: не хотелось бы, чтобы мое душевное здоровье изначально поставили под сомнение. Итак, имя мое от рождения — Фредерик Седдон Плоурайт. С точки зрения описываемых событий, не имеет значения, как я жил до достижения зрелости, читателя же это должно интересовать еще меньше. Скажу лишь, что по окончании университета я изучал самые странные предметы на границах научного опыта и в конце концов занялся фотографией. Я мастерски овладел техникой научно-исследовательских и географических съемок и в первые десятилетия века сопровождал ряд важных экспедиций, среди которых следует назвать путешествие фон Гагенбека к Кварцевым горам Внешней Монголии и масштабные геологические изыскания Френсиса Лутрелла в аризонской¹ пустыне в 1929 году. Последняя экспедиция едва не стоила мне жизни.

Мои фотографии, запечатлевшие фантастические пейзажи и невероятных животных со всех концов света, привлекли внимание не только научных и географических журналов, но и популярной прессы. Мои услуги начали пользоваться растущим спросом. Я вел обеспеченную жизнь, а к тому же предусмотрительно сохранил за собой права на негативы; годам к тридцати пяти сбережений у меня оказалось более чем достаточно. С тех пор я стал подходить к заказам более избирательно и соглашался лишь на те предложения, что обещали рискованные и даже экстравагантные приключения.

Имя Кларка Эштона Скарсдейла я впервые услышал в 1931 году. Произошло это, насколько помню, в связи с грандиозным санным путешествием по Антарктике, затеянным покойным Кросби Паттерсоном. Жестокая и трагическая судьба Паттерсона и пятерых его спутников хорошо известна и не нуждается в повторном изложении. К Скарсдейлу обратились за помощью в истолковании некоторых аспектов катастрофы. Его заключения широко ос-

---

¹ В оригинале «пустыне Невады», однако в дальнейшем автор несколько раз говорит именно об аризонской пустыне.

вещались в прессе, и мне живо запомнилась одна фотография: сильная, бородатая фигура Скарсдейла склонялась над любопытными наскальными надписями, найденными в том месте, где шесть полярных исследователей встретили ужасную смерть. Годом или двумя позже совет попечителей Чикагского музея, финансировавшего большую экспедицию Паттерсона, обратился ко мне с просьбой сфотографировать эти надписи. То была замечательная поездка, занявшая больше трех недель; но надписи и их происхождение не имеют отношения к моему рассказу. Позднее я попросил и получил от попечительского совета разрешение опубликовать ряд снимков в «*Geographica*», ученом журнале, где все чаще печатались мои работы.

Мои новые материалы вновь привлекли внимание прессы. Спустя месяца два после публикации снимков в «*Geographica*», я получил от профессора Скарсдейла первое из нескольких загадочных писем. Начало переписки с профессором, оказавшим такое глубокое влияние на мою жизнь, было донельзя прозаическим. Скарсдейл просто поздравил меня с успешным решением сложных технических задач, позволившим мне получить столь великолепные и оригинальные фотографии, и добавил, что мои снимки стали для него существенным подспорьем в исследованиях.

В то время он не предложил мне встретиться и я, несомненно, быстро забыл бы о нашей краткой переписке. Но случилось так, что я приложил к своему ответу весь комплект выполненных для музея фотографий. Их, разумеется, было больше, чем появилось в прессе; я также увеличил определенные фрагменты снимков, изображавших петроглифы и иероглифы. Проявившиеся при этом детали вызвали у профессора немалое волнение. Вскоре я получил чрезвычайно сердечное письмо, в котором он предлагал встретиться в удобное для нас обоих время и в устраивающем обоих месте.

2

Я жил тогда в Лондоне. Письмо профессора было прислано из Суррея, так что договориться о встрече для нас не составило труда. Впервые я увидел профессора во плоти в несообразной обстановке маленькой чайной неподалеку от Британского музея. Мы договорились встретиться у входа в музей, чайная же была предложена как запасной вариант на случай, если кто-то из нас задержится. И действительно, профессор опоздал на поезд и вошел в чайную, когда я уже успел сделать заказ.

Это было одно из местечек с приглушенным светом, начищенным мельхиором и медью и дубовыми стульями. Профессор уселся напротив, спиной к свету, и я на протяжении нескольких минут пытался составить впечатление о его внешности. Мне следовало бы сразу сказать, что он был огромным чело-

веком, ростом выше шести футов и трех дюймов и соответственно широким в кости, с поседевшими волосами. Тем не менее, я не мог бы дать ему больше сорока пяти лет, и во всех его движениях и манере держаться отражались живость и решительность.

У него была маленькая, аккуратно подстриженная ван-дейковская борода и очень яркие и пронизательные голубые глаза; изящный голубой галстук-бабочка подходил по тону к глазам, хорошо сшитый серый костюм ладно сидел на нем. Несмотря на рост и сложение, фигура профессора была крепкой и атлетической; в нем чувствовался не только ученый, глубоко начитанный в самых странных и редкостных областях знания, но и человек, способный постоять за себя. Он еще даже не заговорил о причине нашей встречи, только сел и положил рядом на стул коричневую охотничью шляпу с птичьими перьями, а я уже ощутил в глубине души, что готов участвовать в любом его предприятии. К третьей чашке чая, расправившись с поджаренными сконами¹, мы завязали разговор на общие темы. Пока официантка приходила и уходила, обслуживая нас, он внимательно меня разглядывал. Я чувствовал, что в свою очередь заслужил его одобрение. Был он, конечно, американцем, но словно не принадлежал к какой-либо определенной стране или времени. Он жил, как кочевник, задерживаясь там, где находилось что-либо его интересующее. Скарсдейл был несметно богат и мог свободно потакать своим вкусам; никто не мешал ему селиться, где заблагорассудится, так как вдобавок он был холостяком и намеревался, по собственному выбору, впредь оставаться таковым.

Когда он заговорил, выговор его показался мне скорее европейским, нежели американским; затем я вспомнил, что Скарсдейл, несмотря на англоязырованную отцом фамилию, происходил из старинного семейства, некогда жившего в Центральной Европе. Сперва он коснулся технических аспектов моей работы, и я поразился, как много он знал обо мне и моей карьере. Он даже видел «На край Земли», документальный кинофильм, который я снял на шурфах Лутрелла — как я понял, он заказал для себя копию в нью-йоркском музее Метрополитен. Всегда приятно слушать похвалы, особенно когда они исходят от такого выдающегося в своей области ученого, как Кларк Эштон Скарсдейл. Нет, дифирамбами он меня не осыпал, но несколько ободриТЕЛЬных слов в устах этого сдержанного человека значили не меньше.

Я говорил по большей части мало. Не мне восхвалять свои скромные таланты — но, должен признаться, его слова были мне приятны и я с нетерпением, хотя и сохраняя внешнее спокойствие, ожидал продолжения. Он тоже выжидал, пока мы не доели пирожные (мне очень нравятся те, куда кладут побольше корнуоллских сливок), а затем наградил меня принужден-

---

¹ Скон — традиционная британская выпечка, подаваемая к чаю; из Шотландии, Ирландии и некоторых областей Англии распространилась по всему миру.

ной улыбкой, показав крепкие желтоватые зубы за легкой порослью бородки.

— Вероятно, вы решили, что это заведение не совсем подходит для встречи, — начал он издалека.

— Напротив, именно его я и выбрал бы на вашем месте, — улыбнулся я.

— В самом деле?

Он положил руки на край стола и заинтересованно уставился на меня.

— Нейтральная территория, — объяснил я. — Найди вы, что я не соответствую вашим требованиям, вы бы вежливо распрощались, и я никогда бы о вас больше не услышал.

Мне показалось, что профессор чуть покраснел. Однако он хладнокровно продолжал:

— Вы превосходно оценили положение, мистер Плоурайт. Вы мне подходите. Я уже пришел к этому выводу и готов предложить вам самое увлекательное приключение в вашей жизни.

Видимо, мое лицо выглядело таким же удивленным, что и мысли, так и забежавшие у меня в голову. Скарсдейл разразился громким смехом, пробив серьезную брешь в чинных фасадах двух престарелых дам за соседним столиком. Их физиономии вытянулись — похоже, они заподозрили, что мы были заняты подготовкой какого-то анархистского заговора.

— Здесь невозможно это обсуждать, — сказал профессор, положив ладонь на мою руку. — У меня есть одно дело в музее. После этого я смогу изложить вам свое предложение. Думаю, оно заинтересует такого человека, как вы. Давайте встретимся ровно через неделю у меня в Суррее, если время и место вас устраивают. Вы познакомитесь с некоторыми моими коллегами и тогда уже примете окончательное решение.

Он достал из внутреннего кармана визитную карточку, нацарапал на обратной стороне некоторые путевые указания и пододвинул карточку по столу ко мне. Я уже знал, что поеду, но изображал нерешительность. Правда, вряд ли я хоть на миг сумел его обмануть.

— Экспедиция, — неохотно произнес он, улыбнувшись уголком рта. — Вы приедете?

— Будут у вас через неделю, — наконец сказал я.

Он с облегчением выдохнул, словно мое согласие приехать было для него чем-то важным.

На прощание его рука сжала мою, как в тисках. Гигантская фигура повернулась и он вышел, наклонив голову и избегая по пути потолочных балок.

Я направился домой, где стал приводить в порядок свое фотографическое оборудование. После я допоздна сидел, курил и размышлял о будущей экспедиции профессора. Только около двух часов ночи я бросил напрасные гадания и улегся в постель. Я не спал бы так крепко, зная, что уготовили мне следующие два месяца.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Неделю спустя я отправился в Суррей. День выдался дождливый и оставлял желать лучшего. Истекавший моросью туман окутывал сельскую местность. Я перекусил в Гилфорде¹ и приехал в резиденцию профессора минутой или двумя позже назначенного. Название имения, «Сосны», не отличалось оригинальностью. Когда я свернул на гравиевую дорожку между упомянутыми соснами, за каплями на ветровом стекле показался белый фасад большого георгианского здания. Я не собирался оставаться ночевать и, по причине непогоды, надеялся, что встреча наша не займет много времени. За прошедшую неделю впечатление, произведенное личностью профессора, несколько стерлось и я успел позабыть, в какое волнение привел меня разговор в чайной.

Но волнение быстро вернулось, стоило Скарсдейлу появиться на обширном, выложенном плиткой крыльце; он отослал слугу, который бросился открывать дверцу моего автомобиля, сжал мою руку своими тисками, успокоил свирепого на вид пса, лаявшего у ног — и проделал все это, казалось, одним плавным движением.

— Надеюсь, у вас нет никаких предубеждений, — сказал он. — Те, кого я приглашаю к сотрудничеству, всегда начинают с множества скептических возражений. На это вечно уходит драгоценное время. Вот почему за последние десять лет мне удалось организовать только две серьезные экспедиции.

— Вы найдете во мне человека достаточно благожелательного, — примирительно сказал я. — Я предпочитаю снимать фильмы или делать фотографии и оставлять теории тем, кто знает больше меня.

Скарсдейл громко захлопнул дверцу автомобиля, и пес снова залаял. Выразительные глаза профессора зажглись энтузиазмом.

— Замечательно, — сказал он. — Просто замечательно. Я редко ошибаюсь в оценке характера. Мы с вами отлично поладим.

Он повел меня к входной двери. Пес следовал за ним по пятам. Мы вошли в большой вестибюль с плиточным полом; на стенах, выкрашенных в пастельные тона, висели какие-то мрачноватые картины.

— Треклятая бестия, — сказал Скарсдейл, когда слуга закрыл за нами дверь. — Он прилагается к дому.

Он заметил выражение моего лица и весело улыбнулся.

— Пес, дорогой мой, пес, — воскликнул он и добавил: — Не Коллинс.

---

¹ Город в Суррее, примерно в 40 км от центра Лондона.

Профессор открыл передо мной дверь громадной комнаты. По трем стенам высились шкафы, уставленные книгами в разноцветных переплетах. В камине весело и ярко горел огонь, но в основном тепло обеспечивали батареи отопления, спрятанные в стенных нишах.

— Вы уже поели, я полагаю, — сказал Скарсдейл. — Думаю, однако, что после такой поездки вы не откажетесь от кофе и бренди.

Я с благодарностью выразил согласие и присел на подлокотник кожного кресла у камина, разглядывая комнату. Две-три детали показались мне определенно необычными для библиотеки. У свободной от книг длинной стены стоял большой буфет с серебряной посудой на полках. Из эркера в одном конце комнаты открывался прекрасный вид на туманные сельские дали; здесь же помещался обеденный стол с четырьмя приборами и остатками трапезы.

Переднюю часть комнаты занимал макет какой-то местности, а на стене у буфета висела обитая зеленым сукном доска с пришпиленными записями. Эта неформальная обстановка скорее напоминала полковую офицерскую столовую. Скарсдейл вернулся из эркера с двумя огромными чашками дымящегося кофе, перехватил мой вопросительный взгляд, поставил чашки на столик красного дерева у камина и принес графин и два бокала.

Несколько минут мы вели застольные разговоры, прихлебывая кофе и бренди. После холода автомобиля я начал постепенно отогреваться. Скарсдейл увидел, что я бросил взгляд на обеденный стол, и тихо пояснил:

— В нынешнем проекте участвуют еще трое коллег. Каждого я отобрал лично. Вы познакомитесь с ними позже — если, конечно, примете мое предложение.

Он допил кофе и встал. Пес — волкодав, решил я — открыл желтый глаз, злобно посмотрел на профессора и негромко зарычал, показав не менее желтые зубы. Затем он опустил голову на ковер и предался сну, а мы со Скарсдейлом взяли бокалы и подошли к макету.

— Что скажете? — спросил профессор.

Я обогнул макет, стал против света и начал изучать изображенную местность. Рассматривая ее глазом фотографа, я мысленно отмечал наиболее выигрышные ракурсы для съемки. Я увидел перед собой ряд колоссальных горных хребтов; они теснились у одной из боковых стенок макета. Розовая лента отмечала маршрут; были там и прилежно надписанные белые карточки с названиями пунктов. Я заметил слова «Нильстрем» и «Зак», которые ничего мне не сказали: я и понятия не имел, где находилась эта местность, а профессор не предлагал никаких объяснений. Он просто стоял, время от времени поднося к губам бокал с бренди и наблюдая за мной с другой стороны песочного ящика.

Я сделал несколько шагов, не отрывая глаз от розовой ленты. Она вилась, пересекая ущелья и теснины, и упиралась в скопление похожих на соты пе-

щер, которое я осмотрел с большим интересом, прежде чем двинуться дальше. Здесь было около сорока отверстий, группировавшихся вокруг большой центральной пещеры со входом на уровне земли. Если масштаб всего этого соответствовал масштабу горного хребта, свод главной пещеры находился примерно на высоте купола собора святого Павла¹. Я вновь обошел макет, разыскивая какую-либо табличку с пояснениями, что открыла бы мне направление и цель экспедиции, но не нашел ничего.

Я вернулся на место. Скарсдейл продолжал внимательно наблюдать за мной. Макет здесь пересекала поперек деревянная дощечка; другая его половина была выполнена из глины. Однако розовая лента продолжала виться и я с уверенностью предположил, что эта часть макета демонстрировала в разрезе внутренние залы пещер. Чуть поодаль, у буфета, стоял стул; я принес его, уселся и стал внимательно разглядывать макет. Скарсдейл принес другой стул и сел рядом, не произнося ни слова.

Лента вилась по бесчисленным коридорам и проходам и затем резко обрывалась посреди лишенной каких-либо отличительных примет глиняной плоскости. В центре этого овального пространства кто-то процарапал заостренной палочкой огромный вопросительный знак.

Я закончил осмотр загадочного макета и собирался уже задать хозяину первый из рвавшихся с языка вопросов, как вдруг снаружи донесся громкий шум. Звуки напоминали высокий пронзительный вой. Скарсдейл подошел к окну и поманил меня. Дождь немного утих; я увидел склон лужайки, спускавшийся к отдаленному озеру. На склоне было разбито нечто вроде фруктового сада, но земля была запущена и поросла сорняками.

Из чащи травы и колючих кустов высывался нос необычайной серой машины. Она осторожно, как слепое животное, обнюхивала путь. Затем высокая трава разошлась и я увидел гусеницы, похожие на танковые; они быстро и мягко, как лапки сороконожки, передвигались под металлическими обводами. В верхней части механизма отодвинулась заслонка, открыв овальное окно. В башне или рулевой кабине показалась голова и осмотрела окрестности. Заслонка задвинулась. Мотор взревел, машина развернулась и покатила вниз по склону, сбив по пути один из столбов ограды. Скарсдейл выругался, подошел к камину и нажал на вделанную в облицовку кнопку звонка.

Слуга явился с поразительной быстротой.

— Коллинс, — сказал Скарсдейл. — Передайте доктору Ван Дамму, что я буду благодарен, если он не станет нарушать границы оговоренного участка и вторгаться в сад. Имение мне не принадлежит, как он прекрасно знает, и

---

¹ Собор св. Павла — англиканский собор, резиденция епископа Лондона и усыпальница многих знаменитых англичан. Его высота составляет 111 м.

я вынужден оплачивать любой ущерб.

— Конечно, профессор, — ответил дворецкий, как если бы наизусть знал все наставления Скарсдейла. Он вышел, закрыв за собой двойную дверь.

— А теперь, когда вы посмотрели нашу небольшую выставку, — сказал Скарсдейл, возвращаясь на прежнее место у камина, — я хотел бы рассказать вам о своем предложении.

2

— Я не вправе рассказывать все, — продолжал Скарсдейл, — однако вы помните, наверное, по какому поводу я впервые написал вам.

— Фотографии последнего лагеря экспедиции Кросби Паттерсона, если я правильно помню, — отозвался я. — Вы просили предоставить вам снимки наскальных надписей, найденных под слоем льда командой Паттерсона.

— Совершенно верно, — сказал профессор. — И, как вы помните, газеты в то время писали, что я проявил большой интерес к этим иероглифам. Дело не только в том, что подобные находки исключительно редко встречаются в полярных районах. Мой интерес был вызван и другими причинами. Видите ли, мне уже встречались раньше такие надписи.

В библиотеке ненадолго воцарилась тишина, лишь негромко потрескивали дрова в камине. Волкодав, похоже, крепко спал; его бока поднимались и опускались, одна из задних ног время от времени удовлетворенно подергивалась.

Профессор допил бокал и огляделся, ища глазами кофейник. Он бережно налил себе полчашки кофе, добавил сахар и сливки и продолжал:

— В последние годы в мире происходят некоторые странные вещи. И не только в мире, но и там, в космосе.

Широко взмахнув рукой, он указал на окно.

— Но большая часть человечества и не подозревает о возможных последствиях. Помните явление 1932 года, которое прессе угодно было окрестить «огнями Скарсдейла»?

— Теперь, когда вы о них упомянули, я что-то такое припоминаю. Писали, что они связаны с вспышками на Солнце...

Скарсдейл прервал меня раздраженным возгласом.

— Я не хотел показаться грубым, дорогой Плоурайт, — сказал он. — Но вы должны научиться смотреть на вещи непредвзято. Я изложу вам факты, как я их вижу. Без всякого теоретизирования. Это оставим на потом. У нас будет достаточно времени, когда мы окажемся там... Солнечные огни, как вы их называете — нечто гораздо большее. Я долго изучал этот феномен и пришел к заключению — основанному на полевых исследованиях, добавлю —

что иероглифические надписи появились в различных частях света одновременно с огнями.

— Вы хотите сказать, что они имеют космическое происхождение?

Скарсдейл ответил долгим напряженным взглядом.

— Кто знает? — сказал он затем. — Если бы мы могли полностью расшифровать надписи, мы овладели бы, возможно, тайнами вселенной. Я искренне верю, что это некие инструкции для существ, которые, быть может, посетят нашу планету в будущем. А может, уже разгуливают среди нас, пока мы с вами сидим и разговариваем.

Поэтому-то меня так заинтересовали ваши фотографии со стоянки Паттерсона. Я уже занимался собственными исследованиями, но вынужден был прервать их после многообещающего начала. Маршрут, что вы видели на макете, был проложен мной самим чуть более года назад. Тогда я столкнулся с немалыми сложностями и опасностями. Исходя из некоторых соображений, которые станут ясны позднее, я не могу назвать точное местонахождение пещер, но считаю экспедицию жизненно важной для будущего всей человеческой расы. Быть может, на карту поставлено само выживание человечества.

Скарсдейл произнес эти слова с необычайной серьезностью. В сумраке библиотеки, у камина, он казался величественным. Затененные лампы бросали отсветы на его лицо, полуприкрытое бородкой.

— Потому я и выбрал вас, — заговорил он, помолчав. — Вы не только первоклассный фотограф и человек с научной подготовкой, который сможет понять мои взгляды, но обладаете и другими подходящими качествами. Вы молоды, вы наделены физической силой и мужеством, вами движет дух приключений, что вы уже успели доказать своими достижениями. Все это, взятое вместе, составляет для меня довольно убедительную картину.

Трое ученых, которых я выбрал в спутники, также являются выдающимися специалистами в собственных областях, но ни один из них не может похвастаться физической подготовкой, какую потребуют некоторые этапы нашей экспедиции. Это будет возложено на нас с вами. Мне нужен еще один человек действия, человек технически образованный и одновременно искатель приключений. Свои возможности я также уже доказал. Вы со мной?

— Не знаю, на что вы намекаете, профессор, — сказал я. — Не знаю, к какому дьяволу вы отправляетесь и чем мы будем там заниматься, но ни за что в жизни не согласился бы пропустить это путешествие. Главное для меня — возможность снимать, а вы только скажите, какое оборудование мне понадобится, вот и все.

Профессор издал долгий вздох, хлопнул себя по бедру и схватил меня за руку. Жест вышел весьма театральным, и он сразу отдернул руку, пробормотав извинения, словно стесняясь этого секундного и, как мне подумалось, вполне уместного порыва. Мне показалось, что он беспокоился об успехе своего плана — и мое согласие, похоже, разрешило его затруднения.

Я улыбнулся и сказал, что теперь, когда я записался в участники и ничто не заставит меня свернуть с избранного пути, если только он сам не передумает, мне хотелось бы все же побольше узнать об экспедиции. Я понимал нежелание профессора раскрыть пункт назначения и характер будущих исследований, но хотел услышать объяснение его загадочных намеков.

Скарсдейл откинулся в кресле и, прежде чем ответить, одним глотком осушил чашку с кофе.

— Огни в небе, — сказал он. — Я много лет изучал подобные явления. Эти исследования привели меня в тот отдаленный регион, куда мы направляемся. Я столкнулся со многими трудностями — некоторые из них, должен признаться, были вызваны моим тогдашним невежеством и безрассудством — но частично достиг успеха. Нынешняя экспедиция, вооруженная знаниями и умениями участников и снабженная особым снаряжением, в основном разработанным мною, может надеяться на полный успех.

Скарсдейл помедлил, затем продолжал:

— Вы заметите, осмелюсь сказать, некоторые странности... Я назвал этот проект «Большой северной экспедицией». Но мы отправимся не на север. Это чистейший отвлекающий маневр, призванный ввести в заблуждение прессу и общество в целом. Пусть ученые коллеги, которые долго поднимали на смех мои труды в области полярных исследований, думают и говорят все, что захотят. Помните, секретность в отношении наших планов является для нас первейшей необходимостью. Я должен попросить вас вести себя крайне осмотрительно. Мне также придется попросить вас перебраться на следующей неделе сюда. Вы должны пройти тренировку вместе с вашими будущими товарищами по экспедиции и до отъезда ближе познакомиться со всеми.

Он вдруг бросил на меня обеспокоенный взгляд.

— Вас ведь ничто не удерживает, полагаю? Невеста, возлюбленная или..?

— Любые другие обязательства, — договорил я за него. — Нет, никаких. Я полностью свободен. В Лондоне у меня есть экономка, за моими делами присматривает поверенный. Я часто и подолгу отсутствую, и ваша экспедиция не станет для меня в этом смысле чем-то новым.

Скарсдейл с довольным видом кивнул.

— Интересы ради: как долго продлится экспедиция? — спросил я.

— По меньшей мере год, — ответил он без малейших колебаний. — Не стоит и говорить, что до отъезда из Англии мы заключим и подпишем с вами формальный контракт. После того, как мы отберем нужный материал, вы получите право на коммерческое использование ваших снимков и фильмов.

— Это очень щедро с вашей стороны, профессор, — сказал я. — Значит, мы обо всем договорились, за исключением мелких деталей.

Едва мы поднялись на ноги, как за дверью что-то затрещало и в проеме возникла высокая, худая фигура. Сбоку от нарушителя спокойствия маячило озабоченное лицо Коллинса.

— Господи Боже, Скарсдейл, вы не знаете меры! — вскричал нарушитель тонким женским голосом. — Как нам научиться управлять этими дикими устройствами, если и маневрировать нельзя без того, чтобы вы не впали в истерику по поводу какой-нибудь проклятой грядки с картофелем?

— Входите, Ван Дамм, — ровным голосом сказал Скарсдейл, подталкивая меня вперед. — Познакомьтесь с новым участником нашей экспедиции.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Корнелиус Ван Дамм был, как я уже сказал, высоким и худым, но не только его фигура и тонкий женственный голос производили незабываемое впечатление на всех, кто встречал его впервые.

Мы с Ван Даммом обменялись небрежными кивками, достойными краткой рекомендации Скарсдейла, и профессор увлек нас обоих к камину. Здесь я смог внимательней рассмотреть Ван Дамма. Они со Скарсдейлом постоянно пререкались, но позже я убедился, что это был только спектакль, в котором каждый с наслаждением исполнял свою роль. Профессор воплощал грубого медведя, а доктор Ван Дамм колко и ядовито брюзжал, что очень подходило к его скрипучему голосу. В основе этого лежала глубокая любовь к театральности, общая для обоих. Оба были выдающимися учеными. Ван Дамм обладал широкими познаниями в самых разных сферах и был превосходным электриком, геологом и металлургом, а также метко стрелял из ружья и пистолета. Все его таланты, как оказалось, нашли свое применение во время Большой северной экспедиции.

К счастью, ни один из двух оставшихся членов экспедиции, с которыми мне еще предстояло познакомиться, не отличался темпераментом Ван Дамма или Скарсдейла. Они предпочитали оставлять огни рампы нашим примдоннам и были людьми практичными и флегматичными: не сомневаюсь, что поэтому Скарсдейл их и пригласил. Мне же, как я упоминал выше, не к чему было точить топор язвительности: я предпочитал наблюдать и заниматься своим делом, то есть фотографией.

Итак, я наблюдал, пока они забавно переругивались в свете камина. Доктор обсасывал свои слова, как щука вкусную рыбешку, профессор давил его возражения тяжелыми копытами, словно ломовая лошадь. Доктор выглядел чрезвычайно сухопарым; на его длинном угловатом лице сверкали в глубоких глазницах насмешливые карие глаза. Тонкие рыжеватые волосы так плотно прилегали к голове, что его череп напоминал ананас; под носом деликатным пучком росли усики, с третьей пуговицы жилета свисало на тонкой серебряной цепочке золотое пенсне. На нем был зеленый вельветовый пиджак, указанный темно-коричневый жилет и серые фланелевые брюки. Поверх всего был наброшен длинный коричневый плащ наподобие тех, что носили скотоводы и ковбои на Диком Западе; костюм доктора дополняли и завершали темно-коричневые, заляпанные грязью сапоги. Да, он был странным и крайне оригинальным человеком.

Понемногу доктор успокоился и вспомнил обо мне. Он повернулся и

схватил меня за руку. Его щеки еще горели, голос чуть прерывался, когда он парировал очередные замечания профессора. Ван Дамм оказался занимательным собеседником, а позднее я обнаружил, что под его эксцентричной внешностью скрывался добрейший человек на свете.

Но сейчас он только сказал:

— Нелегко вам придется, Плоурайт. Будь у нас другой руководитель, все было бы проще, и успех был бы гарантирован. Но я буду крайне удивлен, если мы достигнем цели с таким дурно воспитанным и тупоголовым упрямым, как Скарсдейл.

Я ожидал какого-то жуткого ответного взрыва. Но, к моему невероятно удивлению, профессор откинул бородатую голову и, ревя как бык, разразился громким хохотом.

— Вы никогда меня не разочаровываете, Ван Дамм, — отсмеявшись и прищелкнув языком, сказал он.

Скарсдейл глянул на меня.

— Запомните мои слова, дорогой Плоурайт: у нас будет чудесная экспедиция.

Затем он звонком вызвал Коллинса и велел тому убрать со стола. Мы вышли в вестибюль.

— Пока доктор будет уничтожать еще несколько грушевых деревьев, осмелюсь предложить вам познакомиться с оставшимися коллегами, — невозмутимо сказал Скарсдейл. — Вы найдете, что это люди гораздо более приятные.

Высокий и тощий доктор стоял у стены, расставив ноги, и мог хорошо слышать пренебрежительное замечание Скарсдейла. Я удивился еще больше, увидев, как он кивнул и улыбнулся, будто оценив реплику; кажется, я начал лучше понимать Ван Дамма и Скарсдейла.

Профессор повел меня за угол дома. Под ногами поскрипывал гравий. Затем мы очутились на выложенном брусчаткой заднем дворе, где находилось что-то вроде конюшни, окруженной другими постройками. Оттуда доносилось низкое гудение станка.

В центре двора стояла еще одна странная серая машина, родная сестра той, в которой недавно восседал Ван Дамм. Профессор бросил на меня проницательный взгляд, но не остановился и продолжал идти вперед размеренными шагами.

— Позже, позже, — сказал он. — У нас сегодня еще много дел, а вы вряд ли захотите возвращаться за полночь.

Я возразил и сказал, что готов остаться хоть до утра. Я забыл обо всех своих сомнениях: таким волнующим и заманчивым казался мне этот новый мир, движимый ощущением безотлагательного и таинственного предназначения. Эта энергия, словно электрический ток, главным образом исходила от самого профессора. Позднее я узнал, что так он воздействовал почти на

всех; даже Ван Дамм не мог противиться его влиянию, хоть и научился маскировать ворчливой критикой свои истинные чувства.

В мастерской на длинной скамье сидели двое. Старший обернулся, когда мы вошли, и его лицо расплылось в широкой улыбке. Не сдержавшись, он вскочил и сказал Скарсдейлу:

— Вы были правы, профессор. Все дело в длине волн. Все трудности позади.

Профессор улыбнулся, повернулся ко мне и формально представил меня.

— Это Норман Холден, — сказал он. — Превосходный историк и по совместительству наш радист. В экспедиции каждому отведены свои обязанности. Ван Дамм, например, будет отвечать за вездеходы¹.

Холдену было на вид лет сорок пять. Он сразу мне понравился: среднего роста, коренастый, с ровными белыми зубами, немного припухлым ртом и широко посаженными темно-кариими глазами. Лицо у него было волевое и в то же время добродушное.

Второй человек, сидевший на скамейке, встал и подошел к нам. Джеффри Прескотту было примерно столько же лет. Он был прекрасным лингвистом и специализировался в области египтологии, но обладал и практическими навыками. В экспедиции он отвечал за картографию и стряпню, хотя его дарования этим не ограничивались. Нашему маленькому отряду повезло и с руководителем: помимо прочего, Скарсдейл был врачом и способен был вылечить любую серьезную болезнь, какая могла нам угрожать.

Как мне позднее рассказал Скарсдейл, Прескотт частично расшифровал столь заинтриговавшие профессора иероглифы, ставшие причиной нашей встречи. Сейчас египтолог извинился и сказал, что работа требует всего его внимания, иначе экспедиция не сможет стартовать вовремя. Он поглядел на Скарсдейла с воодушевленной улыбкой, махнул рукой и вернулся на свой конец скамьи. Скарсдейл, не говоря ни слова, достал из кармана почерневшую старую трубку и сжал в зубах желтый мундштук.

Обойдя мастерскую, мы оказались у другого выхода во двор; здесь находилась громадная примыкающая постройка, похожая на самолетный ангар. Скарсдейл толкнул бычьим плечом откатную дверь, и она с лязгом отъехала в сторону. Он прошел вперед и зажег свет.

— Прекрасные люди — Прескотт и Холден, — лаконично сказал он. — Лучших спутников и пожелать нельзя. Думаю, вы с ними сойдетесь.

Я щурился и мигал в ярком свете больших рефлекторов, свисавших с потолочных балок. Передо мной стояли два громадных серых вездехода. Эти, в отличие от виденных мною в саду и во дворе, сверкали новой краской и имели регистрационные номера. По бортам шли черные трафаретные надписи:

---

¹ Автор везде именует машины экспедиции «тракторами».

«Большая северная экспедиция». На дверце первого вездехода значилось: «Командная машина»; чуть ниже стояло имя Скарсдейла. На дверце вездехода № 2 было проставлено имя Ван Дамма.

— Вездеходы номер три и номер четыре будут сопровождать нас в качестве резервных машин, — объяснил Скарсдейл и пригласил меня подняться по легкому металлическому трапу в свою машину.

Задвинув за нами раздвижную дверцу, профессор зажег в вездеходе свет и с довольно-таки оправданной гордостью стал показывать мне свои владения.

— Мы сконструировали эти машины вчетвером, чтобы преодолеть некоторые затруднения, с которыми я столкнулся ранее, — сказал он. — В вездеходах применен новый принцип фрикционной передачи. Помощь Ван Дамма, какими бы ни были его недостатки, оказалась неоценимой. Он также разработал новый тип форсированной аккумуляторной батареи. Мы сможем заряжать батареи по пути.

Скарсдейл показал мне просторный и продуманный с чрезвычайной изобретательностью внутренний отсек. В рулевой кабине, оснащенной окнами со скользящими заслонками, имелось также некое подобие штурманского стола и полки для книг и инструментов профессора.

Сзади находилась спальня, где могли с удобством расположиться три человека, а за ней маленькая кухня со всеми необходимыми принадлежностями. В машине была даже крошечная уборная, а также душевая кабина и раковина.

— Другие вездеходы ничем не отличаются от этого, — сказал профессор. — Если что-то случится с одной машиной, достаточно будет пересесть в другую.

Он помедлил.

— Вы не против изучить управление, я полагаю?

— С удовольствием, — ответил я. — Я хочу быть полезен не только как фотограф.

— Я спросил не просто так, — пояснил Скарсдейл. — Вездеходы, разумеется, отправятся вместе с нами морским путем. На суше, по пути к цели, нам понадобится водитель для каждой машины. Это займет четырех человек из пяти. Пятый возьмет на себя обязанности повара и сменного водителя. Как видите, заняты будут все.

— Вы не собираетесь нанимать носильщиков? — спросил я.

Профессор отрицательно помотал головой.

— Через некоторое время вы узнаете причину. В Англии нам придется провести еще два месяца. Ван Дамм, как вы могли заметить, еще далеко не освоил управление, да и вы сами, я уверен, захотите овладеть им в совершенстве.

Я кивнул. После мне в голову пришла новая мысль.

— Раз уж я стал официальным фотографом экспедиции, не стоит ли запечатлеть эти приготовления? Камера у меня с собой, в машине, и я буду рад начать прямо сегодня.

Профессору мое предложение явно понравилось, но затем на его лице появилось озабоченное выражение. Он положил руку мне на плечо.

— Не сердитесь, дорогой мой, но я вынужден попросить вас соблюдать секретность, — сказал он.

— Не уверен, что понял вас правильно, — ответил я.

Профессор нажал на кнопку, загудели электрические моторы, и на передние окна надвинулись заслонки. Мы очутились в теплом маленьком мирке, полностью отрезанном от окружающих нас мокрых полей Суррея.

— Наш проект является совершенно секретным, — продолжал Скарсдейл. — Я прилагаю все усилия, чтобы он остался таковым. Если пресса пронюхает о нем, могут возникнуть неприятности в краях, куда мы держим путь. Поэтому вы можете показывать фотографии только мне и остальным участникам экспедиции.

Он выглядел настолько встревоженным, что я охотно пообещал ему хранить тайну и даже добавил, что готов оставить отснятые пленки и проявить их, когда вернусь в имение со всем своим оборудованием.

Кажется, это успокоило профессора — но, когда я направился за камерой, он остановил меня.

— Будет справедливо, Плоурайт, если до вашего отъезда я расскажу вам еще кое-что о нашем деле. Тогда моя совесть будет чиста.

Я заверил профессора, что уже принял решение и непременно отправлюсь с экспедицией в роли официального фотографа; но, если он желает поделиться со мной дополнительными сведениями о своих планах и подробней рассказать о задуманной экспедиции — я, конечно же, сохраню в секрете все, чем он сочтет нужным со мной поделиться.

2

В следующий час я был очень занят. Я сделал около семидесяти снимков, уделяя особое внимание специальному оборудованию, усовершенствованному Скарсдейлом и Ван Даммом. Я знал, что профессор это оценит. самого профессора, вместе с нахмуренным Ван Даммом, я убедил попозировать мне на трапе одного из вездеходов. Затем я снова вышел под морозящий дождь и заснял удивительные маневры Ван Дамма в фруктовом саду. За Ван Даммом присматривал встревоженный Коллинс: профессор твердо приказал ему сообщать даже о раздавленной гусеницами груше.

После я вернулся в мастерскую, где сфотографировал Прескотта и Хол-

дена за работой. К концу съемки я запечатлел довольно полную картину деятельности Большой северной экспедиции. Было уже пять часов дня. Пока еще остававшиеся таинственными приготовления моих товарищей так захватили меня, что я с радостью согласился на предложение профессора остаться на ночь.

У Коллинса имелась одна не совсем обычная обязанность: когда ученые бывали слишком заняты и не хотели отрываться от работы, он сервировал чай — со всей сопутствующей парафернализацией, как то серебряным чайником, тостами, оладьями и сконами — в прозаическом окружении мастерской. Ровно в пять Коллинс торжественно вышел во двор, толкая перед собой приспособление, похожее на тележку медсестер в больнице. Приспособление было снабжено откидной крышкой, защищавшей горячие деликатесы от дождя.

Вскоре я уже прихлебывал почти кипящий чай из чашки тонкого фарфора, сидя за штурманским столиком в вездеходе профессора, а тот с мрачным видом рассказывал, что может ждать нас впереди. Об опасности, грозящей нашему миру, он узнал много лет назад, в начале двадцатых, штудировав некоторые запретные книги. Лишь много позднее он связал прочитанное с надписями на каменных табличках, найденных в различных концах света, а затем и со странными событиями прошлогодней весны и движущимися огнями в небе. Их наблюдали практически по всему миру; как считал Скарсдейл, они были связаны с явлением, которое он называл Пришествием.

Именно на такую цепочку событий намекали кощунственные древние книги и запретные трактаты на арабском и древнееврейском, которые он изучал долгие годы и в чьи тайны наконец проник. Наиболее ценным, по его словам, оказался латинский том под названием «Этика Югора»; описанные в нем ключевые признаки и упоминание Магнетического Кольца, вращавшегося за самыми дальними солнцами вселенной, в конце концов привели профессора к определенным фактам, настолько невероятным и фантастическим, что Скарсдейл даже не осмеливался намекнуть на них в беседах с самыми знающими коллегами.

Факты эти, согласно рассуждениям Скарсдейла, были связаны с некоей областью вселенной, которую профессор именовал «белым пространством». Древние почитали эту область и в своих стародавних писаниях всегда называли ее не иначе, как «Великая Белая Бездна». Создания, проходившие сквозь этот священный пояс космического пространства, как сквозь астральный портал, могли таким образом с головокружительной быстротой перемещаться на миллиарды миль; даже у Древних подобное путешествие заняло бы тысячи лет.

Скарсдейл верил, что благодаря открытию и долгому изучению иероглифов, а также главным книгам «Этики Югора», сумел вплотную прибли-

зиться к пониманию сущности Древних. Он пришел к заключению, что ключ к разгадке тайны их существования следует искать здесь, на Земле; тогда-то он и отправился в свою первую и наиболее трудную экспедицию, о которой упоминал ранее.

Возможно, Скарсдейл опасался, что профану его рассказ покажется историей дикой и вымышленной. Но я слушал, не перебивая, и он с каждой минутой говорил все более четко и уверенно. Что же до меня, то я не видел причин сомневаться в его здравомыслии и искренности, равно как и в заслугах его коллег по экспедиции. Серьезные и внушительные приготовления и их бесспорная научная подоплека сами по себе свидетельствовали, что речь идет о нешуточном и солидном начинании.

Профессор заглянул мне в глаза, ища поддержки. Я продолжал молчать, и это, как видно, приободрило его. Должно быть, мы представляли собой странное зрелище: громадный бородатый Скарсдейл, напротив я, застывший с хрупкой фарфоровой чашечкой в руках. Странной была и наша тайная беседа в серой металлической башне вездехода, стоящего в просторном ангаре где-то посреди дождливого Суррея. Кому-то эта обстановка могла показаться нелепой, но только не нам: так искренне верил Скарсдейл в свою правоту, так искренне верил я его словам.

— Поверьте, Плоурайт, если бы я мог прямо сейчас открыть местоположение пещер, я сделал бы это не задумываясь, — сказал он, глядя на меня серьезным взглядом своих завораживающих глаз. — Но на кону слишком многое. Давайте предположим, ради связности рассказа, что я говорю о Перу. Все это было не в Перу, но не имеет значения... Я провел годы за расчетами. Я не сомневался, что они верны. Необходимость хранить все в секрете вынудила меня ограничиться маленьким отрядом. Нас было трое. К моему большому сожалению и несчастью, местный помощник, которому я доверял, обманул нас. Мои спутники заболели. По глупости я решил отправиться в путь с большой командой носильщиков — иначе я бы не справился с огромным количеством снаряжения. С подобными вездеходами меня ждал бы триумфальный успех, но тогда... мои усилия были заранее обречены на провал.

Скарсдейл, как я со временем узнал, не был склонен к проявлениям чувств. Но воспоминания, очевидно, взволновали его: голос профессора дрожал, сильные широкие пальцы нетерпеливо барабанили по столу. Однако он взял себя в руки и снова скрыл свои переживания под маской спокойствия.

— Удивительно, что я вообще сумел добраться до места, — сказал он. — Прежде, чем носильщики бежали, я успел пересечь горы и дойти до внешних пещер. Я не стану вдаваться в детали: свежий, непредубежденный взгляд — вот что нужно мне от каждого из вас. Там были надписи, были туннели, которые вы видели на макете в библиотеке. Я взял рюкзак и запас прови-

зии и углубился в пещеры, оставляя по пути метки на стенах. Хуже всего были ночи. Я провел в туннелях много дней и почти не спал. Затем я вышел к огромному подземному озеру. Голод и чисто физическая невозможность двигаться дальше подкосили меня. Я едва выбрался наружу, шатаясь от слабости. К счастью, несколько проводников остались поблизости и помогли мне спуститься с горы. В газеты эта история полностью так и не попала. Вот более-менее и все.

Сквозь толстое кварцевое стекло он указал на дальний конец ангара.

— Разборные резиновые лодки из особо прочного материала. При необходимости, четыре сцепленные вместе лодки смогут послужить понтоном для перевозки вездеходов. Не думаю, что в этот раз мы потерпим поражение. Мы не имеем права позволить себе провал!

С этими словами он сжал лежащую на столе руку в кулак. Его глаза будто на миг затуманились, но я успел заметить в них горящие, бушующие огни.

Кларк Эштон Скарсдейл, понял я, был невероятно сильным человеком, но его духовная стойкость подвергалась не менее сильным испытаниям. Я прочистил горло, и этот заурядный звук словно вернул профессора к действительности. В ту минуту мне показалось, что он возвратился откуда-то издалека — быть может, с берега огромного и недвижимого подземного моря.

— Глиняным овалом на макете обозначено подземное озеро? — спросил я.

Профессор кивнул.

— Именно так. Я мог бы, собственно говоря, расширить макет, но решил, что это было бы неблагоприятно.

Заметив мое удивление, он продолжал:

— На основе более ранних исследований я сформулировал некоторые теории. Но я не видел собственными глазами то, что лежит за озером, и мне показалось бессмысленным придавать теориям физические черты на такого рода макете.

— Что вы ожидаете найти за озером? — без обиняков спросил я.

Скарсдейл улыбнулся и, казалось, сразу утратил серьезность.

— У меня есть, как я уже сказал, определенные теории. Было бы преждевременно и не слишком разумно излагать их на этой стадии. Это может лишить участников экспедиции всякого исследовательского рвения. Кроме того, должны же мы обсуждать какие-то гипотезы во время долгих вечеров у лагерного костра?

Я согласился с ним. Оставался еще один вопрос.

— Вездеходы, профессор. Что, если мы потеряем друг друга из виду?

Скарсдейл снова превратился в практичного руководителя экспедиции.

— Мощные прожекторы для передвижения под землей. Фонари и система сигналов. Коротковолновые радиопередатчики для голосовой связи, с радиусом действия до пяти миль. До отъезда вы научитесь управляться с этим

оборудованием. Ага, вот и Коллинс. Пришел за чайной посудой. Ну как, вы довольны подготовкой Большой северной экспедиции?

— Вполне, — сказал я.

Этот небрежный ответ обрек меня на самые чудовищные муки, какие я знал в жизни.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

На следующей неделе, покончив со своими делами в Лондоне, я выехал в Суррей. Я был доволен и одновременно тревожился. У меня было время обдумать смысл загадочных рассказов профессора. Обаяние его личности, его искренний голос придавали им весомость, но сейчас я видел в них немало пробелов. Некоторые его утверждения казались диковатыми, местоположение пещер по-прежнему было окружено мраком, и все же в целом я был склонен верить ему. Я не сомневался в его здравом рассудке, а послужной список профессора как полевого исследователя был весьма внушителен. В последние дни перед отъездом я обратился к справочникам; Робсон, мой старый друг, поделился со мной некоторыми личными наблюдениями касательно Скарсдейла. Это были, должен признаться, сведения из третьих рук, но они укрепили мое доверие к профессору. Робсон и сам интересовался причудливыми и пограничными сферами познания, а кто-то из его приятелей сопровождал Скарсдейла во время одной из «прогулок», как профессор называл свои экспедиции. Робсон был полон уважения к профессору и считал его одним из виднейших полевых исследователей двадцатого столетия.

Этого мне было достаточно. Робсон пообещал иногда «заглядывать» ко мне и отвечать на деловые письма, я же пообещал писать, когда и откуда смогу. Сложив небольшое количество вещей и гору фотографического оборудования, я загрузил все в свой старенький автомобиль и тронулся в путь. По прибытии в «Сосны» я сразу погрузился в рабочую рутину подготовки, тренировок, проверок. Я вспоминаю эти дни как счастливейшие в жизни, хотя не обошлось и без неприятных моментов.

Я обустроил маленькую фотолабораторию в вездеходе № 1. Помимо фотографических дел, мне пришлось заниматься перетаскиванием тяжестей (это было неизбежно, поскольку мы, пятеро участников экспедиции, должны были соблюдать секретность и не могли прибегнуть к посторонней помощи), осваивать радиопередатчик и постигать тайны управления вездеходом. Скарсдейл, к моему удивлению, отвел мне роль своего единственного спутника в вездеходе № 1. Ван Дамм командовал вездеходом № 2, а его экипажем были Холден и Прескотт. Я спросил, не возникнет ли у нас известный дисбаланс в распределении ученых — и ответ профессора вновь удивил меня.

— Вопрос не в технических навыках или научных познаниях, — сказал он. — Я руководствуюсь лишь тем, что в передовой машине должны быть двое физически наиболее крепких людей.

Я был немного встревожен, услышав этот ответ и увидев часть нашего

специального снаряжения. Ружья, револьверы, гранаты, ракетницы и даже нечто очень похожее на стойку с винтовками для охоты на слонов — в вездеходы загрузили впечатляющий арсенал.

Я хотел было спросить об этом Скарсдейла, но что-то в его глазах заставило меня прикусить язык. Все остальные не видели причин комментировать наличие оружия и не выражали никакой тревоги по этому поводу; я подумал, что они, наверное, уже обсуждали эту тему раньше. Все четверо провели в Суррее около года и очень сблизились, мне же, как новичку, многие их приватные шутки и выражения были непонятны.

Единственным, что было сказано об оружии, оказалось шутливое замечание Холдена. Скарсдейл как-то уехал по делам в Гилфорд. Прескотт стоял у раздвижной дверцы вездехода, а Холден подавал ему снизу одну из тяжелых крупнокалиберных винтовок. При этом он с серьезной миной отпустил какую-то ремарку о «мелкашке» Ван Дамма. Как же я удивился, когда он и его товарищ буквально залились хохотом. Ван Дамм, стоявший у дверей ангара — я его прежде не заметил — присоединился к ним, и его тонкий сдвинутый смех эхом отразился от потолочных балок.

Вскоре у них появился новый повод для шуток: я оказался таким бездарным водителем вездехода, что даже Ван Дамм мне и в подметки не годился. Сперва я никак не мог запомнить, как нужно действовать двумя рычагами управления, а сложный переключатель скоростей, разработанный Ван Даммом и Скарсдейлом, совсем сбивал меня с толку. Мои подвиги в туманном утреннем саду, где Коллинсу то и дело приходилось испуганно отпрыгивать в сторону, а профессор что-то рычал о стоимости фруктовых деревьев, после каждого моего выезда долго еще служили предметом веселья.

Ван Дамм, мне кажется, был втайне этим доволен, так как у профессора появился новый козел отпущения. Конечно, Скарсдейл не ругал меня так усердно и не позволял себе таких колких замечаний, как в шутливых перебранках с доктором — но все же раз или два он отвел меня в сторону и мягко выразил озабоченность моими ничтожными успехами. И это, больше чем что-либо иное, вселило в меня желание преуспеть. Всего за три недели я стал лучшим водителем экспедиции; это достижение я приписывал не столько своим личным качествам, сколько влиянию профессора.

Однажды утром профессор отправился в банк, чтобы забрать из ячейки помещенные туда на хранение карты, записные книжки и другие документы. Мы все поняли, что день отъезда приближается.

По распоряжению профессора, машины экспедиции должны были перевезти через Францию и Италию на трех больших грузовиках; нас больше ничто не задерживало, помимо расписания следующих по Каналу судов.

Мы направлялись в Рим, где профессор намеревался провести полевые испытания вездеходов в пустынном песчаном районе к северу от города. Я думаю, в те дни самым разочарованным человеком в «Соснах» был Кол-

линс, узнавший, что он не будет сопровождать профессора. Скарсдейл сообщил ему об этом как-то днем, за несколько суток до нашего отъезда, когда мрачный слуга помогал разбирать песочный ящик с макетом. Мы знали, что будем скучать по Коллинсу: чопорный, правильный дворецкий, всегда пытающийся соблюсти протокол пред лицом хаоса, служил для нас нескончаемым источником добродушных острот.

Но Коллинс просиял, когда Скарсдейл сказал, что ему нужен верный человек, которому можно доверить дом на время отъезда; получив обещание премии и полное главенство над большим штатом домашней прислуги, состоявшим из десяти человек, Коллинс с новой энергией вернулся к своим обязанностям.

Все прошло так, как планировал Скарсдейл. У меня не было никого или ничего, что удерживало бы меня в Англии, и я мог без особых сожалений надолго покинуть родные берега; все остальные члены экспедиции были холостяками — без сомнения, намеренно отобранными по этой причине профессором (Холден, правда, обручился незадолго до моего прибытия в «Сосны»).

Скарсдейл и Ван Дамм наблюдали за погрузкой вездеходов. Как удалось профессору избежать каких-либо упоминаний об экспедиции в национальной прессе на этой фазе операции, я так и не узнал. Мне кажется, он с самого начала дал журналистам понять, что перед походом в Арктику Большая северная экспедиция собирается провести технические испытания вездеходов в Европе; возможно, газетчики рассудили, что последние не представляли особого интереса для публики и приберегали свои репортажи для непосредственно арктического этапа. Я остался с двумя нашими спутниками в «Соснах», где мы завершили сборы и различные мелкие дела, ожидая возвращения Ван Дамма и Скарсдейла из Дувра.

Через три дня вся наша компания вылетела на гидросамолете в Италию; мы разместились в частном отеле близ Остии и, когда через день или около того прибыли наши драгоценные транспортные средства, провели испытания в песчаном районе, как и задумал Скарсдейл. Мы пробыли в Италии не более недели; если я начну вдаваться в подробности, это сильно перегрузит мой рассказ, поэтому скажу только, что результаты были весьма удовлетворительными.

Скарсдейл и Ван Дамм также были чрезвычайно довольны — настолько, что иногда забывали о своих перепалках. Наш прощальный ужин в Риме выдался таким веселым, что они даже согласились позировать для дружеской фотографии, предназначенной для одного из континентальных светских журналов. Я полагаю, что неплохо справился с задачей и провел свой вездеход вверх и вниз по дюнам с минимумом суеты и проблем. На самом деле все четыре машины показали себя очень хорошо, и в один из ветреных дней мы также опробовали резиновые лодки у берегов Остии, получив и

здесь приятные результаты. Скарсдейл особенно беспокоился о коротковолновых рациях и кондиционерах, и в обоих этих случаях испытания оказались обнадеживающими.

Затем глубокой ночью вездеходы были отвезены в доки и погружены на грузовое судно, место назначения которого нам тогда было неизвестно. Мы также отплыли на этом же судне, и с этого момента перестали сообщать публике какие-либо сведения о Большой северной экспедиции 1933 года. Я все еще не могу открыть миру, куда мы отправились и где именно высадились, и пусть читатель судит, оказал ли я тем самым миру дурную услугу.

Факт остается фактом: я не стану — не смею — вдаваться в подробности, и причины выяснятся в ходе моего повествования. С приближением нашего отряда к этому проклятому краю и этим проклятым горам краски неизбежно потемнеют. Из сказанного до сих пор читатель уже может сделать вывод, что мы двинулись не на север, а на восток. И по мере нашего продвижения все веселье, солнечный свет и дружеские отношения, так радовавшие нас среди туманных холмов Суррея, казалось, постепенно испарялись, как будто их никогда и не было.

Это не означает, что мы начали испытывать враждебность друг к другу или перестали быть сплоченной командой, но по окончании нашего долгого путешествия, занявшего больше месяца, чувство напряжения, ожидание и, наконец, ощущение какой-то скрытой угрозы заменили непринужденное общение предыдущих месяцев.

Мы высадились в ужасных условиях тропической жары, наняли носильщиков и направились в глубь континента.

Миновало еще несколько утомительных недель; на протяжении этого времени нашими главными заботами были жара, насекомые и мелкое воровство, распространенное среди носильщиков. Могу только сказать, что мы прошли вдоль границы Тибета, но больше ничто не заставит меня точнее указать местонахождение нашей цели. Еще несколько недель мы пересекали предгорья, поднимаясь все выше. Погода становилась прохладнее, пышная субтропическая растительность уступала место более засушливым ландшафтам, в которых господствовали скалы, ледяные горные потоки и древние пласты вулканического пепла. Более холодная погода была, конечно, облегчением после липкой жары равнин и очень помогла нам.

Четыре вездехода вели себя достойно, и на горных дорогах мы смогли поддерживать среднюю скорость примерно в 10 миль в час, что было исключительно хорошим показателем для такого типа местности. Работа машин была настолько впечатляющей, что однажды я услышал, как Скарсдейл прямо перед Ван Даммом рассыпался в похвалах инженерным решениям доктора. Оглядываясь назад, я часто задаюсь вопросом, не помогало ли что-то самой природе неумолимо приближать нас к нашей мрачной цели. Кто знает? Но я помню пульсирующий ритм, который, казалось, жил своей собствен-

ной жизнью, этот барабанный бой, который подчеркивал тонкий, высокий вой динамо-машин, что ежедневно влекли нас вперед, все выше, все дальше, все ближе к темной, угрожающей линии далеких гор. Там, сказал Скарсдейл, мы должны будем расплатиться с носильщиками и устроить временную базу в древнем городе Зак.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Мы прибыли в Зак 1 сентября и расплатились с носильщиками, которые по привычке нещадно торговались и ворчали. Немного позже я подробнее опишу этот старинный город с крепостными стенами и мавританской архитектурой. Мы устали от долгого путешествия; постоянные рывки рычагов на горных тропах вызывали у сидевших за рулем что-то вроде тошноты. Естественно, мы могли время от времени отдыхать, так как нам приходилось часто останавливаться, чтобы нас могли догнать носильщики; тем не менее, было благословенным облегчением узнать, что Скарсдейл намеревался остаться в Заке на целую неделю.

Мы могли снова питаться свежими фруктами и овощами, поскольку условия на этом высокогорном плато благоприятствовали земледелию и Зак славился по всему региону качеством своих продуктов. Нам также нужно было накопить силы — впереди нас ждало первое испытание. На небольшом и по необходимости кратком военном совете, устроенном профессором в командном вездеходе в вечер нашего прибытия, он сообщил, что путь наш лежит через пустыню в Нильстрем, последний населенный пункт перед прыжком в неведомое.

Нильстрем располагался не менее чем в двухстах километрах от Зака. Я смотрел на профессора с благоговейным трепетом, ведь он кое-что рассказал мне о своей предыдущей экспедиции в этих местах. И, если я правильно его понял, он в то время проделал весь этот путь пешком. Даже учитывая помощь носильщиков, оставшихся на горе и, без сомнения, знакомых с пустыней, это было огромным достижением. Я вспомнил своего друга Робсона и его истории о «прогулках» профессора — и глянул на Скарсдейла с еще большим уважением, если это только было возможно.

В течение следующих нескольких дней мы наслаждались всеми удобствами, какие мог предложить город. Мы, понятно, жили в вездеходах, но смогли дополнить наш несколько однообразный консервированный рацион достославными фруктами и овощами Зака. Ван Дамм и остальные были заняты обслуживанием вездеходов, готовясь к переходу через пустыню, я же тем временем запечатлевал на пленке наше новое окружение. В течение недельного отдыха профессор созвал несколько совещаний, но, хотя он и другие подробно рассказывали о технических проблемах, с которыми мы могли столкнуться, никто напрямую не высказывался об ожидающих нас опасностях или точной цели Большой северной экспедиции.

Невзирая на эти курьезные экивоки, в один из последних вечеров в городе

Скарсдейл отвел меня в сторону, чтобы еще раз подчеркнуть важность — и секретность — нашего проекта. В тот день, впервые в Заке, наши большие резервуары с водой, каждый вместимостью более тысячи галлонов, были заполнены для перехода через пустыню. Вода сначала кипятилась, а затем химически очищалась в соответствии со сложным ритуалом, разработанным Ван Даммом и профессором.

Обитатели Зака, любопытная раса с длинными, заостренными головами, чем-то похожая на древних египтян, были самым невозмутимым и безразличным народом из всех, кого я когда-либо встречал; они не только отказывались позировать для фотографий, но и ничуть не интересовались ни нами, ни занятиями Большой северной экспедиции. Это казалось мне совершенно удивительным: подумать только, ведь они никогда в жизни не видели автомобиля, не говоря уже о таких замечательных машинах, как те, на которых мы приехали.

В своих темных конических шляпах и белых одеждах, очень похожих на пижамные куртки, которые жители носили со штанами до колен и мягкой кожаной обувью, они казались сдержанными и утрюмыми, хотя среди женщин попадались исключительные красавицы. Девушки были особенно белокожими и имели склонность обнажать одну грудь и сосок; покрой их одежды в глазах западного человека выглядел чрезвычайно провокационным. Но Скарсдейлу едва ли требовалось делать предупреждение, которое он счел нужным высказать в первый вечер нашего пребывания в Заке; надменное и гордое поведение мужчин и смертоносные ножи, что они носили в ножнах с медными заклепками на поясе, и без того обескуражили бы самого пылкого поклонника их женщин.

Устрашающие для чужих, в своей среде они придерживались абсолютной полигамии. Некоторые женщины предпочитали брачные союзы с тремя или четырьмя мужьями и только их одаривали своей благосклонностью; в то же время, у кое-кого из наиболее именитых граждан было по восемь и более жен, все моложе двадцати лет. К счастью для нас, та мера сотрудничества населения, в какой мы нуждались, была обеспечена местным правителем, миром Зака. Скарсдейл познакомился с ним во время своего предыдущего визита. По меркам Зака, мир был человеком крайне жизнерадостным; более семи футов ростом и пропорционально широкий в плечах, он сердечно приветствовал нас и настоял, чтобы мы поставили наши вездеходы в стенах его дворца.

Это необычное здание имело шесть внутренних дворов, вымощенных очень красивыми мозаичными плитами; сам дворец был окружен стеной из розового гранита высотой более двадцати футов, и солнце безжалостно отражалось от мозаичных плит, так что мы сначала пожалели о гостеприимстве властителя, вынудившем нас расположиться в этом жарком месте. Однако, когда Скарсдейл пожаловался миру на наши трудности, тот перевел

вездеходы в тенистый внутренний двор, изобиловавший странной растительностью с алыми и зелеными плодами, где фонтаны чистой воды звенели в свинцовых бассейнах.

Здание дворца было выстроено из какого-то белого вулканического камня или пепла, спрессованного в кирпичи, и походило на гигантский свадебный торт; в определенное время дня было опасно для глаз смотреть прямо на него, так ослепительно сияло оно на солнце, и всем нам, будучи в пределах дворца, приходилось носить темные очки.

Город Зак занимал господствующее положение на плато; то было очень древнее и даже красивое место с белыми и медового цвета зданиями и облаками розовых птиц, напоминавших голубей; птицы населяли городские башни и дворы и порой тысячами взмывали в воздух и кружились над Заком, словно второй закат, когда солнце пустыни окрашивало их оперение красным. В Заке было не менее десяти тысяч жителей, и цивилизация была достаточно передовой для тех мест; имелось около сотни землевладельцев, и многие жители города ежедневно выходили работать на поля и в сады, которые были чрезвычайно плодородны, несмотря на яростное солнце, и обильно орошались благодаря сложной системе водоснабжения, управляемой из города.

Наши беседы с миром были затруднены и проходили при посредничестве Скарсдейла; однако мир сумел поведать нам кое-что касательно обычаев и истории своего народа и пообещал предоставить проводника, какой должен был облегчить нам тяжелое путешествие через пустыню в Нильстрем. В Заке, если верить переводам Скарсдейла, существовали даже государственные служащие, цех торговцев и многие другие категории граждан, администраторов и законодателей. Мы смотрели, восхищались, гуляли по старому городу, но избегали слишком близкого контакта с людьми. Никто не мог этого объяснить, но мы чувствовали, что должны держаться в отдалении от них, несмотря на очарование самого города. Природное недоверие к народу Зака никогда не покидало нас.

2

Естественно, когда мы оказались в тесном контакте друг с другом, я начал лучше узнавать своих товарищей. Теперь, в поле, доктор Ван Дамм и Скарсдейл работали более слаженно, и это доказывало мне, что их едкие споры в Англии были не более чем притворством. Конечно, и за те несколько недель, что мы провели вместе в Англии, у меня появилось больше возможностей наблюдать за моими коллегами; каждый из них нравился мне по-своему.

Мы, безусловно, пробыли как группа на борту корабля, но тогда вокруг было много других людей, а во время путешествия в Заке каждый из нас по долгу оставался в одиночестве, сосредоточившись на управлении вездеходом; по вечерам, разбив лагерь, мы были рады хотя бы снова увидеть один другого. Сейчас, в Заке, мы впервые вновь оказались вместе и к тому же на несколько дней освободились от всех обязанностей, кроме самых номинальных. За этот короткий период мы неизбежно узнали друг о друге гораздо больше, чем было возможно до сих пор.

Я выделил свободный день для фотографирования и в то утро и вечер использовал своих спутников в качестве вьючных мулов; я также намеревался снять кинокартину о работе экспедиции и, хотя Скарсдейл и Ван Дамм ворчали по поводу того, что им приходится снова и снова повторять одни и те же простые движения, пока я не получу нужный материал, мне кажется, они были втайне довольны этой хроникой того, что обещало стать важным шагом в неуклюжем продвижении человека к знаниям.

Холден и Прескотт проводили большую часть времени друг с другом; поскольку они когда-то работали в одной приборостроительной компании, их дружба зародилась много лет назад и была вполне понятна.

По возрасту меня и Скарсдейла разделяло несколько лет, но он был руководителем нашей партии, и его разносторонние научные интересы означали, что он имел куда больше общего с Ван Даммом, нежели со мной, несмотря на их существенную разницу в возрасте. Таким образом, я оказался как бы лишним; никто, конечно, не подчеркивал этого, и в смысле отношения ко мне это не имело никакого значения. По правде сказать, я и сам предпочитал такое положение, так как благодаря ему мог выполнять свои фотографические задачи, не оглядываясь на прихоти или предпочтения других.

Я часто проводил вечера на продуваемом ветрами краю плато, одном из самых интересных мест в Заке. С острия скалы медового цвета, я видел в одной стороне пустыню, тогда как с другой, в плодородной долине прямо подо мной, располагалось ирригационное сооружение, которое питало посевы и качало воду вдоль дамб к полям и высоким, причудливой конструкции ветряным мельницам с неправильной формы лопастями.

Тонкий вой насосных машин, завывание ветра вдалеке, затейливые узоры и завитки на буровато-сером песке пустыни, простиравшейся далеко за горизонт, черная и грозная линия гор вдалеке и обжигающий жар, долетавший из пустыни, как дыхание дикого зверя, завораживали меня, и даже теперь, после стольких лет и с тем грузом знаний, который я несу, я не могу не восхищаться ими. Стоит мне только закрыть глаза, и эта картина явственно всплывает в памяти. Те вечера были едва ли не последними мирными минутами в моей жизни.

Медленно, с нежной прихотливостью сна пожирателя гашиша, проходили дни в этом странном месте, но однажды вечером Скарсдейл объявил,

что на следующее утро мы отправляемся в далекую твердыню Нильстрема. Мы провели весь день, проверяя вездеходы и загружая свежие припасы, в чем не было ничего неожиданного; все мы, однако, успели привыкнуть к здешней жизни и с ощущением чего-то наподобие шока осознавали, что вскоре будем сражаться с рычагами вездеходов и изнемогать от тропической жары.

Мир выделил нам в помощь одного из самых любопытных своих подданных, карлика Залора. Гном знал жителей Нильстрема и, что еще более важно, кочевые племена пустыни и, по мнению правителя, мог оказаться нам полезен в путешествии. Он собирался остаться в Нильстреме и вернуться в Зак с ежемесячным караваном, служившим торговым мостиком между этими двумя городами. Лично я не был впечатлен нашим проводником. У него были холодные глаза, остроконечная голова и толстые губы, свойственные его расе, а кроме того, как и все его соплеменники, он был начисто лишен чувства юмора.

Как ни странно, он прекрасно говорил по-английски и, в приложение к собственному, немного знал языки пустыни, так что, очевидно, являлся ценным дополнением к экспедиции. К моему сожалению, Скарсдейл сказал, что в течение первого дня карлик будет путешествовать в нашем вездеходе. У Скарсдейла была привычка, когда мы находились в пути, делить свое время между вездеходами; так он мог видеть, как каждый из нас управлял машиной и, что было еще более важно с его точки зрения, узнать, как мы справлялись с различными неизбежно возникавшими чрезвычайными ситуациями. Поэтому я испытал облегчение, узнав, что наш грозный профессор тоже будет на борту; управление машиной отнимало все мое внимание, и мне не нравилась мысль о том, что весь день над моим плечом будет нависать несколько злобная фигура карлика.

То утро второй недели сентября, когда мы покинули Зак, было наполнено гулом ветра и ярким солнцем. Мир любезно согласился официально попрощаться с нами; я заснял его рукопожатия со Скарсдейлом и Ван Даммом и запечатлел для потомков другие исторические моменты. Угрюмые горожане, по своему обыкновению, отнеслись к этому событию, как и к нашему приезду, без всякого энтузиазма, и только несколько десятков человек, в основном чиновники и администраторы из дворца, явились проводить нас в неизвестность.

Они встали полукругом, когда вой моторов вездехода прорезал шум ветра, и подняли в торжественном прощании свои странные, трезубые жезлы власти. Машина Ван Дамма с развевающимися вымпелами шла первой, но лишь ради зрелища: в пути мой вездеход с проводником на борту должен был занять флагманскую позицию, а остальные — выстроиться в кильватере. Тем временем карлик Залор указал Ван Дамму общее направление; мы двигались на юг, но нам предстояло маневрировать и лавировать в огромной

песчаной пустыне, чтобы избежать препятствий в виде определенных геологических формаций.

Наконец, когда три другие громадные машины с грохотом перевалили через гребень и направились к отдаленной точке, где земля переходила в буровато-серый песок, Скарсдейл выпрямился на трапе командирской машины номер один и с достоинством помахал рукой на прощание. Я запечатлел этот миг для официальных архивов, а затем последовал за профессором в вездеход. Залор, поднимавшийся передо мной, оступися на скользких металлических ступеньках. Что-то звякнуло у его ног. Я наклонился, поднял упавший предмет и протянул ему. Его темные глаза злобно глянули на меня, и он, не говоря ни слова, сунул предмет обратно в карман.

Я подошел к своему мягкому кожаному сиденью и стал ждать указаний профессора; тот уже связывался по рации с другими машинами, которые, как мы видели, шли в облаках пыли примерно в миле впереди нас. В эфире трещали помехи, время от времени профессор бормотал какие-то инструкции. Залор стоял у штурманского столика и разговаривал со Скарсдейлом.

Профессор тронул меня за плечо, и я посмотрел на подсвеченную карту на переборке, где пунктирно отмечалось наше продвижение. Залор вращал стрелку репитера, наводя мой компас на курс. Я отметил направление на север и свой истинный курс и потянул за рычаги, готовясь повернуть вездеход в нужном направлении. Скарсдейл включил мощные электродвигатели и кивнул мне. Я включил передачу, гусеницы с едва заметной дрожью пришли движение, и мы тронулись. Поднялась пыль, и я увидел в панорамном зеркале заднего вида, как мир и его свита стали медленно исчезать, словно их стирала песчаная губка.

Затем мы переползли через небольшой гребень, и башни Зака исчезли вдаль. Далеко впереди три облака пыли, наши вездеходы-спутники, опускались, поднимались и покачивались, как корабли в море, преодолевая первые волны огромного моря песка. Я поправил перчатки, устроился поудобнее в кожаном кресле и выровнял стрелки компаса, пока Скарсдейл устанавливал истинный курс.

Я был так занят, что едва успел подумать о предмете, который выронил на трапе карлик. Хотя он так торопился спрятать предмет обратно, что чуть не выхватил его у меня из рук, я не мог не осознать его значения. Это был квадратный обломок древнего камня. Того типа камня, что уже был мне знаком. На нем были высечены полустертые непотребные иероглифы, подобные тем, что были найдены во время экспедиции Паттерсона в Антарктику — иероглифы, над расшифровкой которых профессор с таким тщанием трудился последние несколько лет.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

Ветровое стекло покрылось пылью, когда мой номер 1 лег на курс, и мы миновали три другие машины, послушно выстроившиеся за кормой. Было бы утомительно рассказывать обо всех происшествиях следующих дней. То были дни адской жары и песка; дни мучительных страданий в вездеходах. И все же, несмотря на эти трудности — мы отправлялись на отдых лишь в девять часов вечера, совершенно измученные после целого дня, проведенного за рулем раскачивающихся, встававших на дыбы машин, — экспедиция преодолела двести километров пекла за четыре дня.

Мы все отдавали должное конструкции вездеходов, а Скарсдейл и доктор Ван Дамм были в восторге от их работы. Одна из запасных машин, пилотируемая Прескоттом, доставила нам некоторые неудобства, потребовавшие замены подшипников на главных катках, но все четыре машины к вечеру четвертого дня благополучно прибыли в Нильстрем. И пусть мои подозрения относительно Залора усилились, карлик оказался хорошим проводником и безошибочно ориентировался даже в разгар песчаных бурь, которые только усугубляли наши мучения.

Каждый вечер мы разбивали лагерь на самом ровном участке местности, какой могли найти; вездеходы ставили в углублении, защищая их от ледяного ветра, поднимавшегося с наступлением заката. Не располагая дровами, мы не могли развести костер и поэтому в первый вечер использовали две большие горелки — новый тип примуса, разработанный Скарсдейлом. Они послужили двоякой цели, то есть помогли нашей маленькой компании согреться, а также заварить чай и разогреть мелкие консервированные деликатесы. Но, какой бы приятной ни была идея светского чаепития в этот вечерний час, реявший в воздухе песок лишил нас всякого удовольствия от пикника, и после первого вечера мы стали собираться на общую трапезу в командном вездеходе Скарсдейла, прежде чем разойтись на ночь по своим койкам.

Залор, по какой-то причине, известной только ему самому, не любил ночевки в вездеходах, хотя чувствовал себя внутри достаточно комфортно, когда машины находились в движении. Завернувшись в плащ, он спал под командирской машиной, выкапывая для себя в песке что-то вроде гнезда. Это меня вполне устраивало, и в первый же вечер я запер за ним дверцу, довольный тем, что он проведет следующий день в машине Ван Дамма. Вездеход доктора пойдет впереди, а мне нужно будет только следовать за ним.

Я долго раздумывал о скрытом значении таблички, которую карлик хра-

нил под одеждой; сам он никогда не упоминал о ней ни словом, ни жестом после того неловкого мгновения на ступеньках вездехода. Я чувствовал, что при первой же возможности должен обсудить случившееся со Скарсдейлом, но в то же время боялся, что это может внести диссонанс в нашу маленькую группу. В конце концов, могло быть какое-то вполне заурядное объяснение; скажем, профессор сам дал Залору табличку, чтобы с помощью ее тот определял направление.

И все же, удобно устроившись в койке и прислушиваясь к шуршанию песка по ветровому стеклу, сопровождаемому завываниями ветра в углах машины, я не мог заставить себя заговорить на эту тему, а днем такой возможности не представлялось. Как будто по негласному договору, профессор в ночные часы и сам прекращал всякое общение; он лежал на своей койке напротив с большой дымящейся металлической кружкой чая у локтя и углублялся в потрепанную тетрадь, испещренную пространными карандашными заметками.

Время от времени он обращался к столбикам цифр, написанных чернилами на маленькой карте, которую он днем разворачивал на навигационном столике, и порой его таинственные вычисления продолжались до самого рассвета. Настольную лампу он направлял на свою койку, и крошечный круг света очерчивал его бороду золотым ореолом, а длинные струйки пара, поднимавшиеся к лампе от нетронутого чая, создавали ощущение уюта посреди тех гиблых мест, где мы оказались.

Этот образ, последнее, что я обычно видел перед сном, врезался мне в память и все эти несчастные годы продолжает преследовать меня во время долгих ночных бдений. Скарсдейл, как правило, первым вскакивал по утрам, несмотря на все свои вычисления. Мы вставали еще до шести, чтобы воспользоваться утренней прохладой — к девяти пустыня превращалась в раскаленную печь, — и каждое утро проклинали профессора, так как около шести часов он включал клаксон на передней панели нашего вездехода, чей гудок, надо полагать, отдавался эхом на многие мили вокруг.

Мы обычно завтракали в пути, прямо из консервных банок и пакетов, и профессор на полчаса брал на себя управление, позволяя мне поесть. С благословенным чувством облегчения я проводил свободные минуты за штурманским столиком, глядя на простирившийся впереди странный лунный пейзаж. Для меня это были уникальные впечатления, поскольку за рулем я постоянно сверялся с компасом и за неимением времени не замечал тонкие градации ландшафта.

В любом случае, заметить их было бы трудно, когда Скарсдейл бешено гнал вездеход вслед за облаком пыли, поднятым машиной Ван Дамма. И, пока мы продвигались вперед, край темных гор на горизонте медленно поднимался в небо.

Пустыня казалась необитаемой, и единственным признаком жизни бы-

ли фигуры трех оборванных кочевников, представшие перед нами на далекой дюне к закату второго дня. Кочевники рассматривали нас, словно резные изображения на каком-то заброшенном саркофаге древнего Карнака. Не знаю, почему мне пришло в голову такое сравнение, но эта пустыня, хотя она и не имела ничего общего с Египтом, древним или современным, не могла не напомнить о той молодой цивилизации.

Я намеренно говорю «молодой», потому что область, куда мы так беспорядочно и безжалостно проникали, была гораздо более древней и нечестивой. Думаю, мы все почувствовали это к вечеру четвертого дня, когда наконец прибыли в Нильстрем. Кто знает, что мы ожидали увидеть; Скарсдейл, разумеется, бывал в Нильстреме и раньше, и город его не удивил. Скажу прямо, я подобрал неточное слово, ибо Нильстрем едва ли можно было назвать городом. Он представлял собой всего-навсего сбившееся в кучу нагромождение лачуг из обожженного кирпича, разделенных улицами на три или четыре прямоугольных квартала, с небольшим солоноватым озерцом и несколькими жалкими чахлыми деревьями, которые, однако, были в этой местности такой редкостью, что при взгляде издалека резко выделялись на горизонте. Контраст с великолепием Зака был настолько вопиющим, что у меня упало сердце, когда мы приблизились к этой отвратительной деревне, казавшейся скопищем отбросов у подножия гор, высившихся теперь в некотором отдалении.

Как ни странно, люди, хотя и исхудалые, с землистыми лицами и больными глазами, были куда дружелюбней и приветливей жителей Зака; они, парадоксальным образом, высоко оценили бы великолепие последнего города, в то время как миру и его замкнутому, малопривлекательному народу подбало бы жить в Нильстреме, чего они вполне заслуживали. Через несколько минут после нашего прибытия я стоял у дверцы вездехода, оглядывая собравшуюся на площади толпу, и мои мысли, должно быть, ясно отражались на моем лице. Карлик Залор, протиснувшись мимо в сумерках, обернулся, бросил на меня ненавидящий взгляд через плечо и прошипел что-то на своем неразборчивом, косноязычном наречии.

Да, этот парень казался мне омерзительным, но я вынужден был признать, что он хорошо выполнил свою работу и доставил нас в Нильстрем в целости и сохранности, не теряя времени зря. Скарсдейл снова очутился на знакомой территории, и я видел его огромную фигуру, возвышавшуюся над толпой. Профессор то и дело останавливался и пожимал руки каким-то людям, с которыми встречался во время предыдущей экспедиции. Я продолжал раздумывать над каменной табличкой Залора, но прибытие в Нильстрем и впечатления следующих часов ненадолго изгнали этот инцидент из моей головы. За ужином в командном вездеходе у нас состоялось короткое совещание; Скарсдейл оповестил нас, что мы проведем в Нильстреме всего два дня, а затем совершим последний бросок через пустыню — к Черным горам.

Профессор впервые использовал корректное географическое название этой горной гряды, и мы все смотрели на него с интересом, ожидая новых откровений. Но в тот вечер это было все, чем Скарсдейл счел нужным поделиться с нами. Он сказал, однако, что вездеход № 4 останется в Нильстреме как резервный, а к Черным горам мы поедем в оставшихся трех, и это значительно облегчит нам задачу. В последних лучах заходящего солнца мы еще успели дойти до края селения и взглянуть на то, что нас ожидало. Черные горы вздымались всего в пятидесяти милях от нас, и путь обещал быть не слишком трудным.

К горам вела плоская равнина, покрытая черным, слежавшимся вулканическим пеплом — мы окрестили ее Равниной Тьмы. Пронизывающие ветры, постоянно дувшие с гор, поднимали низкое, похожее на туман облако, которое могло причинить нам определенные неприятности. Радовало то, что температура здесь была ниже — значит, нам не придется страдать от жары, как в пустыне.

На прогулке меня сопровождали Прескотт и Ван Дамм; двое других наших спутников остались с взволнованной толпой на площади. Залор куда-то исчез и, вероятно, занялся собственными делами.

Вид был одновременно странным и великолепным. Ветер на время стих, улеглась и пыльная буря; сквозь потустороннюю вуаль, которую она набросила на Равнину Тьмы, сияло карминовое великолепие солнца, окрашивая далекие ровные вершины гор, пока не стало казаться, что весь небосклон превратился в единую массу мерцающей крови. Склоны горной гряды были усеяны белыми линиями; на таком расстоянии они выглядели как замысловатая карта или, если напрямчь воображение, многожильная структура паутины.

Даже обычно невозмутимый Ван Дамм, казалось, был тронут красотой пейзажа. Он издал тихое, приглушенное восклицание, суть которого я не уловил.

— Жаль, что я не захватил с собой кинокамеру, — невольно воскликнул я. — Такие кадры послужили бы прекрасным введением к эпизоду с заключительным этапом путешествия.

Доктор покачал головой.

— Вы молоды, Плоурайт, — медленно произнес он. — Но мне все это не нравится. Совсем не нравится.

И он решительно отвернулся от этой сцены задумчивого великолепия и никак не стал пояснять свои замечания, хотя я несколько раз возвращался к ним в тот вечер.

Позднее он лишь сказал:

— В моих жилах, за вычетом нескольких поколений, течет северная кровь, Плоурайт. Северные расы, как вы знаете, склонны к мистике. Черные горы, как географическая концепция и отметка на карте, великолепны. Но уви-

денные в реальности, они пробуждают во мне чувства, которые вы, будучи в моих глазах человеком чрезвычайно молодым, вряд ли сможете разделить. Я только молюсь, чтобы вы не переняли мой образ мысли до того, как эта экспедиция завершится.

2

Я отправился спать, несколько раздраженный и озадаченный словами Ван Дамма. Вся идея Большой северной экспедиции была, с точки зрения любителя, экстраординарной; когда мы отправились в путь, четверо из пяти участников даже не знали, куда мы направляемся, понимая лишь, что это будет сторона, противоположная северу. И до сих пор Скарсдейл, несмотря на многочисленные намеки и наш разговор о небесных огнях и камнях с высеченными иероглифами, на практике говорил только о резиновых лодках, вездеходах и важности участия в экспедиции физически сильных людей.

Но я обожаю загадки. Говоря откровенно, вокруг них в основном и выстраивались мои приключения. Я не знал и не заботился о том, куда приведут меня мои путешествия, при условии, что у меня будет возможность свободно фотографировать и разделить поездку с приятными спутниками. А это великое предприятие как раз и предоставило мне изобилие подобных возможностей. Размышляя об этом и о многом другом, я забылся беспокойным сном.

Я проснулся около трех часов ночи. Хотя оконные заслонки вездехода были закрыты, я знал, что еще не рассвело. Несколько минут я пролежал без сна, прежде чем проверить время по своим наручным часам с подсветкой. Меня разбудил какой-то краткий металлический звук — и вскоре этот негромкий звук повторился.

Я широко раскрыл глаза и, чуть повернув голову, смог сосредоточить взгляд на койке профессора. Его крупное тело недвижно покоилось под одеялами, отчетливо слышалось слабое дыхание. Он крепко спал. Я медленно отвернулся и боковым зрением заметил скользнувшую мимо размытую фигуру. В кабину командного вездехода, температура в которой строго регулировалась, вторгся легкий ветерок: кто-то явно открыл наружную дверцу. Мгновение спустя она закрылась со щелчком, точной копией того, что изначально разбудил меня.

Звук повторился, когда кто-то подергал ручку снаружи. К этому времени я уже встал и нащупал свои брюки; я быстро надел их поверх пижамных штанов и сунул босые ноги в тапочки. В этот момент по ветровому стеклу вездехода прошла тень. Неизвестный свернул налево; я выждал несколько секунд, затем открыл дверцу и тихо выскользнул в ночь.

Мы поставили машины в небольшом тупичке рядом с кузнечными мастерскими, неподалеку от главной площади селения, так что я знал, что моя добыча могла попасть отсюда только на площадь. Я был уверен, что догоню этого человека. Я также не сомневался в том, кем именно он был. Вряд ли кто-либо из наших коллег стал бы тайком прокрадываться ночью в командирский вездеход. При мне был крепкий хлыст верблюжьей кожи, подаренный Скарсдейлу миром Зака, и теперь я со значением расправил его, пригнувшись на миг в тени, чтобы глаза привыкли к темноте.

Добравшись до площади, я без особого труда разглядел на некотором расстоянии от себя сгорбленную фигуру карлика Залора, который пробирался по изрытой ужасными колеями земле. Я понял, куда он направлялся, и замедлил шаг, обогнув площадь по краю. Затем я стал наблюдать за карликом, прячась в своеобразной галерее, сложенной из грубо обтесанных камней и выходившей на лавки каких-то ремесленников.

Ранее тем вечером Скарсдейл решил провести полную ревизию нашего снаряжения перед последним этапом путешествия к Черным горам. Будет проще, рассудил он, если мы вечером разберем как можно больше оборудования, готовясь к работе на следующий день. Соответственно, мы извлекли из машин радиоприемники, моторные приводы и многие другие критически важные детали и поместили их в складское помещение, предоставленное нам жителями Нильстрема.

Староста, или как он там себя называл, запер помещение на деревянный засов, после чего Скарсдейл самолично навесил на дверь цепь и висячий замок из запасов экспедиции. Теперь мне стало ясно, почему Залор нанес нам визит — он охотился за ключами Скарсдейла. Склад, где обычно хранились овощи и сушеные травы, выращенные жителями Нильстрема, находился в небольшом дворике, выходящем на другую сторону площади, и мне не к чему было спешить, поскольку я был уверен, что он-то и являлся конечной целью Залора.

Поэтому я продолжал наблюдать, пока он не исчез в туманном свете луны, и спокойно последовал за ним, дав ему минуту или две, чтобы он успел снять с деревянной двери висячий замок. Я хотел убедиться в злокозненных намерениях карлика, прежде чем сообщить Скарсдейлу о его вероломстве. У ворот, за которыми исчезла моя добыча, я снова остановился и стал ждать. Ночь была прекрасная, сухая, но довольно холодная, и я слегка поежился, когда ветер пробрался сквозь тонкую материю моей пижамной куртки. Ночная темнота придавала скромным постройкам Нильстрема величие, которого им особенно не хватало днем. Вдалеке, хотя и не особенно далеко, если учесть географическую компактность городка, завывала голодная бродячая собака. Теперь я мог слышать впереди тихое позвякивание, и один раз вспыхнул маленький электрический фонарик. Я улыбнулся в темноте. Без сомнения, Залор уже поживился запасами экспедиции. Еще на площади

я заметил, что с его плеча свисало что-то похожее на холщовую сумку. Я был уверен, что он собирался бежать, предварительно устроив нам какую-то пакость. В ночи ничто не двигалось, никто не шевелился ни в одном из запущенных домов поблизости, но я ощущал где-то вдалеке мрачные громады Черных гор, казавшиеся почти осязаемой реальностью даже во тьме.

Пока я медлил, раздался скрежет, а затем приглушенный звук удара. Это означало, что Залор сбросил с двери засов. Я низко пригнулся и осторожно повернул за угол, стараясь не выдать себя неосторожным движением. Я все еще хотел дать Залору последний шанс доказать свою невиновность; но если бы я преждевременно показался на виду, он мог бы придумать какое-нибудь совершенно безобидное объяснение своего присутствия в этом месте и в этот предутренний час.

Вновь слышались скрежещающие звуки, а затем неяркий луч фонаря исчез в помещении склада. Я бесшумно прокрался вперед и через несколько мгновений оказался перед зданием. Залор открыл только одну створку двери, и я спрятался за ней, хотя особой нужды в таких предосторожностях не было — там, на складе, карлик был слишком поглощен своими делами.

Теперь он действовал с безрассудным пренебрежением к шуму, и я мог слышать шуршание сгребаемой соломы. Я выглянул из-за края грубой деревянной двери. Залор поместил свой фонарик на один из наших генераторов; свет падал на пол и стены перед ним. Все наше оборудование было сложено рядом, подготовленное к завтрашней работе; пока я наблюдал, Залор закончил укладывать солому вокруг него и юркнул в дальний угол. Он вернулся с приземистым зеленым контейнером. Я узнал этот контейнер: в нем находился парафин, которого у нас было предостаточно на крайний случай или для использования в лампах, если мы работали вдали от вездеходов.

Мне больше не требовалось ждать. Спичечный коробок выпал из руки Залора, когда я в бешенстве врезался в него, отправив карлика на пол. Однако он быстро вскочил, просипев что-то на своем отвратительном языке. Счастлив сообщить, что я нанес ему два хороших удара по плечам своим кожаными кнудом и с удовольствием услышал пороссячий визг, которым он встретил мои удары. Тем не менее, он был крепким парнем, несмотря на свой маленький рост, и яростно напал на меня, выхватив из-за пояса нож с изогнутым лезвием.

Силясь удержать его руку с ножом, я выронил хлыст; тем временем он изловчился и ударил меня ногой в пах. Меня пронзила режущая боль, все вокруг потемнело, и я упал спиной на какие-то ящики. Он снова бросился на меня с ножом, но ударился коленями о какой-то низкий металлический предмет, случайно оказавшийся в том месте, и с воем рухнул на пол. Я уже поднялся на ноги, и кто знает, чем бы все закончилось, если бы я с радостью не услышал голос Скарсдейла, звавшего меня с площади.

Карлик замер, затем со сдавленным криком ненависти сунул нож обрат-

но за пояс, выбежал за дверь и растворился в ночи. Я с трудом дотащился до двери и снова упал на пороге. Должно быть, я представлял собой жалкое зрелище: тяжело дыша, покрытый грязью и соломой, я бормотал прерывающимся голосом свою бессвязную историю, а гигантская фигура профессора вырисовывалась передо мной в тусклом свете фонарика.

Скарсдейл схватил меня за руку и стиснул зубы, оглядывая помещение. Он усадил меня на один из перевернутых ящиков и прервал мой горячий поток слов.

— Напротив, мой дорогой Плоурайт, вы справились на редкость хорошо, — сказал он. — Если бы Залору удалось сжечь снаряжение, Большой северной экспедиции пришел бы конец. Это моя вина. Я должен был предвидеть нечто подобное и выставить охрану.

Случай был настолько необычным, а дружба между профессором и мною казалась в эту минуту такой тесной, что я рассказал Скарсдейлу о каменной табличке, которую давеча выронил гном. Он долго молчал.

— Это не имеет значения, Плоурайт, — наконец сказал он. — Возможно, мы оба проявили некоторую беспечность, но главная ответственность лежит на мне.

— Но что все это значит? — спросил я.

— Мне следовало выставить охрану, — тихо сказал Скарсдейл, как будто не слышал моего вопроса. — Вы в силах нормально ходить? Мы должны рассказать все остальным и убедиться, что этой ночью нас больше не ждут никакие неожиданности.

Он снова замкнулся в себе, и мы были на полпути через площадь, когда я решился повторить свой вопрос.

— Есть те, кто не хочет, чтобы мы нашли место упокоения Древних, — мрачно произнес Скарсдейл. — Залор, очевидно, был одним из них или состоял у них на службе.

К этому времени мы оказались у вездехода, и он задержался у дверцы, заставив меня оглянуться.

— По возвращении я должен буду поговорить об этом с миром, — по-прежнему мрачно сказал он.

Я зашел внутрь и заварил чай для всех, ожидая услышать топот бегущих ног и взволнованные вопросы, связанные с поднятой Скарсдейлом тревогой. В ту ночь мне больше не удалось уснуть. Мои товарищи ушли на склад, где занялись осмотром и обслуживанием оборудования при свете ламп, подсоединенных к портативному генератору. Я отнес им чайник и вышел со своей чашкой на окраину селения, глядя на Равнину Тьмы. Смотреть было не на что, но я знал, что в той стороне рано или поздно взойдет солнце.

Я спрашивал себя, ушел ли Залор куда-то туда, к горам, или же бежал обратно в направлении древнего Зака. Гадал, сумеет ли он выжить и есть ли у него друзья среди кочевников пустыни. Подумав об этом, я наградил сам се-

бя кривой ухмылкой. Такие люди, как Залор, всегда выживают. Староста, спешно разбуженный Скарсдейлом, отправил отряд прочесывать улицу за улицей, но я предполагал, что карлик хорошо продумал свои планы и что его больше нет в Нильстреме. К рассвету выяснилось, что я был прав.

Задолго до этого я услышал шорох и обнаружил рядом с собой Ван Дамма. Он разделял мое бдение, пока далекие желтые лучи не осветили черную равнину пепла перед нами; утренний ветер гнал по ее поверхности легкие, беспокойно шевелящиеся завитки пыли. Мы тщетно высматривали какие-либо следы Залора.

Ван Дамм угрюмо посмотрел на меня. В странном свете этого древнего места его лицо казалось изможденным.

— Скверное дело, Плоурайт, — сказал он. — И, боюсь, дурное предзнаменование для всего нашего начинания.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

Головной вездеход сдвинулся с места и покатился по Равнине Тьмы, и перед лобовым стеклом поднялись клубы пыли и пепла. Я мог видеть Черные горы — они были совсем близко и нависали над бушующими пылевыми облаками, как какое-то чудовищное китообразное. Сбоку от меня Скарсдейл то напряженно и молча глядел вперед, то производил сложные вычисления с помощью логарифмической линейки и математических таблиц, лежавших на столе перед ним.

Я снова повел машину по компасу, рассчитывая, что через час с небольшим мы оставим равнину позади и окажемся у подножия гор; Скарсдейл сказал нам, что там имеется какая-то растительность, и мы собирались двинуться по неглубокой долине, которая затем круто поднималась к нашему пункту назначения. Оставалось только надеяться, что вездеходы не подведут и сумеют доставить нас на плато, выходящее к пещерным формациям, на которые профессор возлагал столь большие надежды. В очередной раз я поразился при мысли об огромной жизненной энергии и силе, позволившим ему совершить это колоссальное путешествие пешком и с такой плохо оснащенной экспедицией, как предыдущая.

Как я уже упоминал, предпринятые старостой Нильстрема поиски не помогли обнаружить Залора. Когда волнение по поводу его предательства несколько улеглось, Скарсдейл провел краткий военный совет. Мы решили выехать как можно скорее. Наши технические специалисты приступили к ревизии вездеходов, после чего машина № 4 была оставлена в складском помещении — под висячим замком и круглосуточной охраной. Тем временем я кипятил воду для емкостей трех оставшихся машин: мы знали, что в горах нам будет больше всего не хватать воды. Я также занялся сбором имевшихся в наличии свежих овощей и фруктов, которые могли стать прекрасным дополнением к нашим консервам.

После моей схватки с Залором Скарсдейл распорядился достать оружие, и теперь мы все носили пистолеты; некоторые, кроме того, были вооружены и винтовками. Я нашел, что тяжелый пистолет, пристегнутый к поясу в кобуре, доставляет громадные неудобства, и я очень плохо представлял себе, как им пользоваться, чтобы в критической ситуации не стать большей угрозой для моих товарищей, чем для любого предполагаемого врага.

Я отснял последнюю группу фотографий нашего услужливого старосты и его людей и организовал несколько необходимых на этом участке маршрута киносъемок. После я задержался, чтобы запечатлеть жителей селения,

проводивших наши три вездехода в неведомые дали Равнины Тьмы. Стоило мне остановить жужжащий мотор кинокамеры и понести ее вместе с тяжелой треногой к поджидавшему меня в отдалении вездеходу Скарсдейла, как я невольно задумался о контрасте, который представляла собой эта сцена в сравнении с великолепным отъездом из Зака. В свете последних событий сама равнина казалась вдвойне мрачной.

Профессор и я продолжили путь в командной машине № 1, Ван Дамм в одиночестве вел средний вездеход, замыкающими шли Прескотт и Холден в третьей машине. Скарсдейл надеялся пересечь равнину примерно за четыре часа на максимальной крейсерской скорости, но на самом деле было уже около шести, когда я услышал его предупреждающее бормотание. Я повернул, гусеницы вездехода заскрежетали по твердой скале, и мы выскользнули из теплой пыли в желанную тень каких-то чахлых деревьев. В лоцине дул сильный ветер. Мы проехали еще приблизительно милю по засушливой местности, и профессор решил разбить лагерь. Солнце давно уже стояло совсем низко, и теперь, когда оно закатывалось за далекий Нильстрем, наши фигуры отбрасывали на землю длинные тени среди темных силуэтов странных машин, казавшихся нарисованными по трафарету на каменистом дне лоцины. Мы развернули вездеходы, составили их неровным кругом и заглушили двигатели.

2

На протяжении двух дней наш путь вторил извилистым контурам долины. С каждым часом мы поднимались все выше и выше в горы, чьи объятия почти незаметно, но неотвратимо смыкались позади, пока у всех нас не возникло ощущение, что мы очутились в тисках великана. Ветер с таким же постоянством усиливался, дуя порывами из сердца хребта. Он не беспокоил нас так, как ветер пустыни, поскольку пыли здесь было мало и она не заслоняла нам обзор. Однако это усугубляло трудности с управлением, и наши машины мотало из стороны в сторону, мы уставали передвигать рычаги, а мышцы жаждали отдыха после многочасовой тряски.

К тому же, становилось все холоднее, хотя солнце светило так же ярко, как и до сих пор. Сначала это нас не беспокоило, но затем, во время частых привалов, мы почувствовали, что ветерок становится довольно-таки прохладным — и оценили преимущества плащей на овчинной подкладке, заказанных для экспедиции Скарсдейлом, хотя сначала этот пункт в списке снаряжения показался нам нелепым.

Пунктир маршрута петлял, уходя вверх, и большую часть времени мы вели машины на малой скорости через лабиринты гигантских валунов и

причудливо изрезанных скальных образований.

Но серьезных трудностей не возникало; вездеходы хорошо выдерживали нагрузки этого сложного перехода и, что важнее всего, нам не встречались непроходимые места (благодарить за это, разумеется, следовало Скарсдейла, тщательно изучившего окрестности во время предыдущего путешествия). Единственный непроходимый участок поставил бы крест на всей экспедиции: помимо того, что мы использовали вездеходы в качестве мобильных баз, было бы совершенно невозможно транспортировать груз припасов и снаряжения по этим милям безжалостной морены.

Местность, по которой мы продвигались, была совершенно безликой: черные скалы; валуны; низкорослые деревья; вверху — вечно голубое небо; впереди — вечный шум беспокойного ветра в ушах и нагромождение камней, указывающих на следующий поворот.

Мы уже поднялись довольно высоко и не могли разглядеть, какие вершины лежат впереди; однако, насколько можно было судить, мы еще не достигли области снегов. Скарсдейл продолжал заниматься своими таинственными и непостижимыми расчетами. Но, хотя его карты, записные книжки и таблицы со странными иероглифами множились по ночам на штурманском столике в командной машине, он не позволял себе никаких детальных намеков на то, что могло нас вскоре ожидать.

После нескольких дней путешествия к плато я однажды вечером сам затронул этот вопрос. Профессор с загадочной улыбкой покачал головой.

— Мы еще недостаточно близко, — вот и все, что он сказал. — Времени будет довольно, когда мы окажемся в галереях.

У Скарсдейла был с собой машинописный перевод богохульной «Этики Югора», напечатанный на обычных листах бумаги, и почти каждый вечер он часами изучал это сочинение. Дым из его трубки поднимался вертикально вверх в неподвижном воздухе кабины.

В пустыне мы во время остановок оставались внутри машин. Для этого, конечно, имелась веская причина — вездеходы были оборудованы кондиционерами, а песок и щебень, носившиеся повсюду, превращали еду и разговоры на свежем воздухе в сплошные мучения.

Но здесь возобладала противоположная привычка. Несмотря на холодный воздух и пронизывающий ветер, всякий раз, когда Скарсдейл объявлял порации остановку и три машины выстраивались в круг, все мы, никогда не обсуждая это вслух, собирались на открытом воздухе, разжигали костер и готовили еду. Кутаясь в наши овчинные плащи и запасаясь драгоценными дровами, мы пили вечерний чай и заставляли горы отзываться эхом нашей оживленной беседы.

Ван Дамм, в частности, ясно выражал свое отношение к происходящему. Пусть он никогда не облакал свои чувства в слова, я мог легко прочитать их на его лице. «Тьме нас не испугать», — говорили мне его напряженные чер-

ты, когда он с опаской оглядывался на темные скалы, изломанные склоны которых были освещены мерцающим пламенем нашего по необходимости слабого костра. Мы все теперь чувствовали одно и то же: горы надвигались на нас, и внутри вездеходов это чувство только усиливалось. Когда мы спали, это не имело значения; но до тех пор мы предпочитали оставаться сна-ружи, болтать между собой на ветру, пить большими глотками горячий сладкий чай и постоянно осматривать то небольшое, что мы могли видеть вокруг. И еще я заметил, что никто из нас не покидал пределы треуголь-ника вездеходов, где плясали веселые огни. Пока что нам не встречались в горах дикие животные или какие-либо опасные расщелины, грозившие ги-белью; и все-таки мы не решались блуждать в темноте.

Днем мы вели себя смелее, но нетрудно было заметить, что даже при сол-нечном свете мои спутники редко отваживались удаляться более чем на сот-ню ярдов от лагеря. Единственным исключением являлся Скарсдейл; я знал, конечно, что он был абсолютно бесстрашен. Иногда по ночам он исчезал на целых полчаса, отправляясь на какую-нибудь таинственную экскурсию. В первый раз, когда он это проделал, я был охвачен тревогой и собирался уже позвать товарищей, но тут он появился из темноты; маленький круглый огонек трубки освещал его бородатое лицо. В его руке была записная книж-ка, а в глазах светилось возбуждение, но я уже усвоил свой урок и не риск-нул его расспрашивать.

Вспоминая, что он прошел этот путь в одиночку, лишенный всех преиму-ществ нашей нынешней экспедиции, я снова и снова дивился упорству и силе этого человека. Он обладал духовной несокрушимостью и физической выносливостью, и на протяжении нашего путешествия бывали минуты, ко-гда я чуть ли не преклонялся перед ним. Мои жизненные странствия не назо-вешь обыденными, но Большая северная экспедиция стала их высшей точ-кой, и хотя цель профессора оставалась окутанной мраком, я чувствовал, что последовал бы за ним практически всюду, куда бы он ни захотел нас повести.

Четыре дня мы ползли по лощине; ближе к концу осыпи и расколотые валуны, казавшиеся огромными осколками скалы, упавшей из далеких как луна пространств, сделали продвижение невыносимо медленным. Но вездеходы вели себя необычайно хорошо. Думаю, в глубине души каждый из нас испытывал страх: двигатели машин могли перегреться, отказ жизненно важ-ных узлов мог посадить нас на мель среди гор. И каждый из нас, кто сидел за рулем, нежно уговаривал свою машину двигаться вперед.

Маловероятно, рассуждал я, что все три машины сломаются, но случа-лись и более странные вещи. Я вспомнил собственные приключения в пус-тынях Аризоны и ужасную судьбу Кросби Паттерсона и представил, что мог-ло бы случиться с нами, если бы мы оказались предоставлены самим себе и вынуждены были возвращаться пешком. Такой исход был немыслим, и я предпочел вместо пустых размышлений сосредоточиться на своих непо-

средственных обязанностях.

На второй день Скарсдейл объявил мне, что управление головным вездеходом возьмет на себя. Я был доволен, так как смог заняться другими вещами, и не в последнюю очередь своей фотографической и кинематографической деятельностью. На следующий день я снял на киноплёнку один из лучших за все время путешествия эпизодов; то была серия панорам и кадров, отснятых в движении через окно вездехода.

Мы неустанно продвигались к высокогорному плато. Пейзаж, окружавший это медленное вторжение, был устрашающим, а Скарсдейл все еще ничего не сообщил нам о точном местоположении нашей цели или о том, какая нам будет отведена роль. Теперь он прочно сидел на кожаном водительском кресле, его большие руки твердо и уверенно лежали на рычагах, осторожно управляя мощной машиной. Командный вездеход содрогался, тошнотворно зависая на краю какого-нибудь невидимого скального карниза, а после, накренившись, тихо поднимался на более высокую плоскость и двигался достаточно плавно, пока не встречал новое препятствие.

Горные стены впереди полностью заслонили небо, и накануне последнего дня солнце внезапно скрылось. Все утонуло в фиолетовой тени, а затем мы обогнули склон холма, и солнце, стоявшее высоко в небе где-то позади нас, бросило бледный луч на черноту горного гребня впереди. Однако вокруг, в мрачной тени гнетущих вершин, не было ни проблеска света, ни намека на свет. Ветер все еще дул с ровной силой, но, казалось, немного утратил свою ярость, и рокот моторов, отражавшийся от скалистых стен по обе стороны от нас, звучал не так вызывающе.

В последний день скрежещущий шум под гусеницами вездеходов наконец прекратился. Машины, покачиваясь, шли вперед в странной тишине. Это произошло ближе к обеду, и Скарсдейл отдал по радио приказ остановиться на отдых. Я выскочил из кабины, едва мы успели затормозить, и издал удивленное восклицание. Скарсдейл присоединился ко мне и стоял у дверцы с веселым выражением в глазах.

Теперь я понял причину неожиданной тишины. За нами, словно липкая полоса, оставленная гигантским слизняком, тянулся наш собственный след. Каждая царапина и вмятина на гусеницах вездехода в точности отпечатались на поверхности. За мной потянулись вмятины от ног, когда я побежал назад к вездеходу Ван Дамма, который как раз поворачивал к нам. Все дно долины было покрыто черным песком — уникальное и необычайное зрелище; если бы не вечная синева неба над нами, эффект этой болезненной черноты был бы ошеломляющим.

Черные горы, подобные иллюстрации к рассказу Эдгара По либо гравюре Доре или Сэмюэля Палмера¹, буквально поглотили нас. Они высились над

---

¹ Выдающийся французский график, живописец и иллюстратор Г. Доре (1832-1883) и английский

нами, позади нас и впереди, и сейчас их эбеновая чернота простиралась под нашими ногами. Ван Дамм подошел ко мне, а затем и к остальным; вездеходы выстроились привычным треугольником, а мы все стояли вокруг, почти не разговаривая, окутанные горькой тьмой, которая омрачала самые глубины нашего духа. Только Скарсдейл выглядел невозмутимым; собственно говоря, в данных обстоятельствах его поведение определенно казалось веселым, и за обедом на свежем воздухе он долго распространялся о близости нашего пункта назначения и интересных задачах, которыми мы вскоре займемся.

Через час мы снова тронулись в путь, и по мере нашего продвижения по этому темному морю песка мягкое похрустывание гусениц в сочетании с ревом мотора погрузило мой разум в подобие покоя. Далекие лучи солнца давно скрылись за невидимыми холмами, но свет в небе все еще оставался ярким, когда я глянул через ветровое стекло и увидел, что дальше пути нет.

Тьма простиралась от черного песчаного дна до головокружительных зубцов горного пика высоко над нами. Вездеход переполз через бугристый гребень, где песок застыл странными завихрениями, напоминавшими отпечатки крабов и, по-видимому, вылепленными ветром. Здесь Скарсдейл остановил машину. Я выбрался из вездехода. Песчаная терраса под ногами плавно спускалась к обрывистому склону; темнота сочеталась с тьмой на гигантской скальной стене впереди.

Эхо чего-то похожего на плеск больших крыльев нарушило тишину, когда два других вездехода взвыли и остановились, и наши товарищи спрыгнули на землю. Я нашел взглядом трещину в скальном образовании, проследил за ней до туманных высот, воскрешавших в памяти готические соборы. Из моря темного песка, потрясая своей бледностью, выступал огромный обломок скалы. Я подошел к нему. Скала, белая и кристаллическая, как кварц, казалась кощунственной в этом мире теней. Моя внезапно задрожавшая рука обвела на ней очертания странных и непристойных по форме иероглифов. Обелиск напоминал палец, который указывал на мавиший нас вход. Я обернулся и увидел приближавшегося ко мне Скарсдейла.

С гребня подул теплый ветер, неся воспоминания и мысли о чем-то далеком и давно минувшем. Мои глаза снова скользнули по скальной стене, отказываясь верить тому, что увидели. Высеченный дверной проем в черном базальтовом массиве естественной породы. Проем, который, казалось, вел в непредставимые глубины земли. И высота этого проема, должно быть, составляла не менее пятисот футов.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

Казалось, мы целые века, застыв, молча смотрели на грандиозный вход. Моя душа была до основания потрясена этим зрелищем, и я не мог, не осмеливался размышлять о том, какое существо могло на заре времен использовать такой портал — если только сооружение, конечно, не имело чисто символического значения. Чтобы скрыть свое замешательство, я вернулся к командному вездеходу и извлек свое фотографическое оборудование; фотографирование было достаточным предлогом не вступать в дискуссии с моими товарищами. Скарсдейл оставался единственным из нас, кто не выглядел ошеломленным открывшимся перед нами зрелищем.

Он стоял, расставив ноги и скрестив руки на массивной груди, и смотрел на пещеру, как будто разглядывал экспонат в тихом зале одного из лондонских или американских музеев. В его глазах читалось бесконечное удовлетворение, и я понял, что этот момент представлял собой кульминацию труда его жизни. В каком-то смысле, вся его карьера была движением к этой минуте апогея. Остальные тоже это поняли и держались поодаль от профессора. Сбившись в кучку, они сгрудились перед гигантским порталом и в сравнении с этим чудом архитектуры казались живыми символами ничтожности.

Я закончил киносъемку и снова взял в руки фотоаппарат. Когда я устанавливал штатив, чтобы отснять крупным планом иероглифические надписи на камне, на бледную поверхность обелиска упала тень. Я обернулся, ожидая увидеть Ван Дамма, но это был профессор. Он глядел, ничего не говоря, пока я снимал кадр за кадром. Разобрав оборудование, я повернулся к нему. Скарсдейл водил пальцами по резьбе на камне, и его губы беззвучно шевелились. Он словно едва замечал мое присутствие.

— «Пусть войдет тот, кто пожелает», — произнес он, осторожно подбирая слова. Нахмурил брови и продолжал, запинаясь:

— «Пусть тот, кто войдет, останется».

Тем временем к нам присоединился Ван Дамм, наблюдавший за выступлением Скарсдейла с мрачной сосредоточенностью.

— «Тот, кто останется, не вернется», — заключил профессор и сделал несколько пометок в своей записной книжке.

— Я не знал, что вы смогли расшифровать иероглифы, профессор, — отважился сказать я.

Скарсдейл посмотрел на меня с плохо скрытым торжеством.

— Я работал над этим долгие годы, мой дорогой Плоурайт, — сказал он. — Резьба мне хорошо знакома. И в качестве путеводного маяка у меня бы-

ла «Этика Югора».

— Не очень-то радушное послание, да еще рядом с таким входом, — заявил Ван Дамм, возвращаясь к своей бывшей язвительной манере. В своих старых бриджах для верховой езды и коричневых кожаных сапогах, доктор выглядел странно и загадочно.

— Я не думаю, что нам стоит слишком беспокоиться, — спокойно ответил Скарсдейл. — Древние, вероятно, были склонны преувеличивать. Вы забываете, что я уже здесь побывал.

— И благополучно вернулись, — вставил я. Мои слова будто разрядили напряжение. Теперь к нам присоединились Холден и Прескотт, и мы все стояли небольшой группой вокруг профессора, как студенты на выездной лекции. Во всяком случае, так чувствовал себя я. Все эти люди лучше меня разбирались в том, ради чего мы прибыли в это место, а Ван Дамм и Скарсдейл были выдающимися специалистами в своих областях.

— Возможно, Древние хотели, чтобы профессор вновь пришел сюда, — негромко сказал Ван Дамм. — Он ведь, по сути, привел за собой других.

Скарсдейл улыбнулся.

— У вас слишком богатое воображение для человека науки, доктор, — сказал он своему высокому и тощему коллеге. — Я, как метко заметил Плоурайт, благополучно вернулся, чтобы рассказать свою историю. Не обошлось и без трудностей, как вы все знаете, но исключительно физического свойства. У меня нет никаких оснований подозревать, что в пещерах обитает какая-то враждебная человеку форма жизни.

— Возможно, это потому, что вы недостаточно глубоко проникли, Скарсдейл, — спокойно сказал Ван Дамм. — Тронные таблицы говорят о стражах; имеются и другие указания определенного рода, быть может, более зловещие...

— Сейчас не время это обсуждать, — властно прервал его Скарсдейл. — Через час или два стемнеет, а у нас много дел. Мы переночуем здесь, а завтра оставим вездеход номер 3 у входа в качестве запасного. Путешествовать будем на двух машинах, поддерживая постоянную радиосвязь. Вы будете командовать вездеходом № 2, как и до сих пор, а я — номером первым. Каждый из них по очереди будет занимать место головной машины.

Ван Дамм кивнул, и небольшая группа разошлась. Члены экспедиции направились обратно к вездеходам. За ними по темному песку тянулись тревожные следы.

Я задержался, разыскивая крышку от объектива, которая каким-то образом сорвалась со шнурка и упала на землю. В тот момент, когда я нашел ее и стал надевать обратно на объектив, я был поражен, вновь услышав прежний звук, эхом отдававшийся из темноты за величественным проемом. Он походил на отдаленное хлопанье гигантских кожистых крыльев.

Как ни странно, в тот вечер мы изменили нашим обычным привычкам. Возможно, виной тому была тягостная атмосфера у громадного входа в сердцевину горы или же, не исключено, коннотации послания на массивном каменном обелиске. Как бы то ни было, водители вездеходов составили их знакомым треугольником у входа задолго до наступления темноты.

Вместо сбора у костра мы все собрались на торжественный ужин в главном вездеходе Скарсдейла. Холден, исполнявший в тот вечер обязанности повара, превзошел себя в приготовлении консервированных деликатесов, а Скарсдейл зашел так далеко, что открыл три бутылки шампанского из нашего драгоценного запаса.

Он совершил и еще один необычный поступок. Крыши вездеходов были оснащены специальными световыми люками из закаленного стекла, которые были защищены изнутри и снаружи тяжелыми стальными заслонками, управляемыми электрически. Я никогда не видел, чтобы они использовались во время тренировок в Суррее или в полевых условиях, но этим вечером, движимый какой-то прихотью, профессор открыл верхние заслонки. Сияние звезд над головой осветило кабину вездехода; Ван Дамм подошел к панели управления и стал щелкать переключателями, пока все внутреннее освещение не погасло.

Слабое свечение снаружи становилось все сильнее, и наконец нам начало казаться, что при звездном свете можно читать. Странно мы, должно быть, выглядели, сидя в этом бледном сиянии и потягивая шампанское. Единственными другими источниками света был огонек трубки профессора и горящий кончик праздничной сигары Ван Дамма.

Через полчаса Скарсдейл встал, нажал на тумблеры, и заслонки с грохотом закрыли люк в крыше. Наша вечеринка становилась все более оживленной. Профессор провел с нами заключительный инструктаж; он призвал всех к осторожности и еще раз подчеркнул важность радиосвязи. Он также напомнил, что мы — впервые в полевых условиях — будем использовать прожекторы.

Профессор сам наметил путь во время предыдущего путешествия и не ожидал столкнуться с какими-либо затруднениями в течение первого дня. В подземных залах и коридорах тепло и сухо, так что мы обойдемся легкой одеждой. Мы все должны были иметь при себе огнестрельное оружие, и никто не имел права покидать транспортное средство без специального разрешения от профессора как руководителя экспедиции. Все это было достаточно разумно, и все же я почувствовал легкое беспокойство, пока он произносил свою речь. Его волевое лицо выделялось в свете приборной панели командной машины. Я снова подумал о кожистых хлопках, которые, как

мне показалось, дважды слышал у входа в пещеру. Я не в первый раз задавался вопросом, по каким причинам профессор взял с собой так много тяжелого оружия. Оглядев стеллажи с оборудованием и стойки со смертоносными винтовками в кабине вездехода, я подумал, что мы больше похожи на банду наемников, вторгшихся в незащищенную страну, чем на ученых в археологической экспедиции. Это чувство долго еще сохранялось у меня после начала нового этапа нашего путешествия на следующий день.

Ночью я плохо спал — проваливался в сон только для того, чтобы проснуться примерно через час с ощущением смутного беспокойства. Проснувшись в очередной раз, я глянул на подсвеченный циферблат своих часов и обнаружил, что было всего без четверти четыре утра. Внезапный скрежещущий звук потряс мои нервы; ярко-желтый свет спички Скарсдейла осветил все внутреннее пространство вездехода. С минуту он раздраженно раскуривал трубку; крепко вырезанные черты его бородатого лица напоминали изображение какого-то древнего скандинавского бога. Это было утешительное зрелище, но вскоре оно исчезло, оставив только слабый отблеск горящего табака.

Я услышал шорох одеял, когда Скарсдейл положил спичечный коробок куда-то на свою постель.

— Вы не спите, Плоурайт?

Это было утверждение, а не вопрос.

Я признался, что бодрствую.

— Вы беспокоитесь о предстоящей операции?

Слово это вырвалось у него само собой; деятельность экспедиции снова показалась мне военной авантюрой, а не строго научным предприятием.

— Только постольку, поскольку ваши истинные цели мне неясны, профессор, — сказал я. — Я полностью уверен в ваших способностях и как человека, и как ученого, если это имеет для вас какую-то ценность.

— Благодарю вас, Плоурайт, — сказал Скарсдейл. — Это правда, что я, возможно, проявил некоторую небрежность, не подготовив вас более полно к тому, что мы можем обнаружить. Беда в том, что я и сам в этом не уверен. Мои рассуждения — не более чем теории в записных книжках. Я предпочел бы оценивать их на основании реальной полевой работы.

— Я вполне понимаю, — сказал я. — Пожалуйста, не думайте, что я жалуюсь.

Я пытался подобрать правильные формулировки. Профессор ничего не сказал. Ободренный ровным и успокаивающим свечением его трубки в темноте, я продолжал:

— Должен признать, что размер этого дверного проема и несколько угрожаящая надпись на камне оказали на меня определенное воздействие. Но вы не разочаруетесь во мне, если мы столкнемся с какими-либо опасностями.

— Я никогда в этом не сомневался, мой дорогой Плоурайт, — сказал

профессор. — Это и была одна из главных причин, по какой я вас выбрал. Но у вас, как мне показалось, есть и другие соображения?

— Возможно, они слишком смутны, — нерешительно начал я.

— Не могли бы вы облечь их в простые слова? — не без иронии спросил профессор. Подобный иронический тон он поддерживал во время наших тренировок в Суррее.

— Может быть, это фантазии, — сказал я. — А может быть, у меня слишком разыгрывается воображение, когда речь заходит о таких местах, как это. Ваши макеты, пещеры и другие подробности, о которых вы сообщили в самом начале — вот что, главным образом, соблазнило меня присоединиться к вам. Воображение — моя сильная сторона, как вы, наверное, хорошо знаете, и оно мне определенно нужно для моей фотографической и художественной работы.

— И вы поняли, что Большая северная экспедиция даст вам достаточно художественного простора в вашей роли кинооператора и официального фотографа? — договорил он за меня.

— Что-то в этом роде, — согласился я.

Профессор долго молчал, а затем с тихим щелчком включил подсветку приборной панели; в ее голубоватом свечении вырисовалась обстановка кабины.

— Но теперь вы чувствуете, что ваше воображение может стать помехой, когда мы окажемся под землей? — продолжал Скарсдейл.

— Возможно, — сказал я. — Хотя большую часть времени мы будем находиться в вездеходах. Конечно, я и раньше бывал под землей, но дело не только в этом. В этой экспедиции есть что-то другое, и не только связанное с тем, о чем вы рассказывали, хотя и это было достаточно странным.

— Не могли бы вы привести конкретный пример? — спросил он.

Я колебался еще одно долгое мгновение. Затем я рассказал ему о звуках, которые слышал у входа в пещеру.

— А, так и вы их слышали, — резко сказал он. — Я не был уверен, что мне не почудилось. Да, было очень похоже на хлопанье крыльев, как вы говорите. Летучие мыши, вероятно.

Мы больше не возвращались к этому вопросу и через несколько минут уснули. Но в душе я не считал, что шум, который донесся до меня у входа, был произведен летучими мышами, и я мог поклясться, что профессор тоже так не думал.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1

Честь первым проникнуть в великий портал была предоставлена Холдену; но если это и ощущалось как честь, само действие, подобно многим долгожданным событиям, было почти разочаровывающим в своей простоте.

Наутро мы проснулись и встали рано, и вскоре после шести три вездехода огласили утренний воздух ревом своих моторов. Слабые солнечные лучи, долетавшие до нас, неохотно освещали промозглую косу темного песка, и его позолота вскоре исчезла на фоне черной базальтовой скалы, которая, казалось, поглощала свет и каким-то образом превращала его в черноту. Метафора, я знаю, вычурная, но единственная, что сразу приходит на ум.

Холден повел вездеход мимо обелиска ко входу в пещеру, где машина быстро скрылась из виду. Скарсдейл, уже стоявший у входа, последовал за ним пешком. Минут через десять оба вернулись; Холден вновь присоединился к Ван Дамму в вездеходе № 2, а Скарсдейл принял командование номером первым. Ключ от машины № 3 он положил в ящик навигационного столика; мы собирались забрать запасную машину на обратном пути.

Я глянул через ветровое стекло; машина Ван Дамма описывала круг, готовясь пристроиться позади нас, а в нашем радиоприемнике уже слышались язвительные замечания доктора.

— Я возьму на себя управление, Плоурайт, если вы не возражаете, — сказал Скарсдейл. — Я знаю маршрут, как вы понимаете, и вы мне понадобится, чтобы управляться с рацией и прожекторами. Процедура та же, что мы регулярно практиковали.

Я быстро освободил свое кожаное водительское кресло. Честно говоря, я только обрадовался распоряжению Скарсдейла: работа с рацией и прочим была номинальной, тогда как управление вездеходом требовало и физических, и умственных усилий и обещало оказаться затруднительным в извилистых пещерах, о которых так часто рассказывал профессор. Кроме того, я надеялся снять кое-какие кадры с помощью специальной чувствительной пленки, которую я захватил с собой, если осветительных приборов Скарсдейла окажется для этого достаточно.

Я принял к сведению протокольное устное послание Ван Дамма с пожеланиями экспедиции и лично Скарсдейлу успехов и официально поблагодарил его. Скарсдейл, конечно, прекрасно слышал наши переговоры через динамик, установленный на переборке над панелью управления, и раздраженно фыркнул в ответ на то, что счел со стороны Ван Дамма излишними

формальностями. Я оставил рацию включенной, как и требовала инструкция; я также должен был передавать Ван Дамму любые специальные распоряжения, касающиеся препятствий, которые мы могли встретить в пути.

Я пробежал глазами по распределительному щитку освещения, а затем посмотрел вперед, где высился массивный портал огромного дверного проема; свод терялся из виду высоко вверху. В стальном зеркале заднего вида я мог видеть машину Ван Дамма с развевающимися вымпелами, огибавшую обелиск. Затем мы оказались у входа в пещеру, и темнота накрыла нас, как плащ. Из недр земли дул теплый ветер — я чувствовал его порывы сквозь открытые вентиляционные отверстия, — и гул моторов пронзительным эхом отражался от стен пещеры.

Шум стих, когда Скарсдейл протянул руку вперед и перекрыл вентиляционные отверстия наружными заслонками. В тот же мновение свет неба померк, сменившись слабым желтым свечением.

По кивку Скарсдейла я включил главный прожектор, установленный в гондоле над ветровым стеклом вездехода; прожектор управлялся с помощью пульта, размещенного внутри машины. Желтое свечение, с которым нам всем предстояло так хорошо познакомиться, очерчивало размытые контуры скалистой стены, уходившей изгибом вверх и терявшейся в темноте, что была чернее любой ночи на поверхности земли. На среднем плане пробежали фантастические тени, и я вздрогнул было, увидев что-то огромное и колышущееся, но быстро понял, что это была наша собственная тень, отброшенная на туннель прожектором машины Ван Дамма. Я мельком взглянул в зеркало, заметив, что он занял позицию примерно в тридцати футах позади, и подтвердил в микрофон, что вижу его.

Холден лаконично ответил. Я поглядел вперед и увидел, что Скарсдейл идет по следам гусениц вездехода № 3. Миг спустя мы увидели вездеход у правой стены туннеля, где он выдавался в коридор, образуя как бы естественный мыс. Не останавливаясь, мы проехали мимо, и теперь перед нами был только девственный песок. Ширина туннеля составляла около тридцати футов, и в течение следующих нескольких часов она не должна была сильно изменяться. Наш регистратор пробега уже работал, и мы могли постоянно отмечать пройденное расстояние.

Скарсдейл с мрачным видом сосредоточился на управлении. Я потянулся за фотоаппаратом и ненадолго включил все имевшееся у нас осветительное оборудование. Эффект был поразительный, и я занялся тем, что сделал несколько снимков как переднего, так и заднего планов, после чего выключил освещение, оставив гореть только основной прожектор. Однако я успел заметить кое-какие детали, заставившие мой мозг усиленно работать.

Для начала, свод ни в одной точке не опускался достаточно близко к земле, как обычно бывает в пещерах. Вторая деталь, поразившая меня, заключалась в том, что каменный коридор, монотонно тянувшийся вперед пример-

но на полмили, не сильно различался по ширине. Песок пола, вдобавок, уступил место камню. Это значительно повысило уровень шума в туннеле, хотя мало повлияло на удобство и стабильность нашего продвижения. Однако больше всего меня удивила правильность расположения стен пещеры.

Не прошло и часа, как я убедился, что туннель вовсе не являлся естественным образованием, а был спроектирован разумными существами далекого прошлого. Это, в свою очередь, вызвало ряд поразительных предположений, поскольку у меня сложилось впечатление, что надписи на обелиске и портал величественного входа также были созданы в глубокой древности. Инженерные проблемы, связанные со строительством огромного туннеля, по которому мы сейчас двигались так плавно и с такой легкостью, словно находились в поезде метро современного города, было невероятно сложно решить без современного оборудования и инструментов. Здесь действовал ошеломляющий инженерный талант, оставивший позади и инков, и майя и, если верить Скарсдейлу, несравненно более древний... Волнение, подобное тому, что воодушевляло, должно быть, профессора в течение долгих лет исследований, начало охватывать и меня.

Вероятно, те же соображения почти одновременно пришли в голову и Ван Дамму — из громкогоговорителя донесся его высокий голос, просивший к микрофону Скарсдейла. Я ответил, что в данный момент поговорить с профессором невозможно, так как он находится за рулем машины. Наступило короткое затишье, нарушаемое только потрескиванием рации.

— Я полагаю, вы заметили правильную форму стен туннеля, Плоурайт, — начал Ван Дамм.

— Выводы не ускользнули от меня, доктор, — сказал я.

Скарсдейл только улыбнулся, глядя на панель управления.

— Пожалуйста, попросите доктора соблюдать радиомолчание, за исключением экстренных случаев, — распорядился он. — У нас будет время для обсуждения и осмотра туннелей, когда мы остановимся на обед.

Я в более дипломатичной форме передал Ван Дамму послание профессора, и этим ему пришлось довольствоваться. Мы продолжали ехать по казавшемуся бесконечным туннелю; в какой-то момент я подошел к индикатору пробега в задней части вездехода и увидел, что мы уже оставили позади пятнадцать миль. Я сказал об этом Скарсдейлу, и он лишь удовлетворенно кивнул; было очевидно, что он знал, куда мы направляемся. Он вел машину с виртуозной уверенностью и, как ни странно, практически предвидел любой незначительный поворот. По-прежнему дул ровный теплый ветер, что я регулярно отмечал, открывая вентиляционные отверстия. Хотя стрелка компаса довольно сильно отклонялась, когда туннель время от времени немного изгибался, мы неуклонно двигались почти строго на север. Если масштабные модели профессора, оставшиеся в далеком имении в Суррее, были точны, мы должны были находиться на огромной глубине под землей.

До обеда я больше не слышал вызовов от Ван Дамма, хотя рация оставалась включенной. Но я видел, что его машина без особых усилий поспевала за нами; оба вездехода стабильно делали десять миль в час, и гусеницы почти не поднимали пыли, которая мешала бы обзору. В то утро я вел бортовой журнал и заносил в него все эти сведения с интервалом в пятнадцать минут, к явному удовольствию Скарсдейла. Я спросил, могу ли я взять управление на себя и дать ему отдохнуть, но он покачал головой.

— После обеда будет достаточно времени, — сказал он. — По сравнению с пустыней это просто крайне приятная утренняя поездка.

Мы больше не обменялись ни словом. Я собрал свое фотографическое оборудование. Впервые с тех пор, как началась полевая стадия нашей экспедиции, мой разум был полностью спокоен. Мы ехали немного в гору, как я указал в своей последней утренней записи в журнале, сделанной незадолго до нашего первого перерыва в 12.15. Индикатор пробега, учитывающий скорость, которая варьировалась от пяти до десяти миль в час, показывал поразительные 55 миль под поверхностью горного массива.

2

В обед мы все вышли из вездеходов; две машины были поставлены бок о бок, и основные прожекторы освещали лагерь и туннель впереди. Здесь царил голая, стерильная атмосфера; пол из твердого беловатого камня был сухим и лишенным всяких признаков насекомых либо иных форм жизни. На стенах виднелись следы древних режущих инструментов, подобные которым я никогда раньше не видел. Пока Ван Дамм и остальные несколько взволнованно совещались со Скарсдейлом, я свободно бродил, фотографируя и размышляя о людях, способных построить сооружение такого ужасающего размера. Один из прожекторов я направил вверх, к своду — но, несмотря на его мощность, над нами не было видно ничего, кроме чернильной тьмы, и ничто не говорило о присутствии летучих мышей или птиц. Не будь теплого устойчивого бриза, дувшего по туннелю откуда-то издалека, здесь господствовала бы устрашающая тишина, которую лично мне было бы трудно выносить. В целом, это было странное и завораживающее место.

Джефффри Прескотт и Норман Холден излучали едва сдерживаемое возбуждение, своего рода бурлящее кипение, проступавшее даже из-под фасада их строго безличного научного материализма. Как и все мы, они надели легкие комбинезоны и каски из особого сплава, разработанные Скарсдейлом для защиты от падающих камней.

Этот головной убор, на котором были нанесены по трафарету номера — от подходящего первого номера Скарсдейла до моей скромной пятерки —

также включал мощные фонари, оказавшиеся чрезвычайно полезными, поскольку руки таким образом оставались свободными для переноски инструментов и оборудования. И Холден, и Прескотт раскрыли блокноты и записывали в них данные, расхаживая взад и вперед по туннелю и переговариваясь между собой. Я подошел ближе к Ван Дамму и профессору.

— Это довольно точно соответствует вашим эскизам и моделям, Скарсдейл, — говорил Ван Дамм. — Есть ли какие-нибудь места, где туннель разделяется?

— Не по эту сторону воды, — коротко ответил Скарсдейл. — Нам придется оставить машины на берегу озера и пересечь на лодки. Мы, конечно, не знаем, что обнаружим на другом берегу. Возможно, нам повезло, что вариантов не так много, иначе мы могли бы потратить годы на изучение тупиковых путей.

Ван Дамм откашлялся.

— Я видел маркерные столбы, о которых вы упоминали. Они, по-видимому, отмечают расстояние в десять наших миль.

Профессор улыбнулся. В желтом свете прожекторов его лицо казалось загадочным.

— Мне было не так трудно их заметить, когда я шел пешком, — сказал он. — Несравненный опыт, могу вас заверить.

— Сколько времени это заняло, профессор? — спросил я.

В резком свете ламп Скарсдейл повернул ко мне свою большую бородастую голову.

— Я подсчитал потом, что шел больше двух недель, — мрачно сказал он. — Худшим из всего была темнота. У меня была только пара электрических фонариков и несколько свечей, и их нужно было сохранить. В конце концов, я стал ориентироваться, ведя альпенштоком по стене туннеля, как слепой. После я увидел, что металлическая накладка стерлась почти на четверть дюйма.

Я невольно содрогнулся, услышав слова профессора, и снова подумал о скрытой за его суровой внешностью фантастической воле, которая заставляла его идти милью за милей по этим зловеющим коридорам, где темнота и одиночество вполне довели бы человека более слабого до состояния пускающего слюни идиота.

— Я так понимаю, у вас был компас? — тихо спросил Ван Дамм после долгого молчания.

— Слава Богу, — сказал Скарсдейл. — Здесь полностью теряешь ориентацию. Можно было бы подумать, что все просто — скажем, входишь, держась правой стены, выходишь вдоль левой. Но в темноте правое становится левым и наоборот, если вы понимаете, что я имею в виду. Единственным способом было придерживаться направления на север при входе и на юг при выходе, принимая в расчет небольшие отклонения там, где туннель изгибался.

Я прошел дальше по туннелю. Негромкая пульсация питавших прожекторы генераторов заглушала слабое завывание ветра. Черные стены тянулись вдаль без малейшего изменения в цвете; ничто не нарушало их монотонность. То была артерия тьмы, ведущая в абсолютную стигийскую черноту. Оставшись здесь в одиночестве, человек мог быстро деградировать до безумия. На мгновение мне показалось, что даже без освещения можно было различить черноту стен туннеля. Надеюсь, я сумел передать, какое впечатление производило это место.

Я резко прервал свои блуждания и быстро направился назад. Впереди послышался стук молотка: Холден пытался взять образец каменного пола. Он тихо выругался, когда я присоединился к нему; я посмотрел вниз и увидел, что головка молотка отломилась от прочной деревянной ручки. Скарсдейл криво улыбнулся.

— Вам вряд ли повезет, Холден, — сказал он. — Этот материал тверже гранита.

— Вот что меня беспокоит, профессор, — сказал Джефффри Прескотт. — Как, черт возьми, эти люди обрабатывали подобный материал? Мы говорим о далеких тысячелетиях, но у них, должно быть, имелись инструменты более совершенные, чем все, что мы смогли разработать.

— У меня есть свои теории на этот счет, — загадочно сказал Скарсдейл.

В этот миг я заметил, что он держал руку вблизи пристегнутого к поясу револьвера. И еще я заметил, что из головного вездехода номер 1 кто-то извлек легкий пулемет на сошке — предположительно, это сделал профессор, пока мы заканчивали обед. Блестящий ствол был направлен прямо в туннель.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1

Мы снова медленно продвигались, точнее сказать, ползли вперед в чернильной темноте. Прожектор прощупывал монотонные мили перед нами. Теперь я управлял вездеходом, в то время как профессор сидел, задумавшись, за штурманским столом. Время от времени он поднимал голову и глядел в ветровое стекло; в таких случаях он сохранял неподвижность с четверть часа, и я снова задался вопросом, какие мысли бродили в этом массивном черепе.

Скарсдейл сказал нам, что благодаря снижению скорости мы будем экономить энергию. Хотя мы поддерживали постоянную радиосвязь со второй машиной, я подумал, что профессор хотел чем-то скрасить однообразие путешествия; по правде говоря, несколько скучная и утомительная рутина, связанная с таким длительным приближением к объекту наших поисков, составляла человека чрезмерно уставшим и ослабленным. Но я заметил, что Скарсдейл постоянно сохранял предельную концентрацию — и, кажется, понял, зачем ему понадобилось сменить водителя в машине № 1 и снизить скорость.

Профессор сидел в мягком кожаном кресле за навигационным столом; порой он прерывал свои вычисления, чтобы взять бинокль ночного видения, который стоял у его локтя, и рассмотреть туннель впереди, как будто это могло приблизить нас к цели. Так мы ехали более двух часов; стрелка компаса лишь слегка покачивалась при малейших изменениях направления туннеля — настолько точны были эти древние инженеры. Теплый воздух непрерывно дул через вентиляционные отверстия; вой моторов отдавался в ушах повторяющейся фугой; иногда сквозь помехи в динамике на переборке пробивался высокий фальцет Ван Дамма.

В иные минуты в ритме наших моторов наблюдались странные изменения, и несколько раз я позволял носу вездехода немного поворачиваться, когда натыкался на любопытные темные участки на скалистых стенах туннеля; комментарии, которые бормотал Скарсдейл, едва ли были нужны и только раздражали и затрудняли управление. Я часто поглядывал в зеркало заднего вида — и какой-то злой уголок моей души радовался тому, что сидевшему за рулем вездехода Ван Дамма приходилось ничуть не легче.

А потом я подробно припомнил макет, который видел среди туманных холмов Суррея, и обнаружил, что у меня на языке вертится множество вопросов. Профессор выслушал меня в молчании, чуть улыбаясь.

— Мне было интересно, когда вы заметите, — сказал он наконец. — Тем-

ные пятна, которые вы видите, — это галереи, ведущие в какие-то другие пещеры и лабиринты, одному Богу известные. Потребовалась бы целая жизнь, чтобы изучить их все.

Я на мгновение замолчал, переваривая сказанное.

— Вы исследовали некоторые из них пешком? — в конце концов осмелился я спросить.

Скарсдейл кивнул, не отрывая глаз от туннеля.

— Я размотал бечевку и взял фонарик, но дело оказалось безнадежным. Это были ужасающие места. У меня была тысяча ярдов бечевки, и я сдался, когда она закончилась. Если сотни боковых туннелей, которые я видел, такие же разветвленные, там можно блуждать годами.

Смысл замечаний профессора с трудом укладывался у меня в голове.

— Тогда эту пещерную систему можно считать городом, а туннель — его главной артерией, — сказал я.

Скарсдейл кивнул.

— Превосходно, Плоурайт, — сказал он. — Я и сам пришел почти к такому же выводу.

Он повернулся ко мне в голубоватом полусвете приборной панели.

— Мы, конечно, до сих пор не имели возможности провести детальные пешие наблюдения, но могу сказать, что в точках пересечения туннелей я обнаружил любопытные символы. Как ни странно, они были вырезаны очень высоко на стенах. Вместе с тем, я не нашел ни следа каких-либо приспособлений для освещения туннелей — например, факелов или светильников. Все это заставило меня предположить, что прежние обитатели этого места были слепыми и передвигались по галереям на ощупь.

Боюсь, вездеход № 1 сильно накренился, такой неприятный подтекст несли в себе слова профессора и обстоятельства, при которых они были произнесены. Не дожидаясь предупреждения Скарсдейла, я исправил свою ошибку. Подобное предположение не приходило мне на ум и породило настолько яркую гамму образов, что я даже пожалел о непрошеном откровении профессора. И я довольно-таки трусливо обрадовался при мысли о том, что на следующий день, когда мы надеялись выехать к подземному озеру, во главе нашей маленькой колонны пойдет машина Ван Дамма.

Мы не планировали покрыть слишком большое расстояние в первый же день, так как хотели более тщательно подготовиться к ночлегу. Мы, разумеется, не смогли бы развести костер, даже если бы нашли какие-нибудь коряги, и не было никакого смысла оставаться вне вездеходов, когда мы могли ночевать под охраной их стенок. С обеда я приберег бутерброд, так как мало ел из-за возбуждения, вызванного нашим окружением, и теперь несколько вольно жонглировал рычагами управления, жуя консервированную ветчину и время от времени подкрепляясь горячим чаем из термоса, который мы всегда наполняли за завтраком.

В те минуты, когда профессор не изучал туннель, он погружался в некоторые из своих наиболее загадочных книг и документов. Я снова обратил внимание на машинописную копию древней и кощунственной «Этики Югора» и на крайне запутанного содержания бумаги, которые Ван Дамм называл «Тронными таблицами». Все эти шифры, листы и книги, усеивавшие навигационный столик, выходили далеко за пределы моих познаний о подобных вещах. Возможно, профессор выбрал меня в качестве своего компаньона по вездеходу именно потому, что я был в этой области профаном и он мог иногда высказывать свои мысли и проверять мои зачастую банальные реакции. С Ван Даммом ему пришлось бы чаще всего вступать в словесные баталии, в которых эти два выдающихся ума были примерно равны.

Теперь он сидел, положив подбитые кожей рукава на стол и сгорбив широкие плечи. Изучая цифры, он время от времени подергивался, как будто был раздражен сверх всякой меры. Наконец, он отложил карандаш и выпрямился в кресле, повернувшись ко мне.

— Я думаю, на сегодня нам вполне хватит, Плоурайт, — сказал он. — Вы, должно быть, утомились — в конце концов, до сих пор вы выполняли большую часть черной работы.

Я бросил быстрый взгляд на индикатор пробега и удивленно покачал головой. В общей сложности за день, даже при том, после обеда мы передвигались со скоростью улитки, экспедиция прошла не менее семидесяти одной мили. Мысленно я подсчитал, что это расстояние в девять или десять раз превышает длину самой протяженной улицы в мире (по распространенному мнению, она находится где-то в России). Я просто не мог себе представить, какая сложная инженерия и оборудование понадобились бы для создания такой конструкции на заре времен, но отбросил дальнейшие тривиальные размышления, поскольку Скарсдейл снова заговорил.

— Пожалуйста, подайте сигнал.

Я нажал на кнопку, и электрический клаксон на крыше вездехода огласил туннель душераздирающим хрипом. Скарсдейл настаивал на его использовании в качестве сигнала остановки как на поверхности, так и под землей. Сам я считал, что мы прекрасно могли обойтись без клаксона, ведь радиосвязь была бы столь же эффективна. Но экспедицией руководил Скарсдейл, и он возвел эту процедуру в правило. Никто ему не перечил. Через несколько секунд из динамика раздался голос Холдена:

— Сигнал принят. Каковы ваши инструкции?

— Через пять минут мы остановимся на ночь, — ответил Скарсдейл. — Прошу приступить ко всем необходимым приготовлениям.

Черные стены туннеля с зиявшими время от времени отверстиями коридоров продолжали скользить мимо в желтом свете наших прожекторов. Мне начало казаться, что мы едем уже несколько дней, все время строго на север. Скарсдейл ответил кривой улыбкой, когда я заметил, что название

экспедиции, возможно, кажется теперь чуть более уместным. Теплый ветер дул с прежней силой — хотя, к счастью, это все еще был не более чем бриз; воздух оставался сухим; скала скрипела под шуршащей поступью вездеходов.

Скарсдейл уже передвигался по кабине, включая генераторы для перезарядки батарей, проверяя электрические схемы и уровень пресной воды в баках, разыскивая консервы для ужина и занимаясь прочими повседневными вещами, от которых зависело наше выживание. Было около шести часов вечера.

2

Я сбросил газ. Мои предплечья слегка дрожали, как обычно, после долгих часов за рычагами, ноги болели от постоянного нажатия на педали. Какими бы сложными ни были эти огромные машины и как бы хитро Скарсдейл и Ван Дамм ни спроектировали механизмы трансмиссии, управлять вездеходами, несомненно, было утомительно, хотя передвижение по туннелям (я почему-то упорно называл широкое шоссе, по которому мы ехали, «туннелями» во множественном числе) не было и близко таким трудным, как по пустыне.

Но там над нами было милое небо, а не эта лунная чернота, которая, казалось, безмерно угнетала дух, пусть мы и путешествовали под горами меньше суток; вспомнить только, что мы считали небо пустыни жестоким!

Внезапное восклицание Скарсдейла вырвало меня из задумчивости. Он стоял в напряженной позе перед ветровым стеклом, его рука застыла на одном из переключателей. Такое необычное для него поведение сильно удивило меня, но я уже начал останавливать вездеход и автоматически продолжал свое занятие.

Гусеницы вращались все медленнее, и пронзительный вой сменился еле слышным рокотом; затем я заглушил мотор и почувствовал слабое дуновение теплого ветерка, создававшего в туннеле мягкий шум, похожий на звук отдаленного прибора.

Звук мотора задней машины врзался в мое сознание. В зеркале я увидел вездеход Ван Дамма, остановившийся позади нас; прожектор на крыше загорелся ярче, зажглись несколько дополнительных огней. К этому времени я присоединился к Скарсдейлу у ветрового стекла.

— Что-нибудь не так? — спросил я.

Скарсдейл расслабил напряженные плечи, перебросил тумблер на панели и повернулся ко мне.

— Я не знаю, Плоурайт, — медленно произнес он; его лицо выглядело

суровым в желтом свете прожекторов. — Мне показалось, что я увидел, как впереди в туннеле мелькнуло что-то белое.

— Жаль, что вы меня не предупредили, — сказал я, не подумав. — Мы могли бы проехать эти несколько сотен ярдов.

— Именно так и не следует поступать в подобных обстоятельствах, — ответил Скарсдейл, словно объясняя ребенку какие-то элементарные истины. — Мы не знаем, с чем можем встретиться в этих туннелях. Замечаем, оцениваем, затем проводим рекогносцировку — с достаточными силами и соответствующим вооружением.

И он многозначительно похлопал по кобуре на поясе.

— Мне очень жаль, профессор, — сокрушенно сказал я. — Я плохо оценил обстановку.

— Все в порядке, — отозвался он. — Я-то, естественно, на протяжении многих лет немало думал об этом. И, надеюсь, разработал процедуры на все случаи жизни.

Искорки юмора блеснули в его глазах, когда он открыл дверцу головного вездехода и сошел на твердый, как железо, пол туннеля. Ван Дамм открыл дверцу своей машины до того, как та полностью остановилась, и, осторожно ступив на металлический кожух, защищавший гусеницы, спрыгнул на землю. Двое ученых встретились на полпути между машинами и тихо посоветовались.

Ван Дамм вернулся к своей машине. Я слышал, как он выкрикивал команды, искаженные стенами туннеля.

— Поставьте вездеход рядом с первым. Мы хотим получить впереди максимальное освещение. Скарсдейл что-то заметил в туннеле.

Я стоял в стороне, пока Холден маневрировал своей большой машиной рядом с нашей; когда он выключил двигатели, пульсация генераторов эхом разнеслась по проходу, а затем включилось все основное освещение вездехода. Я подошел и встал рядом со Скарсдейлом; наши гротескные тени распластались перед нами на полу. Лучи прожекторов тянулись далеко в темноту, и мне показалось, что я вижу вдалеке светлое пятно.

Когда я указал на это пятно профессору, он подозвал Ван Дамма, и освещение машины № 2 было выключено. Затем мы впятером коротко переговорили; Холден поднялся в вездеход № 1 и выключил все, кроме главного прожектора. Я заметил, что Скарсдейл вытащил револьвер, а остальные, казалось, оцетинились оружием. Даже Ван Дамм, разговаривая с профессором, размахивал опасным на вид автоматическим пистолетом.

Я неохотно достал собственный револьвер и снял его с предохранителя, хотя и считал, что моя неумелая стрельба была бы для профессора и его спутников куда большей угрозой, чем что-либо таившееся впереди.

Закончив разговор с доктором, Скарсдейл повернулся ко мне.

— Вам лучше пойти со мной, Плоурайт, — сказал он. — Мы будем дер-

жаться рядом. В случае чрезвычайной ситуации это позволит избежать опасности рикошета от стен туннеля.

Я не подумал об этом и с благодарностью последовал за мощной фигурой профессора, когда мы двинулись от вездеходов во всепоглощающий мрак. Мы включили лампы на касках, и качающиеся тени, мерцающие и скользящие по стенам по обе стороны от нас, пока мы удалялись от успокоительного луча прожектора, образовывали странный узор, который казался подходящим аккомпанементом к моим мрачным мыслям.

Мы уже отошли от вездеходов более чем на двести ярдов и миновали несколько темных арок; несомненно, это были входы в боковые туннели, о которых упоминал Скарсдейл, и я надеялся, что они были такими же пустынными, как предполагал мой спутник. Мы могли бы легко оказаться отрезанными от основной группы, если бы нечто в этом лабиринте пожелало нам зла. Я не знал, подумал ли об этом профессор, но не решался спросить, боясь, что он увидит во мне фантазера.

Я почувствовал, как Скарсдейл молча схватил меня за руку, и одновременно осознал то, на что он хотел обратить мое внимание: белый предмет, замеченный мной издали, был теперь заметно ближе и с каждым нашим осторожным шагом выступал из мрака. Вскоре, подобно тому, как в проявочном лотке проступает изображение на фотографии, его очертания стали более определенными. Ошибки быть не могло — на полу туннеля лежало человеческое тело.

Скарсдейл поднял револьвер, и в свете наших фонарей его лицо показалось мне жестким. Он крепче сжал мою руку.

— Останьтесь здесь, — тихо сказал он.

— Разве мне не следует пойти с вами? — спросил я. — В случае опасности...

— В случае опасности одного человека будет достаточно, — твердо сказал он. — Если возникнет чрезвычайная ситуация, вы сможете лучше помочь мне, оставаясь здесь.

Я понял, что профессор был прав, и перестал спорить. На протяжении долгих тридцати секунд я стоял и смотрел в туннель, где подпрыгивал и тускнел свет лампы Скарсдейла. Затем шум его шагов оборвался. Света было достаточно, и я видел, что профессор опустился на колени, стараясь что-то разглядеть. Через несколько мгновений он вернулся, пятясь по туннелю ко мне и поводя револьвером из стороны в сторону.

Оказавшись рядом со мной, профессор глубоко вздохнул.

— Это карлик, Залор, — сказал он подрагивающим голосом. — Одному Богу ведомо, как он мог сюда попасть. Он, безусловно, мертв. Мы подведем вездеходы и избавимся от тела.

Следующие несколько минут были неразберихой из гула моторов, мигающих огней и тревожных вопросов. Холден со Скарсдейлом затащили

тело Залора в один из боковых туннелей. С более близкого расстояния я мог видеть, что это действительно был он, и узнал одежду, которая была на карлике. Тело казалось странно сморщенным, но подробней разглядеть его я не мог, так как Скарсдейл больше никому, кроме Холдена, не позволил подойти ближе к останкам.

Пока профессор и Холден переносили труп, я вернулся в головной вездеход и заварил долгожданный чай. Когда я снова выбрался наружу, Скарсдейл отдал приказ отогнать вездеходы назад и разбить лагерь. Один из прожекторов был оставлен включенным; Скарсдейл также распорядился выставить на всю ночь часовых. На крыше головной машины был установлен легкий пулемет, и от сигнального клаксона к часовому на всякий случай протянули удлинительный провод.

Я глядел на все эти приготовления с беспокойством, которое лишь усугублялось из-за поведения Холдена; по-видимому, последний заболел, сказал ухаживавший за ним Ван Дамм. Холдена и в самом деле несколько раз рвало, и когда я позже предложил ему чаю, его лицо выглядело пепельным и изможденным. Совершенно непохожий на себя, он утрюмо взял чашку и стал пить; время от времени его тело сотрясала крупная дрожь.

Скарсдейл также выглядел более мрачным, чем когда-либо, и часто направлял свой ночной бинокль на дальний изгиб туннеля, разглядывая вход в боковой коридор, куда они с Холденом отнесли труп карлика. В ту ночь почти никто не спал, и ближе к полуночи я оказался в машине № 2, разговаривая с Холденом. Я спрашивал, он отвечал коротко, бессвязными односложными словами, и его взгляд то и дело возвращался к ветровому стеклу вездехода и темному изгибу туннеля вдалеке, обрывавшемуся там, куда не достигал луч прожектора.

— Дело не только в потере веса, — сказал он мне наконец, — хотя и это было достаточно жутким. Карлик походил на пустую оболочку, из которой извлекли все содержимое.

Холден бросил опасливый взгляд через плечо на туннель за ветровым стеклом.

— Все его лицо словно было высосано, — сказал он, и его собственные черты вновь посерели. — Я спрашиваю вас, что за существо могло это сделать?

Этот вопрос и мне не дал уснуть в ту ночь.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1

На следующее утро мы отправились в путь пораньше. То была ужасная ночь, и ее ничуть не скрасила ложная тревога, поднятая Холденом в пред-рассветный час, когда ему показалось, что он увидел тень, скользящую вдалеке по туннелю. К счастью, он не выстрелил, так как рикошетом вполне мог ранить сам себя, но адский рев клаксона, прервавший наш сон, и последовавшее за этим дознание, не менее шумное, сделали дальнейший отдых невозможным. К пяти мы снова двинулись вперед. Я сидел за рулем вездехода № 1; профессор отменил свое предыдущее решение и настоял на том, что наша машина должна идти первой.

Как сказал Ван Дамм, это была почетная позиция, но, передвигая рычаги, я не мог не пожелать уступить ее номеру 2, как планировалось: «почетная» позиция в создавшихся условиях не позволяла расслабиться ни на секунду. Казалось, это не беспокоило Скарсдейла; он не отводил бинокля ночного видения от ветрового стекла и время от времени давал мне указания снизить или увеличить скорость. По радио с десятиминутными интервалами звучал голос Ван Дамма, и внешне все выглядело таким же, как накануне. Но с обнаружением мертвого карлика кое-что изменилось, и я ощущал, что никогда больше не смогу относиться к этим туннелям по-прежнему.

Они и без того казались зловещими — я почувствовал это в первый же момент, когда вездеход загрохотал под громадным портиком. Однако осознание того, что отныне нам придется иметь дело с какой-то силой, враждебной жизни, наполняло каждый дюйм пути неизведанным ужасом. Разумеется, нельзя было исключить, что Залор стал жертвой каких-то совершенно естественных обстоятельств или, быть может, зверя наподобие пумы, обитавшего в самых глубоких кавернах. Но когда Ван Дамм выдвинул это предположение, тайный голос внутри меня поднял на смех его теорию. Как выжили бы подобные хищники в этих пустынных туннелях? И, конечно же, мы должны были бы давно обнаружить какие-то свидетельства их существования. Звери оставляют помет либо иные следы своего пребывания, но мы не нашли в пещерах никаких признаков какой бы то ни было жизни.

Далее, имела место реакция Холдена. Положим, он по своему душевному складу вполне мог быть особо чувствителен к зрелищу смерти, но конец Залора был настолько ужасен, что Холден на какое-то время почти утратил рассудок; даже мрачная решимость Скарсдейла была поколеблена. Оставались и другие нерешенные вопросы, не в последнюю очередь загадка то-

го, как удалось карлику преодолеть такое огромное расстояние и добраться до пещер задолго до нашего появления. Быть может, у него имелись товарищи в Нильстреме, сумевшие переправить его через пустыню быстрее, чем могли передвигаться наши вездеходы?

Здесь открывались бесконечные возможности, и мой разум так же бесконечно взвешивал их. По правде говоря, альтернативы казались настолько тревожными, что я был полон решимости найти любое пригодное к случаю естественное объяснение, каким бы странным оно ни было. Тем временем мои руки механически выполняли свою работу; ветер становился все более теплым, а стрелка компаса упрямо указывала почти точно на север.

Вскоре, проехав не слишком длинный отрезок пути, мы достигли важного ориентира. Где-то в начале восьмого, когда индикатор пробега зарегистрировал около восьмидесяти четырех миль, я начал ощущать небольшие перемены в окружающей обстановке. Я не смог бы сразу определить, в чем они состояли, но видел, что Скарсдейл тоже это заметил. Он склонил голову набок, как будто прислушиваясь. Некоторое время спустя я понял, что он не прислушивался, а смотрел на что-то. Лишь через пять минут явление, которое привлекло его внимание, дошло до моего сознания.

Моя медленная реакция была вызвана, главным образом, двумя причинами. Во-первых, благодаря положению прожектора скалистые стены коридора все время отражали ровный свет; во-вторых, мое водительское кресло располагалось ниже навигационного столика — видя только часть ветрового стекла, я не мог разглядеть объект любопытства профессора. Но по мере продвижения к нашей восьмидесяти пятой миле под горами, сомнения рассеивались. Становилось все светлее.

2

По расчетам Скарсдейла, мы находились на глубине пяти миль под горными вершинами, и все же царившие здесь сумерки делали ненужным постоянное использование прожекторов. Мы были близко к конечной точке изначального маршрута профессора и вскоре должны были оказаться на неизвестной территории.

Подземный свет в этом месте, казалось, исходил из какого-то фосфоресцирующего источника высоко в непроницаемой твердыне свода. Любопытно, что источник этот, похоже, был направлен прямо вниз, а не на стены туннеля; поэтому сам источник освещения, а также структура и высота свода оставались для нас тайной. Голубоватый свет придавал мертвенную бледность всем предметам внизу и нашим собственным лицам, но мы испытывали облегчение, вырвавшись из стигийской тьмы, сквозь которую ехали

так долго.

Свет становился все более ярким, но не мог сравниться по силе с тем, что можно назвать земным светом, то есть с обычным дневным светом наверху; по своей интенсивности он напоминал сумерки в тропиках за несколько мгновений до того, как солнце скроется за горизонтом. Тем не менее, возможность свободнее передвигаться и видеть предметы на расстоянии была большим благом.

Вскоре после того, как я смог в этом свете управлять вездеходом, мы выехали из туннеля, и вибрации, сопровождавшие нас на протяжении последних двух дней, стихли. Машина пошла по чему-то ровному, напоминавшему по ощущению черный песок в горном ущелье. Как только это произошло, Скарсдейл объявил остановку, прожектора были выключены, и мы все вышли из вездеходов.

Зрелище было необыкновенным. Впереди простирался огромный зал, освещенный мерцающим, призрачным голубым светом, который заставлял пространство вдалеке переливаться и подрагивать. Казалось, мы находились на широком берегу, состоящем из темного песка и похожей на мелкую гальку субстанции, скрипевшей у нас под ногами. Свет словно падал с неба, однако Скарсдейл объяснил, что это фосфоресцировал свод пещеры, нависший на огромном расстоянии над нами; свет мешал нам увидеть границы гигантской геологической формации, образывавшей подземный зал.

Мы оставались у входа в туннель около получаса. Мои спутники производили измерения и отмечали навигационные точки, а я тем временем пытался — возможно, безуспешно — запечатлеть наше окружение на пленке. Отверстие туннеля в этом месте заметно сужалось и, по-видимому, служило единственным средством входа. Похожие на следы долота отметины на искусственных стенах здесь обрывались, и внутренние поверхности громадного зала представляли собой необработанный камень.

Пока все бродили вокруг, удивляясь странностям мерцающего света, я оказался рядом с Ван Даммом.

— Не могу понять, доктор, — сказал я ему, — как этот древний народ мог рассчитать, что туннель приведет их прямо сюда.

Ван Дамм улыбнулся.

— Лучше спросите себя, Плоурайт, не были ли люди, населявшие эту каверну, больше озабочены тем, чтобы пробить коммуникационный туннель через горы к долине за ними и открытому воздуху.

Объяснение было настолько простым и логичным, что у меня, должно быть, отвисла челюсть. Ван Дамм разразился коротким, лающим смехом и сказал:

— Не корите себя, друг мой. Как и многие непрофессионалы, вы всего лишь исходили из ложных предпосылок.

Он извинился и отошел проконсультироваться со Скарсдейлом. Я закон-

чил свою фотографическую работу и собрал оборудование. С севера по-прежнему дул свежий ветер, но теперь у него был более вязкий привкус. Это сложно описать, но почему-то я почувствовал себя, как в детстве, когда меня впервые взяли в давно обещанную поездку на море.

Я поднялся в вездеход и обнаружил, что Скарсдейл уже сидит за штурманским столом и делает пометки в записной книжке.

— Великий день, Плоурайт, не так ли? — восторженно воскликнул он; его глаза горели небывалым огнем. — Через несколько минут мы будем на том месте, где я был вынужден повернуть назад. С этого момента нас ждет путешествие, полное новых открытий.

Было трудно не поддаться его энтузиазму, но мои опасения все еще оставались при мне. Скрывая свое состояние, я сел в водительское кресло и стал ждать его приказов. Скарсдейл велел мне трогаться, и я спросил его, каким курсом идти.

— На север, конечно, — нетерпеливо сказал он.

Затем он добавил, бросив на меня извиняющийся взгляд:

— Простите, Плоурайт, я забываю о хороших манерах. Волнение, знаете ли, и напряжение. Нам осталось пересечь всего милю пляжа, а потом мы разобьем постоянный лагерь.

В мерцающем, туманном свете подземного царства гусеницы вездехода мягко врезались в податливый песок, и шум моторов потерялся в просторах огромной куполообразной каверны. Наступил последний этап нашего необыкновенного моторизованного путешествия. Машина Ван Дамма поравнялась с нами, и я увидел, что доктор снова поднял вымпелы. Они слегка колыхались от слабого ветра и движения вездехода, и на мгновение у меня возникла иллюзия, что мы едем на открытом воздухе.

Стены каверны исчезли из виду. Мы двигались по широкой песчаной равнине в мерцающую дымку, которая заволакивала поле зрения, так что могло показаться, будто мы направляемся к какому-то далекому горизонту. И действительно, иллюзия вновь была настолько полной, что временами я совершенно забывал, где мы находимся. Однако Скарсдейл не забыл ни о об этом, ни о возможной угрозе: я заметил, что он вытащил револьвер и положил его рядом с собой на штурманский столик. Ван Дамм поддерживал радиосвязь, и, если не считать того, что вездеходы шли бок о бок и с выключенными прожекторами, все казалось таким же нормальным, как и наша привычная подземная рутина.

И все же это не было нормальным, не могло быть нормальным... Впервые с тех пор, как мы оказались под землей, я испытал прилив возбуждения. Я списал его на иллюзию пребывания на поверхности. По правде говоря, я не сумел бы сохранить крепость духа, если бы мы провели еще какое-то время в вечной темноте туннеля. Регистратор пробега отметил чуть более восьмидесяти шести миль, когда мы, наконец, достигли крайней точки

нашего путешествия — по крайней мере, в том, что касалось вездеходов.

В течение нескольких последних минут я ощущал влажность в атмосфере и легкие порывы ветра, напоминавшие ленивое дыхание беспокойного гиганта. Внезапно под нами потянулся намокший песок, и я увидел нечто похожее на тонкую линию прибоя. Вода прилиwała и отступала перед нами, оставляя блестящие переливы на чуть наклонной поверхности того, что я за неимением лучшего термина буду называть пляжем. Я снизил скорость; по сигналу профессора обе машины одновременно повернули на левый борт, и мы отъехали повыше, заняв господствующую позицию, где могли не опасаться прилива.

Любопытно, что теперь, когда мы очутились на пляже, Скарсдейл, казалось, потерял всякий интерес к нашему окружению. Он отдал по радио приказ Ван Дамму, и я с некоторым изумлением услышал, что все должны оставаться в вездеходах и, как только двигатели будут выключены, начать процедуру перезарядки аккумуляторов, провести уборку кабин, проверить резиновые лодки, оружие и боеприпасы. Оглядываясь сейчас назад, можно сказать, что эта обыденная и скучноватая программа имела глубокий смысл. Мы не знали, с чем столкнемся, и у нас было вдоволь времени, чтобы изучить местность позднее.

Наше выживание зависело от эффективности машин и оборудования; если с вездеходами что-нибудь случится, такая большая группа вряд ли могла надеяться вернуться пешком и обойтись при этом без серьезной катастрофы, несмотря на прежний опыт профессора. Скарсдейл был исключительным человеком, созданным для выживания в неблагоприятных условиях, но я не считал себя отлитым по этому героическому образцу, а остальные, хоть и были чрезвычайно одаренными учеными, вероятно, не обладали достаточной физической силой; правда, в таких вещах всегда трудно судить заранее с какой-либо степенью точности.

Таким образом, мы потратили остаток утра на выполнение возложенных на нас задач, не выходя наружу, и даже пообедали в вездеходах. Наконец наш руководитель убедился, что дела продвинулись настолько далеко, насколько было возможно. Тогда он велел нам вытащить на берег резиновые лодки, оружие и прочее снаряжение; только ближе к вечеру, когда мы выставили охрану, надули две большие резиновые лодки и установили два пулемета на треногах, он объявил о своих планах.

К нашему удивлению, Скарсдейл сказал, что мы отправимся в плавание по подземному озеру не ранее чем через два дня. Профессор назвал этот водный бассейн озером, но он скорее походил на маленькое море. Скарсдейл мог только гадать о его размерах, однако, невзирая на огромную длину туннеля и определенное приливное движение, предполагал, что озеро было достаточно небольшим. Во время своего предыдущего визита он убедился, что вода была солоноватой; по-видимому, в ней не было никакой морской

флоры и фауны.

План профессора состоял в том, чтобы продолжать движение почти строго на север в надежде достичь другого пляжа на противоположной стороне озера. Затем группе предстояло отправиться дальше, не забывая о необходимости беречь запасы еды, воды и прочих припасов в целях возвращения. Лодки мы оставим на дальнем берегу и возьмем с собой палатки. Время, проведенное в лагере номер два (так Скарсдейл обозначил это место в отличие от стоянки запасного вездехода у входа в туннель, которую называл лагерь № 1) будет использовано для обучения и разведки.

Насколько я понял, Скарсдейл хотел, чтобы мы сосредоточились на тренировках с оружием и научились получше обращаться с несколько громоздкими надувными лодками, которые были сделаны из ярко-красной резины, хорошо выделявшейся в тусклом свете пещеры. Список задач также включал исследование границ пляжа, отбор проб песка, камней и воды, тренировки со спасательными жилетами и учения по оказанию первой помощи, практикум по работе со специальными пакетами для перевозки наших вещей и устройству пробного палаточного лагеря — словом, мы должны были освоить все необходимое для жизни на другой стороне озера.

Скарсдейл, наполовину в шутку, предложил назвать туннель, преодоление которого стоило нам таких трудов, проходом Ван Дамма. Доктор покраснел и, заикаясь, отказался от этой чести, но Скарсдейл настоял на том, чтобы нанести название карандашом на крупномасштабные карты, составляемые нашими коллегами. Пока мы собирались в нашу первую разведывательную экскурсию к берегу, Ван Дамм ответил такой же любезностью, предложив назвать озеро морем Скарсдейла, и это предложение нашло одобрение у всей нашей компании.

В таком дружеском настроении мы все после обеда тронулись в путь — все, за исключением Прескотта, которому выпало первым дежурить у вездеходов, оставаясь поблизости от клаксона и пулемета. Остальные медленно спустились к кромке воды.

Прежде, чем описать окружавший нас пейзаж, я расскажу о сценке, вызвавшей громкий комментарий Холдена. Пока трое из нас восхищались открывшейся перед нами неземной панорамой, профессор, не обращая внимания на странные подземные виды, уселся на выступ торчавшей из песка черной базальтовой скалы и погрузился в «Этику Югора», время от времени напевая что-то себе под нос и сверяясь со столбцами цифр.

Мы вежливо подождали, пока Скарсдейл не закончит свои расчеты. Наконец он вскочил и направился к нам, бормоча извинения. Затем он взял на себя роль нашего гида и быстро зашагал вдоль берега; остальные двинулись за ним. Не думаю, что я когда-нибудь забуду зрелище, представшее перед нами в тот час, в этом месте, где не было рассвета, дня, ночи или заката, где терялось само чувство времени — область потусторонней красоты, кото-

рую мы вынуждено подчиняли нашим искусственным представлениям о времени, регулярности и порядке.

Мы сразу заметили, что вялый прилив, чьи волны высотой в фут или два накатывали на пологий берег, был таким же фосфоресцирующим, как свет, исходивший со свода. Между ними висело нечто вроде парообразного тумана, перестилавшегося тонкими слоями над поверхностью воды, так что пределы видимости ограничивались примерно двумя сотнями ярдов, далее же все терялось в неясной дымке. Слабое свечение воды, небольшие разрывы в туманном покрове и вибрирующий свет огромного свода каверны, сокрытого от нас, делали весь ландшафт удивительно похожим на какую-то жемчужную, гигантски увеличенную картину Тернера¹.

Мы прошли вдоль пляжа на запад около мили. Здесь путь нам преградила группа скал, уходивших в воду; остававшаяся на суше часть массива была отвесной и неприступной. Мы вернулись, погруженные в свои мысли; все мы были взволнованы и тронуты странностью нашего окружения. По возвращении я сменил Прескотта, который присоединился к остальным в походе на восток. Я стоял на крыше вездехода, напрягая зрение, пока последний из моих спутников не растворился в светящейся дымке.

Я провел там довольно долгое время, а затем с облегчением увидел, что все четверо возвращаются. В восточной стороне они столкнулись с похожей ситуацией: широкий пляж, туман над водой и, наконец, непроходимые скалы; таким образом, пляж был изолирован с двух сторон. Скарсдейл склонялся к теории, что скальные образования были массаами, отколовшимися от основных стен огромной каверны, когда она затвердевала в доисторические времена. Другие придерживались аналогичного мнения. Никто из них не придавал скалам какого-либо особого значения, считая, что даже если бы на них можно было взобраться, они бы просто рано или поздно привели исследователя к глухим, непроходимым внешним стенам.

Основываясь на цифрах, полученных благодаря сделанным во время прогулки измерениям и наблюдениям, профессор был склонен думать, что озеро или водный бассейн, несмотря на очевидные приливные тенденции, было не слишком большим; правда, он допускал, что оно может иметь милю или больше в ширину. Мы не могли оценить его продольные границы, однако Ван Дамм считал, что прилив мог быть вызван подземными реками, которые на огромной глубине втекали в озеро с одного конца и вытекали с другого в восточном или западном направлении.

В тот вечер у нас состоялась серьезная дискуссия в вездеходе, и Ван Дамм со Скарсдейлом выдвинули множество теорий. С моей точки зрения, это был один из самых вдохновляющих и интересных вечеров за всю экс-

---

¹ Уильям Тернер (1775-1851) — английский живописец-романтик, гравер и акварелист, предшественник импрессионистов; известен своими морскими пейзажами.

педицию. Бремя предыдущих ночей уступило место беззаботному оптимизму со стороны трех младших участников. Даже Холден был больше похож на самого себя, хотя я заметил, что он время от времени бросал взгляды через ветровое стекло, словно желая убедиться, что снаружи все спокойно.

Ван Дамму выпала первая из двухчасовых вахт и потому он первым заметил абсолютное однообразие здешней атмосферы: вечерний свет ничуть не отличался от дневного полумрака. Но даже этот заурядный факт был записан в объемистые тетради, куда профессор и его товарищи начали заносить столбцы цифр и прочие данные. Я заступил на вахту в четыре утра. Дул легкий ветерок с севера, но воздух не казался влажным, как можно было бы ожидать из-за близкого присутствия воды.

С тех пор, как несколько дней назад у входа в пещеру я впервые услышал странный звук, напоминавший хлопанье крыльев (о, эти несколько дней под землей ощущались почти годами!), мои нервы играли со мной странные шутки. Ужасающая и совершенно необъяснимая смерть Залора еще сильнее подорвала мой моральный дух, и пока мои товарищи мирно спали, я с опасливым ожиданием заступил на свою первую вахту.

Но за время дежурства я не услышал и не увидел ничего необычного. Все прошло без происшествий, как и другие вахты на протяжении следующих двух дней. Мы с переменным успехом стреляли из различных видов оружия; глухие отзвуки выстрелов раскатывались по воде, вызывая вдалеке странное эхо. Затем мы подтащили к солоноватой воде резиновые лодки, сели в них и проплыли по компасу несколько сотен ярдов в тумане, после чего повернули и без приключений вернулись на пляж. Резиновые спасательные пояса были надуты, и каждый из нас — не без дурных предчувствий, хотя вода уже была объявлена безвредной для здоровья — погрузился в холодный прилив, пока их плавучесть не была должным образом проверена.

Эти и другие столь же напряженные виды деятельности занимали нас в течение отведенного времени, пока Скарсдейл не заявил, что удовлетворен нашей эффективностью. На третье утро, плотно позавтракав, мы впятером вскоре после семи часов скользнули на двух соединенных фалинем резиновых лодках в холодное озеро, оставив на берегу два запертых и укрытых брезентом вездехода — и с некоторой нерешительностью поплыли в туманную неизвестность.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

1

Скарсдейл, Ван Дамм и Холден плыли в первой лодке, а мы с Прескоттом следовали за ними. Шум весел, плеск воды, словно усиленный туманом, и странный бледный свет, падавший сверху, создавали незабываемую сцену. Мы отчалили от берега и вскоре уже колыхались на небольших волнах; легкие клочья тумана, цеплявшиеся за поверхность воды, ограничивали видимость.

Мы захватили с собой так много снаряжения, что лодки сидели в воде очень низко, вызывая известные опасения. Я надеялся, что дальше течение не станет сильнее; если бы нам пришлось грести, спасая свои жизни, мы с Прескоттом оказались бы на редкость плохо подготовлены для этой задачи. Ведущая лодка шла по компасу, а мы были привязаны к ней фалинем, так что нам не приходилось ориентироваться. Тем не менее, нам было трудно не отставать, и время от времени, когда фалинь натягивался, до нас долетал резкий предостерегающий возглас Скарсдейла.

Но через полчаса мы с Прескоттом приноровились грести и впали в некоторую приятную эйфорию. Все важные обязанности были возложены на экипаж головной лодки, и наши мысли непринужденно блуждали, пока руки были заняты веслами. Винтовки мы едва ли держали наготове — они лежали где-то среди ящиков, коробок и узлов с походным снаряжением. Беспокоясь о сохранности своих фотоаппаратов и запасов пленки, я поместил их в середину горы груза, тщательно запаковав в водонепроницаемый материал. Мои спутники сочли эти, возможно, чрезмерные предосторожности слегка нелепыми, и даже Ван Дамм не удержался от искушения заметить при посадке:

— Мы же не в Америку плывем, Плоурайт.

— Кто знает, куда мы направляемся? — неожиданно вмешался Скарсдейл.

Если поразмыслить, он безусловно был прав. Учитывая масштаб строительных работ, с которыми мы уже столкнулись, озеро могло оказаться колоссальным... В этот момент мои размышления были прерваны внезапным креном лодки; нос ее ушел чуть глубже в воду, и в наше суденышко плеснула вода. За моим сдавленным восклицанием последовал отрывистый окрик профессора и невнятные извинения Прескотта, который зацепился веслом за страховочный трос.

Однако перерыв был своевременным, и я внимательней огляделся вокруг, отметив, что вода флуоресцировала с прежней интенсивностью; про-

должалось и незначительное приливное движение, а туман немного отступил с поверхности, и наши две лодки плыли теперь в чистой круглой области протяженностью около полумили. Свет все так же лился сверху, и казалось, что мы плывем под тусклым земным небом, а теплый бриз, который постоянно дул с севера, как мне почудилось, немного усилился.

При этом я ощутил слабую вибрацию, будто где-то вдалеке работала огромная машина, чья пульсация походила на биение сердца. Я взглянул на Прескотта и понял, что он тоже ощутил это; поглядев вперед, я увидел, что наши спутники на другой лодке прекратили свои энергичные гребки, подняли весла — вода огненными каплями стекала с их лопастей — и стали внимательно прислушиваться.

К моему удивлению, Ван Дамм почти сразу же опустился на колени и принялся яростно строчить в блокноте; поглядывая на наручные часы, он продолжал записывать свои наблюдения, касавшиеся нового явления. После этой небольшой паузы трое наших товарищей дружно опустили весла, мы с Прескоттом начали гребти в их ритме, и два неуклюжих резиновых суденышка, подпрыгивая и покачиваясь на волнах, двинулись в туман.

Какое-то время мы усердно гребли, а затем, исходя из различных признаков, подтвержденных Прескоттом, сделали вывод, что находимся примерно посередине озера. Сила течения здесь возрастала, и, казалось, оно шло в общем направлении с востока на запад, что соответствовало ранее выдвинутой Ван Даммом теории. Однако течение не доставляло нам серьезных хлопот и, приняв в расчет небольшой снос, Скарсдейл со своей группой продолжал плыть строго на север; Прескотту и мне оставалось только следовать за ними.

Мы продвигались медленно, причем, в отличие от передвижения на вездеходах, не могли оценить пройденное расстояние. Не будь ведущей лодки и ее компаса, мы с Прескоттом наверняка совершенно заблудились бы в окружающем тумане. В таких условиях без навигационных средств можно было бы кружить часами. Кроме того, странное свечение как воды, так и того, что мы называли небом, вызывало своеобразное чувство дезориентации, и мы оба были рады услышать примерно два часа спустя голос Скарсдейла с головной лодки — он оповещал нас, что мы приближаемся к противоположному берегу.

По самым скромным подсчетам, мы покрывали около трех миль в час, и следовательно, ширина озера могла составлять около пяти миль: огромная площадь для подземной формации такого рода. «Море Скарсдейла» поистине оправдывало свое недавно полученное название. Мы с Прескоттом стали гребти медленней и по мере приближения к остановившейся впереди лодке Скарсдейла все отчетливее слышали слабое журчание воды на берегу.

Мы медленно подплыли к ведущей лодке и стали параллельно с ней. С первого же взгляда я увидел, что здешний берег был почти точной копией

того, что мы покинули утром — те же черные скалы, вода, набегающая на темный песок и фосфоресцирующая у подножия скал; туман, низко висящий над береговой линией; тусклый свет, проникающий сверху сквозь дымку пара; и песок, отступающий в скалистую даль.

Я заметил, что Скарсдейл и другие достали револьверы. Покачиваясь на беспокойных волнах, мы ждали, пока жест профессора не заставил нас всех снова взяться за весла. Поднимая пену и задевая днищами о прибрежную гальку, две лодки устремились к берегу. Мы спрыгнули на мокрый, податливый песок и оттащили наши суденышки подальше от линии воды. Как и прежде, Скарсдейл не спешил; с разведкой можно было подождать, а пока что следовало разбить лагерь и разгрузить припасы. Мы выбрали ровное место позади нагромождения валунов и установили там палатки, распаковали снаряжение, которое могло нам понадобиться для ночлега, и перенесли сюда же две лодки. По настоянию профессора, мы привязали их к вбитым в песок кольям; должен признаться, я так и не понял, для чего это было нужно.

Мы окрестили наше новое пристанище лагерем номер три. Лодки и более тяжелые грузы должны были остаться здесь, в то время как нам пятерым предстояло отправиться дальше с рюкзаками, палатками и теми припасами, что мы могли унести на себе. Но сперва трое из нас должны были провести предварительную разведку, а двое оставшихся в лагере — приготовить обед и, если хватит времени, осмотреть дальние оконечности берега. Пулеметы снова были извлечены и установлены на треногах. Под их прицелом оказались оба конца пляжа, то есть западный и восточный, но логику профессора я опять же никак не мог понять.

За исключением шума, который я принял за хлопанье крыльев, мы больше не слышали никаких подозрительных звуков и не видели ни единого живого существа с тех пор, как спустились под землю. Однако, я не мог отрицать, что таинственная и зловещая гибель карлика уже сама по себе оправдывала самые строгие меры предосторожности. Мы стали тянуть жребий; остаться в лагере выпало Ван Дамму и Холдену, а значит, мы с Прескоттом под руководством Скарсдейла отправлялись на разведку.

В дополнение к винтовкам и ракетнице профессора мы взяли с собой портативную рацию, с помощью которой профессор надеялся поддерживать связь с Третьим лагерем. По указанию нашего руководителя, мы также надели каски с фонарями — на случай, если нам придется исследовать проходы или коридоры вдали от тусклого свечения главных туннелей. В последнее время мы, как правило, выставляли часовых во всех лагерях, но Скарсдейл решил, что Ван Дамм и Холден могут совершить прогулку по пляжу, если будут держаться вместе.

Доктор и Холден продолжили выгружать оставшиеся припасы с лодок, а мы задержались на несколько минут и опробовали радиосвязь, прежде чем

Скарсдейл отдал приказ трогаться в путь. Мы двинулись цепочкой вверх по пляжу; я оглянулся и увидел фигуры наших товарищей, уже тающие в тумане. Через несколько сотен ярдов плеск прилива утих, и воздух стал сухим и безводным; ветер дул, как всегда, с севера, то есть прямо на нас, и впервые крошечные песчинки пронеслись мимо наших лиц и застряли в нашей одежде.

Слабые пульсации, которые я ощущал ранее, сделались более отчетливыми, хотя источник их был неопределим и, очевидно, находился где-то вдалеке. Мы остановились, пока профессор отмечал температуру и другие атмосферные условия в записной книжке, которую обычно носил с собой; я воспользовался паузой, чтобы проверить радиосвязь, и с облегчением услышал скрипучий голос Ван Дамма. Он принял к сведению мой краткий отчет и в свою очередь сообщил, что они с Холденом направились на восток вдоль пляжа. Пока что они не видели и не слышали ничего примечательного. К этому времени Скарсдейл и Прескотт немного ушли вперед; я догнал их и передал слова Ван Дамма, как меня проинструктировал профессор.

Мне кажется, он доверял мне больше, чем я заслуживал; возможно, я виделся ему человеком уравновешенным и надежным, но эта маска противоречила моему внутреннему состоянию. Большая северная отличалась от всех прочих экспедиций, в которых я участвовал; во многих отношениях она была исключительной, и я редко встречал новые дни с такими дурными предчувствиями. Я знал, что Холден также осознавал нависшую над нами угрозу; насколько я мог видеть, даже Скарсдейл, несмотря на всю его грубоватую браваду, догадывался о мощи неизвестных сил, с которыми мы могли столкнуться. Да, мы еще не встречались с подобными опасностями, но, не говоря уж о Залоре, этот ужасный сумеречный мир излучал жуткие эманации, и только самый твердокаменный человек мог их не почувствовать.

Когда мы поднялись с пляжа, туман рассеялся, и мы оказались в широкой каменистой ложине, простиравшейся перед нами во всех направлениях; тусклый свет, однако, ограничивал обзор, так что примерно в полумиле впереди оставалась полоса темноты, создававшая естественный горизонт. Находясь в отдалении от нее, мы не могли сказать, был ли то черный базальтовый утес или просто эффект огромного темного пространства.

Мы сказали Ван Дамму, что вернемся через два часа, если не произойдет ничего непредвиденного, что давало нам по часу ходьбы в каждую сторону; в любом случае, мы могли сообщить о задержке по радио. Я взглянул на свои наручные часы и увидел, что мы уже провели в пути чуть больше двадцати минут. У меня на шее висела одна из камер поменьше, и я остановился, чтобы установить штатив и сфотографировать пустынную сцену с крошечными фигурками Скарсдейла и Прескотта, ушедшими вперед. Разбирая оборудование, я увидел, что они ускорили шаги, и поспешил за ними как раз в тот момент, когда они начали исчезать в темноте. Скарсдейл

заметил, однако, что я отстал, и товарищи подождали меня; подойдя к ним, я понял, почему они торопились. Там, на равнине перед нами, высилась глухая стена, прорезанная еще одним гигантским порталом наподобие того, что мы видели у входа в пещеру. По кивку Скарсдейла я связался по рации с Ван Даммом; примерно через минуту послышался его голос, искаженный помехами. Я передал ему сообщение Скарсдейла и велел быть наготове.

2

Затем мы втроем прошли вперед к колоссальным вратам, возвышавшимся перед нами. Как я и предполагал, перед ними располагался еще один обелиск со знакомыми нам странными иероглифами, составлявшими в первом случае, по словам Скарсдейла, такую зловещую надпись. Пока Прескотт стоял, оглядываясь в тусклом свете, я сделал несколько фотографий, а Скарсдейл подошел к обелиску и начал старательно переписывать текст.

Похоже, надпись соответствовала какому-то отрывку из «Этики Югора» — я видел, как он стал взволнованно сравнивать выписки. Закончив фотографировать, я вернул аппарат в футляр и подошел к Прескотту. Никто из нас не произнес ни слова.

После мы направились к вратам и шли еще несколько минут; портик настолько увеличился в размерах, что большая его часть теперь терялась в мерцающем пространстве наверху. На правой стороне одного из массивных каменных блоков, из которых была сложена перемычка, имелась краткая двухстрочная надпись, и я сфотографировал ее, а Скарсдейл переписал иероглифы в записную книжку. Затем он лично связался по рации с Ван Даммом и доложил ему о наших действиях для записи в экспедиционном журнале.

Когда мы снова двинулись вперед, я увидел широкий лестничный пролет, ведущий вверх, во мрак; однако внутри было не совсем темно, и отверстия в своде пропускали сверху флуоресцирующий свет. Я с иронией отметил про себя, что теперь мы вдвойне удалены от внешнего мира и переходим из вечных сумерек в стигийскую бездну; я задавался вопросом, сколько еще нас ждет трансформаций, каждая из которых, как в серии китайских шкатулок, выполнена искуснее предыдущих и глубже ввергает нас в этот подземный космос с его засушливой и стерильной атмосферой.

У самого портика профессор ровным голосом сказал мне, что на следующий день мы разобьем лагерь номер четыре непосредственно перед входом. К моему удивлению, теплый, сухой ветер продолжал дуть, когда мы начали подниматься по лестнице. Сооружение было достаточно необычным, и нам понадобилось некоторое время на подъем. Ступени были высечены из какого-то светлого камня, похожего на мрамор или гранит; ничуть не истертые,

они выглядели так же безукоризненно, как в тот день, когда неведомые каменщики завершили свою работу.

Но самыми замечательными их свойствами были размеры и конфигурация. Скарсдейл, восхищенный до предела, издавал восторженные восклицания, и мы с Прескоттом невольно присоединились к нему. Ступени были просто невероятными. Каждая имела около двух футов в высоту, и нам приходилось неуклюже карабкаться на них, используя обе руки для упора; далее ступень, если это правильный термин, тянулась более чем на десять футов по горизонтали, после чего в темноту поднималась следующая грань и мы повторяли весь процесс. В этих условиях мы неизбежно продвигались достаточно медленно и к тому же изрядно взмокли, поскольку навстречу постоянно дул теплый ветер.

Наши глаза уже привыкли к более низкому уровню освещенности внутри, и мы обходились без фонарей на касках. Я заметил, что вдоль каждой плоскости ступеней шла узкая полоса орнамента, отделяя их от стен, и обратил на это внимание профессора. Я зажег свой налобный фонарь, а Скарсдейл сделал набросок зигзагообразной окантовки. Затем я сделал несколько снимков для протокола и мы продолжили подъем.

К счастью, лестничный пролет был не слишком высоким, хотя и достаточно длинным из-за образовавшихся его десяти-двенадцатифутовых ступеней. Наверху мы оказались в чем-то похожем на длинную, идеально выстроенную каменную галерею; свет проходил в нее сверху через узорчатые отверстия в потолке.

Сейчас я должен быть предельно точным в своем описании того, что предстало перед нами, и мне понадобится тщательно подбирать слова. Мы не успели еще углубиться в галерею, когда я увидел, что вдоль обеих стен были расставлены сотни предметов, которые за неимением лучшего обозначения я назову сосудами. Они стояли в ряд примерно в двух футах от каждой стены, и над каждым был нанесен символ из двух иероглифов.

Я подошел поближе и тронул край одного из сосудов; несмотря на большой объем и вес, он слегка покачнулся. Насколько мы могли разглядеть в тусклом освещении, сосуды были сероватого цвета, около пяти футов в высоту и около двух футов в диаметре. Сверху они были закрыты плоскими герметичными пробками из чего-то напоминавшего глину или камень, запечатанными по краям застывшей желеобразной субстанцией, блестящей в свете моего фонаря. Иероглифы на пробках соответствовали расположенным выше на стенах надписям. Толщина стенок, судя по верхней части, составляла около дюйма. Сосуды не имели ни горлышек, ни изогнутых форм амфор или кувшинов, а представляли собой простые цилиндры с плоским основанием и одинаковым диаметром по всей длине.

Скарсдейл прочистил горло, издав неприятный хриплый звук в полумраке галереи. Звук разнесся эхом по длинному проходу, и я увидел, как Прес-

котт явственно вздрогнул и огляделся. Они с профессором посоветовались и вскоре вернулись ко мне. У профессора был с собой набор геолога, содержащий различные маленькие молотки, ручные зубила и другие инструменты. Скарсдейл и Прескотт вооружились инструментами по своему вкусу и, выбрав ближайший сосуд, начали откупоривать его. Действуя с противоположных сторон, пока я светил им налобным фонарем, они для начала принялись откалывать замазку.

Звон молотков о зубила породил в галерее странное эхо. Прескотт, который все озирался по сторонам, словно опасаясь появления незваных гостей, недовольно поморщился. Я мог понять его чувства, поскольку эхо, казалось, вибрировало по всей галерее и продолжало слышаться еще долгое время после того, как должно было естественным образом затихнуть. Это эксцентричное звуковое явление, вероятно, было вызвано конструкцией помещения, но его воздействие было, мягко говоря, обескураживающим.

Профессор и его напарник работали в течение нескольких минут, и их усилия, похоже, возымели видимый результат. В слое замазки появилась постоянно расширяющаяся трещина, и где-то через четверть часа пробка начала пошатываться. Затем профессор и Прескотт перенесли свои усилия на одну сторону и, вставив зубила под пробку, попытались отколоть последний фрагмент застывшего коагулянта. Я услышал резкий треск, Скарсдейл поскользнулся и издал приглушенное восклицание, пробка внезапно поддалась, и из сосуда вырвался поток воздуха или газа, сопровождаемый ужасающим зловонием, от которого меня замутило. Я отскочил и бросился к лестнице и входу в галерею.

Здесь я прислонился к одному из сосудов, надеясь, что этот отвратительный запах вскоре выветрится моих ноздрей. Таким образом, я находился в нескольких футах от того места, где Прескотт и Скарсдейл, возобновив работу, удалили пробку. Прескотт стоял спиной ко мне, профессор оставался с другой стороны. Они со скрежетом поставили сосуд на ребро и начали что-то из него вытаскивать. Я услышал приглушенный удар, пустой сосуд с глухим звуком откатился в сторону, и Прескотт издал громкий вопль, потрясший мои нервы.

Я прыгнул вперед, на мгновение забыв о запахе, и увидел, как Прескотт пятится от чего-то на полу галереи; его лицо было белым, когда он повернулся ко мне, а губы беззвучно шевелились. Я несколько бесцеремонно оттолкнул его, и мне пришлось прикусить собственный язык, чтобы мой крик не присоединился к эху его вопля.

Существо, которое лежало перед нами в мерцающем гниении на каменном полу галереи, не было похоже ни на одно создание, какое мне доводилось видеть. Оно было примерно четырех-пяти футов ростом, со сморщенным, белым, похожим на личинку туловищем, переходившим в две жилистые нижние конечности с тремя суставами, сложенные позади. От спины

отходили гигантские надкрылья с голубоватым отливом. Существо переливалось всеми цветами радуги, однако на наших глазах краски утратили свою яркость, поблекли и, наконец, распадающееся от соприкосновения с воздухом туннеля тело приобрело нейтрально-коричневый оттенок.

Но дикий крик с бледных губ Прескотта сорвало не это, а кошмарное лицо, и понадобился бы гений Босха или Гойи, чтобы изобразить подобное чудовище. Голова существа низко сидела на прилегавшей почти вплотную к груди шее; облик напоминал о насекомых. Из высокого куполообразного лба выступали антенны с черными кончиками; забитые слизью отверстия под ними, судя по всему, служили для дыхания, а там, где у человека находятся уши, извивались трубчатые клубки. Роль рта исполняла роговая щель на шарнирно сочлененной нижней челюсти. Однако самой жуткой, ужасающей чертой существа были глаза. Огромные, как суповые тарелки, и переливающиеся радужными цветами, они, казалось, продолжали жить своей жизнью; все зло космических пространств и мудрость десяти миллионов лет словно глядели из них, пока существо разлагалось в собственном соку на полу. Больше всего оно напоминало громадного кузнечика, наделенного взрезанным разумом, и я в страхе задышал быстрее, представив себе его живого двойника бесчисленные тысячелетия назад.

Скарсдейл, как всегда, пришел в себя первым. Он снова шагнул вперед, отводя от лица носовой платок, который прижимал к ноздрям. В его глазах светился энтузиазм.

— Вы когда-нибудь видели подобное? — спросил он у Прескотта. — Священные животные? Рабы или домашние питомцы гигантских существ, построивших эти туннели?

— Отвратительно, но, несомненно, увлекательно, — сухо сказал Прескотт. Тем не менее, я уловил в его голосе то же волнение, что вдохновляло профессора. — Вы наблюдаете, профессор, сходство со священными галереями бабуинов в гробницах древних египтян?

— Вот именно, — усмехнулся Скарсдейл. — Я рад, что это сходство не ускользнуло от вас. Однако, в отличие от мумифицированных останков у египтян, эти существа очень быстро разлагаются.

Он поскреб носком толстого сапога для верховой езды склизкую массу перед собой. За пятнадцать минут существо растаяло и испарилось, не оставив на полу ничего, кроме горстки высыхающих перепонки и нескольких более толстых мускульных частей туловища.

Я извинился перед профессором за то, что не успел сделать никаких фотографий.

— О, все в порядке, Плоурайт, — небрежно сказал Скарсдейл. — Сейчас мы вскроем еще один сосуд, и вы сможете получить свои фотографии. А после этого нам нужно будет возвращаться.

Он взял у меня радиомикрофон и начал диктовать Ван Дамму поток под-

робностей. Тот, судя по его комментариям, был взволнован не менее нашего руководителя.

— И надо же было этому произойти, когда я остался дежурить, — раздраженно бросил доктор.

— Не волнуйтесь, Ван Дамм, — успокоил его Скарсдейл. — Здесь достаточно материала для сотни полевых работников. Мы вернемся в течение получаса.

Скарсдейл прервал связь, а затем они с Прескоттом опустошили еще один сосуд. Они просто разбили его своими молотками, и хотя на сей раз я был готов к ужасному зрелищу, вид отвратительных глаз, уставившихся на меня снизу вверх, мешал моим дрожащим рукам сфокусировать камеру. Я все же сумел сделать около дюжины отличных снимков этого существа, прежде чем оно разложилось, как и первое. Я не мог не вспомнить рассказ Эдгара По о мистере Вальдемаре, превратившемся в «отталкивающую гниющую массу»¹.

Мне показалось, что все мы шли очень быстро, когда оставили галерею позади и направились обратно в Третий лагерь.

---

¹ Речь идет о рассказе Э. А. По «Правда о том, что случилось с мистером Вальдемаром» (1845).

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

1

Мы провели два дня в галерее, которую Скарсдейл и Ван Дамм назвали «Галереей мумий». Как только возбуждение от нашего открытия улеглось, мы все занялись своими задачами. К моему крайнему неудовольствию, Ван Дамм и Скарсдейл настояли на том, чтобы открыть еще больше запечатанных сосудов с их отвратительным содержимым, хотя, я полагаю, человеку с научным складом ума их энтузиазм был понятен. Чувства остальных участников экспедиции были более прозаическими и притупленными. Я с некоторой неохотой согласился сфотографировать еще несколько мерзостей из сосудов; те, как и их предшественники, быстро испарились, превратившись в студенистую гниль.

Мы не имели ни малейшего представления о созданиях, которые балъзамировали «кузнечиков». В галерее мы не нашли ни изображений, ни комнаты для балъзамирования, ни инструментов, ни оборудования для трепанации. Не было и никаких надписей, кроме символов на стенах и сосудах. И все-таки я понял, что Скарсдейл и, возможно, Ван Дамм немало знали о странной древней расе инженеров и фантастических строителей, создавшей эти могучие подземные выработки тысячи лет назад.

Мы еще не продвинулись дальше Галереи мумий; ее длина составляла не менее 1000 метров, и, по самым скромным оценкам, в помещении находилось более 10 000 странных сосудов. Ван Дамм и Скарсдейл открыли по меньшей мере дюжину контейнеров, и каждый вечер допоздна беседовали, обсуждая различные теории. Галерея заканчивалась портиком, похожим на тот, через который мы вошли. За ним шел еще один массивный пролет каменных ступеней, которые спускались на более низкий уровень и скрывались из виду в густом тумане. Как ни странно, в том месте все еще дул сильный ветер с севера; пар вздымался клубами, но всякий раз словно формировался заново, образуя непроницаемое облако, постоянно находящееся в движении.

Холден провел химический тест на ступенях, самой северной из достигнутых нами точек, и сообщил, что обнаружил сильную концентрацию серы, но не нашел ничего ядовитого. Мы поставили наши палатки в Четвертом лагере, рядом с обелиском со странными иероглифами, и радовались хоть какому-то укрытию от песка, летавшего по этой пыльной равнине. Странно было сознавать, что тот же песок был разбросан тут и там по поверхности этой огромной каверны (чей размер, правда, мы были не в состоянии оценить), и одни и те же крошечные песчинки устало кружились в воздухе на

протяжении тысяч лет.

Мы не смогли пробить пол пещеры из-за твердости породы, и поэтому палаточные столбы были установлены в специально разработанных стальных держателях, которые Скарсдейл заказал в мастерских Суррея. Веревки закрепили с помощью более тяжелых предметов снаряжения. Не все из нас были людьми воинственными, и таких особенно раздражали крупнокалиберный пулемет, ружья для охоты на слонов и другое серьезное вооружение, которым мы запаслись по настоянию Скарсдейла. Оружие грузили на маленькую тележку с резиновыми покрышками, похожую на детскую коляску, и тот или иной из нас должен был катить ее за собой, куда бы он ни направлялся.

Мы с опасением ждали момента, когда придется подниматься по огромным ступеням с таким грузом, но Скарсдейл заявил, что это должно быть сделано, а значит, возражать не приходилось — приказание нашего руководителя должно было быть исполнено. Признаюсь, я был рад, что возглавлял нашу экспедицию он, а не кто-нибудь наподобие Ван Дамма. Последний был прекрасным ученым, но человеком слишком утонченным и склонным к спорам; Скарсдейл же был прирожденным лидером и обладал хорошим чувством юмора и большой духовной стойкостью, что было необходимо для подобного предприятия.

Холден и Прескотт погрузились в собственные исследования, а Ван Дамм и профессор заполняли блокноты своими цифрами и данными о насекомоподобных существах. Поскольку моей основной задачей была фотографическая документация экспедиции, а моя фотолаборатория и прочее оборудование остались в вездеходах, у меня было мало практических дел, помимо обслуживания камер и фотосъемки. Поэтому я часто исполнял обязанности носильщика или секретаря при ком-либо из моих коллег.

По правде говоря, это было приятное занятие, так как я находил наше окружение крайне угнетающим, хоть и не высказывал своих опасений вслух. Моральный дух небольшой группы мог от этого пострадать, и я был достаточно опытен, чтобы скрывать от товарищей свои истинные чувства. Холден уже перенес значительное потрясение, и я знал, что его нервы все еще на пределе.

На следующий день, когда мы все были в Галерее мумий, Прескотт случайно уронил молоток. Звук поразил меня — по огромной галерее странным эхом прокатился металлический грохот — но воздействие его на Холдена было невероятным.

Он отшатнулся, зажал уши руками и буквально съежился у стены туннеля. Я подошел к нему и мягко взял его за плечо; он повернул ко мне лицо, с которого исчезли все краски. Мне это не понравилось, тем более что впереди, к сожалению, могло быть еще хуже. Профессор был полон решимости двигаться дальше, к какой бы цели в конечном итоге ни вели эти бес-

конечные дьявольские туннели. Нам оставалось только следовать за ним и надеяться на лучшее. Справедливости ради я должен сказать, что Скарсдейл, Ван Дамм и даже Прескотт были сделаны из более прочного материала. Их энтузиазм редко ослабевал, хотя, как я уже говорил, бывали случаи, когда и их интерес к нашему приключению временно падал.

На третий день, когда записные книжки были заполнены множеством накопившихся данных, Скарсдейл отдал приказ сворачивать лагерь. В Четвертом лагере мы оставили только ящик с тяжелыми припасами, которые профессор пометил как излишние, и маленький вымпел на металлическом флагштоке — символ экспедиции.

Все предметы потяжелее, включая пулемет, мы погрузили на тележку; тащить ее во время утреннего перехода выпало нам с Прескоттом, и ни один из нас не торопился начать подъем по длинным и крутым ступеням, ведущим в Галерею мумий. Однако задача оказалась более легкой, чем мы ожидали, поскольку вопрос в основном сводился к сноровке; вскоре мы с Прескоттом научились достаточно ловко поднимать тележку на ступени гигантской лестницы. Рюкзаки на наших спинах в определенной степени уравнивали этот груз, и пока остальные прогуливались впереди — точный термин в данных обстоятельствах, — мы волокли и тащили тележку позади, зная, что днем настанет наша очередь отдыхать.

В конце концов мы спустились по большому лестничному пролету на другом конце галереи и нас окутали легкие клубы тумана, поднятые усилившимся ветром. Было отрадно оставить позади камеру с забальзамированными существами, пусть мы и направлялись в неизвестность, и мы с Прескоттом несколько раз рисковали опрокинуть тележку, беззаботно спускаясь по ступеням.

Ван Дамм продолжал вести свои записи и, когда мы снова оказались на ровном месте, объявил, что эта вторая лестница была математически точной копией первой; между ними не было разницы и в четверть дюйма. Сам я не мог понять значения этого открытия, но оно еще раз подчеркивало фантастическую точность неизвестных строителей этих мрачных зданий. Каждая лестница, как торжественно сообщил Ван Дамм, имела ровно сорок ступеней. Таким образом, вся Галерея мумий и два пролета лестниц занимали почти 4000 футов в длину, что, по мнению Ван Дамма, должно было стать рекордом в этой области.

Конечно, нам с Прескоттом казалось, что мы преодолели эти 4000 футов не один раз, а несколько. В полдень Скарсдейл любезно объявил привал, чтобы я и мой спутник могли отдохнуть. Сидя на своих рюкзаках и прислонившись спинами к тележке, мы пили желанный черный кофе и с благодарностью жевали энергетические бисквиты специального производства. Наш временный лагерь располагался примерно в ста футах от ступеней выхода, на теплом, сухом каменном полу. Теперь, когда мы покинули огром-

ное каменное здание, свет снова стал ярче, но свод каверны на огромной высоте над нами был скрыт клубящимся туманом; разбрасываемый ветром в разные стороны, туман кружился и мерцал, отчего все вокруг казалось нереальным, как сон.

Действительно, мне часто казалось (уверен, мои спутники тоже иногда испытывали это чувство), что вся наша экспедиция была своего рода сном или даже кошмаром, апокрифическим видением, в котором мы двигались все дальше и дальше через пещеры самой темной ночи к какому-то ужасному подземному месту назначения на устрашающей глубине под поверхностью родной нам земли.

Ветер, все еще теплый, порывисто дул с севера, но теперь словно издавал слабый, отдающийся эхом стон, который с тихим шелестом долетал до нас по равнине и вдоль каменных стен коридоров. Клубы тумана образовывали странные узоры в потревоженном воздухе и меняли форму в головокружительном калейдоскопе; не будь у нас компасов, мы, несомненно, быстро заблудились бы.

2

Во второй половине дня, ориентируясь по компасу, мы двинулись строго на север. Около мили мы шли вверх и вниз по волнистой поверхности, похожей на овраг по своим очертаниям; преодолевать ее оказалось не так сложно, хотя тележка иногда доставляла нам некоторые неудобства, когда колеса застревали на неровностях склона. Туман не рассеивался, и мы почти ничего не видели вокруг, но местность настолько резко контрастировала с прежней, что мы чувствовали себя подобно покорителям Эвереста в момент, когда те выходят из тропических лесов предгорий к зоне вечных снегов.

Видимость составляла около тридцати футов, и во время двухчасового перерыва, когда мы проглотили довольно сытную еду, приготовленную химическим способом на одной из печей, Скарсдейл убедил меня сделать несколько фотографий наиболее вычурных скальных образований. Затем, осторожно нащупывая путь, мы прошли еще милю или две, причем Ван Дамм часто обращался к компасу. Однажды нам показалось, что мы слышим вдалеке плеск воды, но мы не смогли определить местонахождение источника звука, который как будто менял положение — без сомнения, звук искажался из-за окутывающего местность тумана. Ван Дамм и Скарсдейл деловито строчили в блокнотах, а раз или два Прескотт, который, как и я, был теперь освобожден от тележки, нарушил монотонность нашего марша, пытаясь отбить образцы камней своим маленьким геологическим молотком. Не могу припомнить, чтобы у него когда-либо это получилось — такими

твердыми были пласты. С породой такой твердости никто из нас прежде не сталкивался.

Это было, возможно, самой удивительной вещью, с какой мы столкнулись в Большой северной экспедиции, за исключением двух великих абсолютов нашего начинания, к которым мы всегда мысленно возвращались в конце каждого долгого и утомительного дня — во-первых, все наше предприятие происходило в нескольких милях под поверхностью земли и почти в сотне миль от входа в пещерную систему; во-вторых, масштаб грандиозных артефактов, таких как врата, туннели и Галерея мумий, был поразительным в сравнении с большинством созданных человеком объектов на земле.

Я сомневался, что подобные работы могли быть выполнены современными инженерами, использующими самое передовое горное оборудование, доступное в те времена. Если мысленно перенестись всего на три тысячи лет назад, что является сравнительно скромным промежутком по сравнению с возрастом земли, степень изощренности могла показаться чуть ли не пугающей. Это был не тот случай, когда достаточно было бы использовать массовый труд; требовались технология, машины — поскольку, конечно, такие работы не могли быть выполнены вручную — и знания, чтобы сначала создать, а затем применить все это.

Моя голова наполнилась подобными мыслями, пока мы шли дальше, сквозь бесконечный мрак, бесконечно тусклый свет, бесконечный туман и бесконечное дыхание ветра на наших щеках. Иногда я спотыкался либо приходил в себя от внезапного резкого замечания Скарсдейла или Ван Дамма и понимал, что едва не отстал от своих спутников и мог вот-вот заблудиться в тумане. В таких случаях я бывал близок к ужасу; больше всего, до болезненных спазмов, я боялся оказаться в одиночестве в этих пространствах подземного кошмара. И все же это место и наш переход были такими однообразными, что, несмотря на мои страхи и физический дискомфорт от впивающихся в плечи лямок рюкзака, я снова и снова ловил себя на том, что мой разум блуждает по странным тропинкам фантазий.

В такие минуты или при звуке голоса окликавшего меня спутника мне становилось стыдно — не в последнюю очередь потому, что я замечал вечную бдительность профессора. Независимо от того, помогал ли он Ван Дамму и Холдену толкать тележку или сверялся с компасом, он всегда оставлял одну руку свободной, а в ней сжимал револьвер; оружие он носил с ремешком, обмотанным вокруг запястья.

Пульсирующий шум, который мы слышали ранее и который, по-видимому, на какое-то время прекратился, теперь доносился до нас снова, но только урывками. Не изменилось ли направление ветра? Однако компас Ван Дамма показал, что ветер продолжал довольно устойчиво дуть с севера. Звук походил на слабейшее сердцебиение, очевидно, доносящееся с расстоя-

ния многих миль, но сопровождаемое эманациями или вибрациями, словно пульсирующими в самой скале под нашими ногами. В какой-то момент наша партия остановилась почти на час и Скарсдейл с Ван Даммом провели определенные измерения с помощью приборов, но на основе их ничего конкретного установить не удалось.

Вскоре после того, как мы снова двинулись в путь, туман начал редеть, и мы увидели перед собой довольно крутой подъем в гору. Это было настолько необычно, что Скарсдейл и Ван Дамм отметили точное время наряду с широтой и долготой и взяли дополнительные пеленги по приборам. Насколько мы могли видеть, склон, по которому мы шли, был рукотворным, и это само по себе было захватывающим; мои спутники с удивленными восклицаниями замечали следы чрезвычайно закаленных и сложных инструментов, некогда вырезавших дорожное полотно из твердой, как сталь, породы.

Ван Дамм и Холден все еще волокли тележку, на сей раз с помощью особой упряжи, придуманной Скарсдейлом; к счастью, склон не отличался устойчивой крутизной и угол подъема вскоре стал более приемлемым, так что они отказались от помощи нас с Прескоттом. На каком-то этапе я обнаружил, что иду во главе группы, хотя Скарсдейл не слишком отставал, размахивая револьвером в своей обычной бдительной манере. Передо мной в тусклом свете начали выстраиваться ряды продолговатых коробок, и мои возбужденные замечания вскоре привлекли внимание остальных участников экспедиции.

Теперь мы продвигались по широкому шоссе мимо обелиска, на котором было еще больше странных надписей наподобие тех, что мы уже видели. Скарсдейл ускорил шаги, едва остановившись, чтобы рассмотреть надписи — удивительное дело, ведь за последние несколько дней они с Ван Даммом потратили много часов на подобные исследования. Холдену и Ван Дамму было трудно угнаться за нами, поскольку мы трое, свободные от груза тележки, быстро продвигались вперед, а странные прямоугольники и кубы вырастали перед нами в сумерках.

То, куда мы вступали, было городом огромных и неизвестных размеров, выстроенным с неведомой целью во многих милях под поверхностью земли. По мере того, как мы шли дальше по широкому шоссе, открывались все новые кварталы, и наконец я понял, что масштабы города были такими же гигантскими, как размеры прочих построек, с которыми мы до сих пор сталкивались. Каменные блоки с их гладкими серыми очертаниями были лишены окон или каких-либо иных отверстий, за исключением огромных порталов из обработанного камня, похожих на те, что мы видели ранее. У некоторых имелись изящные перемычки с высеченными на них странными, непостижимыми иероглифами, сами очертания которых выглядели непристойными и порочными. Шоссе вывело нас на обширную площадь; об-

рамлявшие ее громадные здания были сгруппированы в неопределимом порядке или не поддающемся наблюдению узоре. Вся сложная ритмическая структура города была загадочна для постороннего, и я с трудом воспринимал углы и перспективы; при взгляде на то, что на поверхности земли называли бы улицами и дорожными перекрестками, у меня и моих товарищей возникали ярко выраженные оптические иллюзии.

Площадь была вымощена огромными каменными плитами, также расходившимися под неправильными углами; казалось, ни одна плита не соединялась должным образом с другой, а образованная ими брусчатка не была ни квадратной, ни треугольной и словно не подчинялась никаким известным законам или математическим формулам; глаз постоянно резали разрывы структуры или уродливые либо дисгармоничные сочетания линий.

Мы так и не смогли привыкнуть к этим необычайным свойствам городского пространства. По мере приближения к определенному месту естественные законы как будто восстанавливались; все углы сходились правильно, квадрат соединялся с квадратом, а кривая с кривой. Но стоило отвернуться или отойти от выбранной точки, как снова возникали оптические искажения, так что в конце концов мы начали опасаться за свой рассудок. Это поразительное и тревожное место послужило предметом бесконечных дискуссий между нашими учеными. Те из моих фотографий, что пережили экспедицию, ничего не дали: можно было часами смотреть на увеличенные снимки, но на всех них город выглядел в этом смысле обычным.

Мы сложили наше снаряжение и припасы посреди гигантской площади и отдохнули, сидя на искусно изрезанном камне; высеченный из цельного черного монолита, он был украшен не только иероглифами, но и замысловатыми плоскостями; эти плоскости нарушали его ровные очертания и являли зрителю ошеломляющую многогранную структуру со множеством поверхностей. На облицовке площади мы не нашли никаких царапин или отметин, которые свидетельствовали бы, что здесь в далеком прошлом проезжали транспортные средства.

Профессор еще раз сверился со своими заметками и сильно потрепанным машинописным переводом «Этики Югора».

— Как вы, без сомнения, заметили, Ван Дамм, — сказал он с легкой торжествующей улыбкой, — мы сейчас находимся в древнем городе Кротх.

3

— Действительно, профессор, — с тонкой улыбкой ответил Ван Дамм. — А вот и подтверждение.

И он обвел обширные просторы города выразительным взмахом своей

худой руки.

Мы отдыхали недолго. Скарсдейл быстро решил, что это место станет нашим пятым лагерем и, как было заведено в Большой северной экспедиции, мы сперва приступили к установке палаток, сортировке запасов, проверке снаряжения и приготовлению позднего обеда.

Лишь после того, как мы выставили первого часового, а на обширные пространства площади нацелилось уродливое дуло неизбежного пулемета, Скарсдейл постановил, что мы можем начать исследование местности.

Для первой экскурсии он выбрал самое массивное и любопытное из зданий, окружающих площадь. Здесь возникли известные трудности: пришлось преодолеть длинный ряд искусно спроектированных пандусов и уступов, а затем короткий, но утомительный лестничный пролет. Мы поднялись на что-то вроде террасы наверху и повернулись, чтобы посмотреть на Пятый лагерь. Искажение перспективы на уровне террасы, то есть примерно в десяти метрах над площадью, было поразительным, и наши палатки и снаряжение казались подвешенными к груде разбитой брусчатки.

Некоторые из нашей группы помахали рукой Прескотту, оставшемуся дежурить в лагере; тот отдал в ответ честь, и было удивительно видеть этот фрагмент жеста — его рука возникла в воздухе, словно полностью отделенная от тела. У меня появились некоторые опасения по поводу встречи с предполагаемым врагом в этих странных оптических условиях, и я высказал их Скарсдейлу. Профессор ничего не сказал, но в его глазах зажглась тревога.

Мы ненадолго задержались на этом балконе, любясь причудливой и беспорядочной панорамой Кротха. Все здания города выглядели покосившимися. Естественно, на этой высоте отдаленная пульсация, долгое время сопровождавшая нас, казалась более отчетливой, но я не мог установить ее источник. Однако я заметил, что большая и широкая центральная магистраль, которая привела нас сюда, продолжалась на другой стороне площади и шла почти прямо на север. Вдоль нее в лицо нам дул вечный теплый ветер.

Туман давно исчез, но очертания города будто растворялись в янтарных сумерках, и никто из нас не мог разглядеть горизонт или даже городскую черту Кротха. Мои фотографии также не помогли пролить больше света на эту загадку. С начала и до конца точные географические границы города оставались для нас тайной. Пока я фотографировал, а остальные делали записями, Скарсдейл был занят расшифровкой надписи на огромном портике из отшлифованного камня, висевшем над нашими головами. Он с удивлением объявил, что здание, по-видимому, является городской библиотекой, и предложил продолжить наши исследования.

Внутри здания не было ни следа пыли; свет, как и в Галерее мумий, проникал внутрь через отверстия в крыше. Поначалу визит в библиотеку разочаровал меня, хотя для моих спутников этот вечер был одним из самых захватывающих с тех пор, как мы вошли в фантастический подземный мир.

Если я и надеялся увидеть папирусы, бумаги или большие листы пергамента, то горько обманулся в своих ожиданиях.

За бесконечной серией пандусов следовал ряд гигантских помещений с различными надписями на стенах. В каждой комнате стояли сотни огромных каменных скамей, расположенных перед большим каменным сооружением, похожим на кафедру; перед парапетом кафедры было установлено любопытное металлическое изделие, напоминавшее схематическую модель глаза, с выгравированными на рельефной окантовке символами. Оно казалось полым, и когда на него упал бледный отсвет фонаря Скарсдейла, мы разглядели внутри нечто вроде примитивного металлического механизма. Против кафедры, но в сотнях метров от нее, располагалась огромная, светлая и изогнутая каменная пластина, выступавшая из стены. На мой взгляд, все это напоминало не более чем доисторическую версию современного лекционного зала в одном из наших университетов, но Скарсдейл случайным и несколько причудливым образом разгадал загадку.

На миг он исчез из виду за постаментом кафедры, а в следующее мгновение мы были ослеплены хлынувшим в зал светом; боюсь, что я довольно недостойно спрятался за одной из каменных скамей, в то время как мои товарищи были почти так же поражены. На дальней стене библиотеки загорелись яркие очертания огромных, высотой около ста футов, иероглифов странного языка. Затем комната снова погрузилась в полумрак, и довольный смешок Скарсдейла сменился торжествующим смехом.

— Вот и ваша библиотека, джентльмены, — радостно объявил профессор. — Это место — не что иное, как прообраз современного кинотеатра. Информация была сохранена в виде некоего слайда и спроецирована на каменный экран. И что теперь стоят братья Люмьер?

На мгновение воцарилась ошеломленная тишина, а затем воздух наполнился изумленными вопросами.

Ван Дамм обошел вокруг кафедры вместе с профессором, который объяснил, что он случайно направил луч своего налобного фонаря вниз на странный аппарат.

— Конечно, мой источник света был слишком сильным, — добавил он. — У здешних обитателей было что-то гораздо более точное и менее мощное, в согласии с общим уровнем освещения в древнем городе Кротх. Но основная схема, несомненно, уже понятна. В аппарате оставался, скажем так, слайд. Что нам теперь нужно найти, так это источник питания и место, где они хранили свои слайды, и тогда мы начнем распутывать часть загадки города.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

1

Остаток дня Скарсдейл, Ван Дамм и другие провели в лихорадочной деятельности. Хотя открытие машины изображений в древнем подземном городе имело ошеломляющее значение с археологической и исторической точек зрения, оно не взволновало меня так сильно, как можно было бы предположить. По наивности я полагал, что мы увидим нечто вроде ранних кинохроник, запечатлевших жизнь этой давно забытой цивилизации. Реальность же оказалась гораздо более прозаической, хотя профессор и его коллеги-ученые, полагаю, чувствовали себя подобно лорду Карнарвону и Говарду Картеру после открытия гробницы Тутанхамона.

В сущности, то, что обнаружила Большая северная экспедиция, было не менее, а возможно, даже более важным, поскольку о городе Кротх никто даже не подозревал, пока Скарсдейл и один или двое малоизвестных ученых не начали свои исследования некоторых запрещенных книг. В здании, которое Скарсдейл и Ван Дамм стали называть Центральной библиотекой, они реанимировали визуальный метод проецирования книжных страниц, позволявший сотням жителей одновременно участвовать в чтении. Это не только выполняло для древних обитателей города ту же функцию, что для нас современное кино, но, очевидно, заменяло им книгопечатание, так как с помощью подобной технологии им достаточно было «опубликовать» только один экземпляр конкретной книги для всего населения.

Когда Ван Дамм лично обнаружил главный архив, смысл существования всего здания, поднялся неимоверный ажиотаж, и я счел себя обязанным вернуться в лагерь и сменить Прескотта, жаждавшего поучаствовать в этом исключительном событии. Я вынужден был признаться себе, что находка, которая привела в восторг доктора и Скарсдейла, действительно была впечатляющей и открывала новые горизонты познания; одного этого было бы достаточно, чтобы Большая северная экспедиция вошла в историю.

Сделана она была случайно, когда Ван Дамм задел бронзовую ручку где-то за кафедрой; вскоре после этого остальные почувствовали сквозняк и заметили, что в задней стене появилась темная щель. Рычаг, по-видимому, приводил в действие хитроумную систему противовесов, отодвигая каменную дверь, высеченную из монолита настолько тонко и точно, что мои коллеги легко могли сдвинуть ее с места одной рукой.

Во внутреннем помещении находились тысячи металлических цилиндров с изысканной гравировкой; некоторые были расставлены на тщательно проиндексированных каменных полках, другие лежали в искусно укра-

шенных надписями ящиках для хранения. Как они были изготовлены, оставалось неясным, поскольку мы не нашли никаких инструментов; однако Скарсдейл предположил, что мы без сомнения найдем в городе мастерские граверов по металлу и других умелых ремесленников.

Цилиндры содержали множество различных «кадров», каждый из которых, очевидно, представлял собой пронумерованную страницу книги или сообщения. Цифры и символы были вырезаны с большой деликатностью и точностью — например, в иероглифах, похожих на букву О, центральная часть была соединена с основными линиями изысканным ажурным узором; спроецированные на каменный экран в аудитории, они создавали полное изображение страницы.

Цилиндры надевались на стержень в середине аппарата, предположительно имевшего в своей полый внутренней части какой-то источник света; стержень можно было вращать, тем самым демонстрируя зрителю элементы проецируемого труда в правильной последовательности. Ван Дамм ожидал найти в аппарате серию линз, как в современном кинопроекторе, но его предположение оказалось ошибочным.

Свет, источник которого оставался загадкой, проходил через своего рода точечное отверстие, как в старинных камерах, и с помощью устройства, приводившего в движение шпиндель, проецировал изображение сквозь металлическое кольцо на внешней стороне кафедры. Вскоре мы поняли, что конструкция механизма, способного «фокусироваться» только в очень узких пределах, требовала, чтобы все здание было построено в соответствии со свойствами аппарата. Иными словами, та точка, где на задней стене устанавливался каменный экран, определялась «дальностью» луча проектора (так солнечный свет, проходя сквозь стеклянную дверь с надписью, воспроизводит ее рисунок на светлой поверхности, находящейся в некотором отдалении).

Нельзя было отрицать потрясающее значение этого открытия. Скарсдейл и те, кто последует за ним, смогут многое узнать о древней подземной цивилизации благодаря расшифровке цилиндров. Но с дальнейшим их изучением решено было подождать, поскольку перед нами лежал весь город, широко открытый для исследования. В ту ночь я заступил на первую вахту в качестве часового и заметил, что мои товарищи спали довольно беспокойно после волнующих открытий этого необыкновенного дня.

2

На следующее утро дежурным по Пятому лагерю оставили Холдена. Дуло неизбежного пулемета смотрело в северном направлении, куда мы и собирались двинуться. Скарсдейл постановил, что в данный момент мы бу-

дем осматривать только наиболее важные здания, встречающиеся непосредственно на нашем маршруте. По его словам, целью экспедиции было проникнуть как можно дальше на север — я полагал, что он намеревался найти источник странной отдаленной пульсации — тогда как город мы сможем подробно исследовать по пути домой.

Группа выступила около десяти утра. Скарсдейл и Ван Дамм, как всегда, шли впереди, а я, будучи наименее полезным с научной точки зрения участником экспедиции, замыкал шествие и занимал «позицию расходного материала», как пошутил Прескотт. Хотя мы все рассмеялись, шутка была, на мой взгляд, несколько жутковатой. Впрочем, Прескотт, возможно, оказался более одаренным психологом, чем можно было предположить: его слова обострили мои чувства, и на своей уязвимой позиции в хвосте партии я был бдительнее обычного.

Шедшая на север магистраль отличалась все теми же неприятными оптическими эффектами и пролежала через то, что в земном городе было бы описано как пригороды. Размеры зданий уменьшались по мере того, как мы отдалялись от площади, хотя масштаб их все еще оставался впечатляющим. Свет сохранял привычную силу, и мы не нуждались в фонарях. После более часа ходьбы отдаленная пульсация сделалась более явственной. Здешние сооружения, куда мы время от времени заходили, были всего лишь пустыми прямоугольными коробками без окон, с портиками, квадратными дверными проемами и идущими вверх ступенями. Для их постройки был использован уже знакомый нам и твердый, как сталь, камень.

Прежде, чем покинуть площадь, мы также осмотрели одно или два других больших здания, но, несмотря на надписи на перемычках, не смогли понять их назначение. Одно оказалось чем-то вроде конторы с большими квадратными каменными постаментами, которые могли служить столами. Здесь не было ни сидений, ни какой-либо иной мебели. Полы были выложены теми же гладкими, плотно прилегающими друг к другу плитами, создававшими оптические аномалии, о которых я уже упоминал; в здании не было никакой пыли или мусора.

Второе здание, похоже, являлось чем-то вроде склада; мы нашли в нем множество запечатанных сосудов и квадратных контейнеров, а также груды тонких каменных табличек с высеченными надписями на неизвестном языке, отличавшемся, по словам Скарсдейла, от языка иероглифической письменности. Памятуя о нашем опыте в Галерее мумий, мы не стали открывать ни один сосуд или контейнер. Дорога шла немного в гору, все время строго на север; от нее под математически правильными углами, чаще всего прямыми, отходили дороги поменьше. Незадолго до полудня мы увидели нечто сенсационное — странный четырехарочный мост, который был словно подвешен над бурным потоком шириной около сорока футов; он был сконструирован по какому-то неведомому инженерному принципу, по-

сколькx основания арок, казалось, нигде не касались воды.

Скарсдейл, Ван Дамм и Прескотт вступили в оживленную дискуссию, и прошло довольно много времени, прежде чем кто-либо из нас отважился взойти на мост, выглядевший очень хрупким. Как оказалось, он был сработан из какого-то незнакомого металла; что еще более странно, нигде не было ни следа гаек, болтов, заклепок или сварки, известных в современном мире. Скарсдейл хорошо подытожил наши впечатления, когда повернулся ко мне и сказал:

— Если бы я не знал, что это невозможно, я бы сказал, что вся эта конструкция была вырезана какой-то гигантской силой из единого куска металла.

Ван Дамм огляделся вокруг, его лицо побледнело в полумраке.

— Почему вы говорите, что это невозможно, профессор? — тихо спросил он. — Судя по тому, что мы уже видели, довольно неразумно использовать здесь это слово.

То был единственный раз, когда я видел Скарсдейла в растерянности. Он неловко кашлянул и переступил своими огромными ногами в сапогах для верховой езды.

— Возможно, вы правы, Ван Дамм, — мягко сказал он. — Не всегда получается судить должным образом, не имея всех необходимых данных. Вероятно, мне следовало бы уточнить свое замечание.

Ван Дамм промолчал и направился к гладко отполированному пролету моста, который блестящей, слегка изогнутой дугой тянулся к дальнему берегу. Он посмотрел вниз, на бурлящую, покрытую рябью и чуть светившуюся воду. Река текла в южном направлении, откуда мы пришли. Я рискнул предположить, что она, вероятно, впадала в известное нам озеро, и был рад узнать, что ученые уже пришли к такому же заключению.

На поверхности реки ничего не было видно; в глубине ее, судя по всему, отсутствовала какая-либо жизнь; в волнах ее не кружились никакие обломки — по крайней мере, в течение того часа, что мы провели в этом странном месте.

Наконец мы двинулись дальше и без происшествий добрались до дальнего берега. Я оглянулся на город, но он уже исчез в дымке. С каждым днем мы все глубже и глубже погружались в этот причудливый и ужасающий мир; с замиранием сердца я невольно думал о том, что в случае столкновения с чем-либо злонамеренным нам будет очень трудно, а то и невозможно, преодолеть долгие мили обратного пути.

Мы пообедали на другом берегу реки, где не было ни зданий, ни растительности, лишь суровые голые скалы и вездесущие песчинки. Тем временем Скарсдейл решил, что мы двинемся на север все вместе, но для этого к нам должен был присоединиться Холден. Я связался с ним по радио — мы все утро периодически поддерживали связь, — и Ван Дамм сказал, что вер-

нется за ним. Они погрузят пулемет и прочее тяжелое снаряжение на тележку и догонят нас во второй половине дня.

Ван Дамма не было несколько минут — собственно говоря, он едва исчез в дымке по ту сторону моста — когда внезапно раздался грохот пулемета, который самым ужасным образом отразился от стен и эхом разнесся по милям каверн. Слышны были отдельные и отчетливые очереди; приглушенный грохот выстрелов повторялся под сводом пещеры и создавал такой угрожающий эффект, что мы инстинктивно пригнулись, как будто сами находились под огнем.

Шум был настолько неожиданным и шокирующим, что никто из нас поначалу ничего не мог понять. Было ясно, что Холден во что-то или в кого-то стрелял, но этот подземный мир был таким сухим и безжизненным, что мы и вообразить не могли возможную цель.

Прескотт очутился рядом со мной и предложил подать сигнал, но Скарсдейл сразу же сказал, что это ни к чему, поскольку Холден может воспользоваться своей рацией. Мы ожидали, что Ван Дамм поспешит на помощь Холдену, и действительно, он почти тотчас связался с нами. Затем я попытался вызвать Холдена по радио, но без всякого успеха.

— Продолжайте пробовать, — чуть ли не свирепо бросил мне Скарсдейл. Сейчас бородатый профессор как нельзя больше походил на викинга; он озирался по сторонам, сжимая в руке взведенный револьвер. Я вспомнил судьбу карлика Залора и понял то, о чем никогда не забывал Скарсдейл — в этом подземном мире таилось много древних и злых существ, которые проявят себя только тогда, когда будут к этому готовы.

— Как вы думаете, на Холдена напали? — спросил профессора Прескотт. Скарсдейл нетерпеливо покачал головой.

— Мы узнаем в свое время, — твердо сказал он. — Не следовало разделять группу. Это моя вина. И Холдена, возможно, не стоило оставлять в одиночестве. Его нервы были расшатаны с тех пор, как мы нашли тело карлика.

Я удивленно посмотрел на него: Скарсдейл впервые напрямую упомянул об этом инциденте.

Никогда не забуду тот долгий час, когда мы сидели у парапета моста, глядя на стигийские воды и прислушиваясь к непрекращающемуся треску рации; мои собственные нервы были натянуты до предела, и я ежеминутно ожидал услышать еще одну сокрушительную серию пулеметных выстрелов. Но ничего не происходило, и мое напряжение в конце концов спало.

Затем, примерно в два часа дня, мы к нашему огромному облегчению услышали по радио голос Холдена. Он извинился за то, что невольно заставил нас терзаться неизвестностью. По его словам, он выстрелил во что-то, двигавшееся к нему между зданиями на краю площади. Затем он отправился на разведку, оставив рацию, и только что вернулся.

В этот момент подошедший Скарсдейл отобрал у меня микрофон. Я за-

был его точные слова, но резкий тон и укоризненные, хотя и вежливые, замечания произвели желаемое действие, и Холден впоследствии тщательно следовал строгим инструкциям профессора.

— Что ж, — сказал наконец Скарсдейл. — Похоже, что ничего страшного не произошло. Думаю, вы можете смело заключить, что все находящееся здесь является для нас чуждым. Мы не станем возвращаться, но я буду ждать вашего отчета, когда вы присоединитесь к нам с доктором.

Скарсдейл поручил Холдену свернуть лагерь; затем он и Ван Дамм смогут продолжить исследование местности по пути к нам. С этого момента рация должна была постоянно оставаться включенной. Через несколько минут слышался раздраженный голос Ван Дамма. В конце концов наши товарищи пересекли мост, толкая тяжело нагруженную тележку, и Холден лично поведал свою историю Скарсдейлу. Мы все столпились вокруг и слушали.

По словам Холдена, он сидел на площади и делал заметки, когда различил какую-то слабую тень, которая, казалось, мелькала между дальними зданиями в конце площади.

Явление было настолько необычным, что он провел несколько минут, уставившись в эту точку; сперва он подумал, что это обычная для города оптическая иллюзия, но вскоре понял, что между похожими на блоки строениями на краю площади действительно перемещалась и постепенно приближалась к нему «большая прыгающая тварь», как он ее описал. Неудивительно, что Холдену это не понравилось и он быстро лег за пулемет.

Прошло еще пятнадцать минут, и огромное сероватое существо замерло. У Холдена возникло неприятное впечатление, что его самого изучают. Он потянулся за биноклем. У него возникли трудности с фокусировкой, но как только объект приобрел достаточную четкость, вид его показался Холдену настолько зловещим, что ученый разволновался и не смог удержать бинокль. Через несколько секунд он выпустил очередь из пулемета, за которой последовали еще две; тварь тем временем скрылась вдали.

Затем Холден поступил храбро, в сложившихся обстоятельствах, но глупо, как мы теперь понимали — а именно, взял одно из крупнокалиберных ружей и отправился посмотреть, ранил ли он существо. Приятный грохот пулемета вернул ему мужество, и он надеялся выяснить, попал ли он в цель. На краю площади он нашел несколько сплюснутых пуль, но не обнаружил никаких следов существа, как и выбоин от пуль на зданиях, выстроенных из исключительно твердого камня.

Лишь после разговора с нами по радио и возвращения Ван Дамма кое-какие свидетельства все же обнаружились. Выходя из города, Холден и Ван Дамм сделали крюк и еще раз осмотрели место, где была замечена «прыгающая тварь».

— Там был слизистый след, ведущий от края площади, — мрачно сказал Ван Дамм. — Вонь стояла ужасная, и мы не стали идти по следу.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

1

Мы мало говорили между собой о случившемся. Как будто по молчаливому соглашению, все участники Большой Северной экспедиции занялись своей работой. Скарсдейл намеревался достичь крайней доступной нам северной отметки, что являлось, как он подчеркнул, главной целью всего проекта. Древний Кротх мы сможем осмотреть на обратном пути; Скарсдейл заверил нас, что планирует потратить месяц на составление карт, фотографирование и исследование каждого здания и артефакта.

Профессор также пообещал ввести систему двухнедельных «отпусков», при которой двое из нас будут одновременно возвращаться на свежий воздух для отдыха и защиты линий связи. Мне это показалось отличной идеей, поскольку лично я находил подземную жизнь, с ее никогда не меняющимся светом и тревожной тишиной, нарушаемой только слабым биением большого пульса вдалеке, гнетущей и леденящей душу.

Слова Скарсдейла подразумевали, что по возвращении с севера мы решим проблему странного существа, замеченного Холденом; похоже, профессору не приходило в голову, что таких существ может быть не одно и что они каким-то образом могут помешать нашему возвращению во внешний мир. Здесь я вынужден поправить себя и выразиться точнее: я уверен, что он взвешивал такую возможность, но по собственным резонам не желал вдаваться в какие-либо подробные объяснения. Я понимал, что Большая северная экспедиция должна была увенчать дело всей жизни Скарсдейла; естественно, он отметал все, что вставало между ним и его мечтой. Он был полон решимости достичь самых дальних северных пределов, где билось странное сердце, к которому мы так долго шли, и ради этого готов был игнорировать любые опасности и трудности, что показались бы обычному человеку непреодолимыми.

С другой стороны, стремясь к своей цели, профессор подвергал опасности других участников похода. Имел ли Скарсдейл, как глава экспедиции, право рисковать таким образом жизнью своих товарищей? Поразмыслив, я рассудил, что он был в своем праве: в конце концов, профессор сделал одно и то же предложение каждому из нас в своем большом кабинете в Суррее и безопасной прогулки никому не обещал. Мы все приняли одинаковое решение, подразумевавшее абсолютное доверие к Скарсдейлу как руководителю отряда, к его честности и его решениям в качестве главы экспедиции.

Я также вспоминал о перенесенных им в предыдущем путешествии трудностях и горьком разочаровании, когда он продвинулся так далеко, но вы-

нужден был вернуться — с большим риском для собственной жизни. Я задавал себе все эти вопросы, выдвигал доводы и контрдоводы, пока мы шли сквозь сумерки в тот день, и все время приходил к одному и тому же выводу. Если мы доверяли Скарсдейлу до сих пор — в моем случае, совершенно слепо — то были в конечном счете правы, продолжая доверять ему вплоть до грани того, что многие назвали бы в тех обстоятельствах безумием. И когда я остановился на этом выводе, на сердце у меня полегчало.

Мы не видели и не слышали ничего интересного на этом отрезке похода, за исключением того, что ветер теперь дул сильнее, временами переходя в довольно сильный бриз, а медленное ритмичное биение, похожее на удары сваебойной машины, звучало громче и более отчетливо. Мы с Ван Даммом вели тележку по довольно легкому участку, чуть поднимавшемуся в гору, что меня совсем не утомляло. В основном я шел сзади и толкал тележку, а Ван Дамм тащил ее за собой спереди и время от времени придерживал груз рукой.

Скарсдейл вышагивал впереди с обнаженным револьвером наготове; шествие замыкал Прескотт, также с заряженным и взведенным оружием. У обоих были включены фонари на касках — как на случай чрезвычайной ситуации, так и для усиления пещерного света, все еще тускло разливавшегося из какой-то невообразимой дали над нашими головами. Местность постепенно менялась; стены ровной долины, подобной той, что привела нас в Галерею мумий, мало-помалу смыкались, образуя большой туннель около сорока футов в поперечнике. В этом месте Скарсдейл решил остановиться на ночь: любому непрошеному гостю, вздумавшему напасть на нас здесь, пришлось бы пересечь большой участок открытого пространства.

Мы провели спокойную ночь, поочередно дежуря по два часа на посту часового; на этот раз мы не ставили палатки, а просто спали под открытым «небом». Ван Дамм нашел где-то в багаже масляную лампу и в ее успокаивающем золотистом свете сидел допоздна (мы все еще измеряли время земными днями и ночами), производя в записных книжках свои бесконечные алгебраические вычисления.

Одной из самых удивительных вещей в экспедиции, на мой взгляд, был тот факт, что руководители, судя по всему, знали о ее цели неизмеримо больше рядовых участников. И все же мы трое были вполне довольны тем, что следовали за ними, используя свои познания и навыки и не задаваясь серьезными вопросами, которые занимали сложные умы Скарсдейла и Ван Дамма. Я знал, что они, конечно, расскажут нам все, когда будут готовы, но это доказывало высокую степень доверия к ним со стороны таких высококвалифицированных специалистов, как Холден и Прескотт. Я провел час в подобных размышлениях после полуночного дежурства, и моим последним видением перед сном был Ван Дамм, протирающий свои очки в веселом свете лампы.

К шести утра мы позавтракали и упаковали вещи, а вскоре после этого отправились в путь. Ночью никто из часовых не видел ничего подозрительного; тем не менее, Скарсдейл велел Холдену и Прескотту, катившим тележку, установить пулемет на треногу и подготовить его к немедленному использованию. Профессор также приказал всем нам, в дополнение к имеющемуся оружию, носить с собой ракетницы. Речь шла не столько о сигнализации — в конце концов, для этого у нас была радиосвязь, — сколько об освещении объектов, которые нам понадобилось бы рассмотреть и исследовать.

Несколькими днями ранее мы уже пробовали стрелять из ракетниц в надежде оценить высоту и протяженность свода гигантской пещерной системы. Но ракеты, эффектно освещавшие облачные дали, оказались на удивление непригодными для этой цели. Выпущенные в «небо», они уходили вверх на сотни футов и после взрыва горели слабым свечением под слоями туманного пара, который скрывал от нас потолок пещеры и создавал иллюзию небосвода. Однако по мере приближения к земле их свет казался ослепительным в сравнении с тусклым освещением, ставшим для нас привычным. Для обнаружения наземных целей они были бы несравненно полезней. Я, конечно, ворчал про себя, будучи вынужден носить громоздкую и тяжелую ракетницу, но позднее осознал ее полезность, а однажды эта ракетница даже спасла мне жизнь.

Вскоре после того, как мы начали дневной переход, туннель сделался уже — теперь он был шириной около тридцати футов — а затем начал разделяться на ответвляющиеся туннели и коридоры. Когда мы впервые за все путешествие натолкнулись на развилку, Скарсдейл решил вопрос довольно просто. Он выбрал самый большой туннель, идущий на север, по которому дул теплый ветер. За главным туннелем, как назвал его Ван Дамм, стояла цель, и этим принципом мы руководствовались и в дальнейшем.

Тщательно продуманные Скарсдейлом меры предосторожности должны были облегчить нам поиск обратного пути из лабиринта, где мы сейчас пробирались. В дополнение к простым стрелкам на стенах и полу туннеля, нарисованным мелом и напоминавшим мне о детских играх, в особенно сложных и замысловатых местах пересечения туннелей с помощью присосок были закреплены маленькие металлические диски. Это были миниатюрные радиомаяки, разработанные Холденом и Прескоттом, и наши рации могли быть настроены на их частоту.

— Если только что-нибудь не поймет их предназначение и не удалит их, пока нас здесь не будет, — мрачно заметил Ван Дамм.

На меня произвел известное впечатление тот факт, что он сказал именно «что-нибудь», а не «кто-нибудь», но развивать эту мысль не стоило. Я вновь

задался вопросом, было ли странное существо, замеченное Холденом, ответственно за гибель карлика Залора, убитого таким уникальным и жутким способом. И, исходя из этого, имели ли подобные существа — я не верил, что в огромном подземном комплексе могло обитать лишь одно, и предполагал, что должны быть и другие — какое-то отношение к людям, которые в глубокой древности бальзамировали в сосудах странных насекомоподобных созданий.

В течение часа мы шли немного в гору, не видя и не слыша ничего необычного; пульсации теперь стали намного отчетливее и, казалось, вибрировала сама почва, по которой мы продвигались. Затем вокруг определенно начало светлеть, что представляло собой поистине фантастическую перемену. Полагаю, первым заметил это Ван Дамм, но он по обыкновению держал свои наблюдения при себе и почти полчаса мысленно проверял их. И действительно, процесс изменений был настолько неуловимым и тонким, что пол, стены и отдаленная перспектива коридора, по которому мы шли, запечатлевались на наших сетчатках незаметно, деталь за деталью; лишь спустя долгие минуты мы осознали, что наше окружение как бы «проявляло» само себя, словно фотобумага в проявочном растворе.

В быстро усиливающемся свете я увидел, что лицо Холдена превратилось в удивленную маску; да и все мы будто возрождались после нескольких месяцев в полумраке. На самом деле я полагал, что мы пробыли под землей около двух недель; но здесь день мог показаться месяцем из-за слабого свечения искусственного неба и меняющихся узоров вечно тлеющей дымки сумерек, заменявших в этом месте солнечный свет.

Скарсдейл и Ван Дамм обменялись торжествующими взглядами, и я понял, что этого-то они и ожидали с самого начала. Центральная идея всей экспедиции, вероятно, известная только им, наконец-то оживала на их глазах, и листы пыльных пергаментов, изрядно потрепанные машинописные страницы и заполненные невразумительными вычислениями записные книжки превращались в явь.

— Тронные таблицы не обманули, профессор, — пробормотал Ван Дамм, и на худое лицо ученого лег отсвет странных мечтаний. — Позвольте мне поздравить вас, сэр.

Он порывисто шагнул вперед и начал пожимать руку Скарсдейла.

Грузный профессор заморгал в усиливающемся свечении стен туннеля. Он явно был тронут. Я отошел в сторону, предоставив им наслаждаться моментом тихой победы. Остальные почувствовали, что вот-вот произойдет нечто важное, и, словно повинувшись общему настроению, также отошли на почтительное расстояние.

Ван Дамм и профессор простояли вместе следующие десять минут, сверяясь со своими блокнотами и таблицами с пометками, прежде чем соединиться к нам.

— Очень скоро мы все вам объясним, джентльмены, — решительно сказал Скарсдейл. — Должен сказать, вы все были терпеливы и чрезвычайно снисходительны. Я считаю — уверен, мой коллега это подтвердит — что мы приближаемся к нашей цели, к концу нашего эпического путешествия, которому, я убежден, суждено войти в историю эпохальных исследований первой половины двадцатого века. Я говорю это без самомнения или неоправданной помпезности и не ставлю это себе в заслугу. Я ничего бы не добился без неустанных усилий каждого из вас, и я хотел бы поблагодарить вас здесь и сейчас за все, что вы сделали и сделаете, прежде чем наша задача будет доведена до успешного завершения.

Для профессора это была длинная речь. Было видно, что он разволновался; на мгновение он сделал паузу, его лицо покраснелось, и свет, падающий на его сильные черты, отбросил тени на бороду. Сейчас он больше, чем когда-либо, походил на гравированное изображение какого-то древнего бога или, возможно, воина-викинга с дальнего Севера.

— Для меня это честь и удовольствие, мой дорогой Скарсдейл, — неловко сказал Ван Дамм от имени всех нас.

— Ну что ж, — сказал профессор, возвращаясь к своей прежней манере. — Двинемся дальше. Но сначала — предосторожность, основанная на здравом смысле.

Он подошел к тележке и стал с кряхтением рыться в багаже. Вскоре он извлек запечатанный пакет из холстины, вскрыл его и раздал нам всем содержимое. Я обнаружил, что сжимаю в руках пару снегозащитных очков с толстыми тонированными стеклами и тяжелыми эластичными ремешками.

— Да, любопытный предмет, — заметил профессор. — Вы, возможно, спрашивали себя, зачем мы их захватили. Вы вот-вот узнаете. Теорий у меня много, но я не могу предугадать, насколько усилится этот свет.

При этом среди собравшихся возникло заметное волнение, и Прескотт спросил:

— Вы хотите сказать, что мы приближаемся к выходу?

Скарсдейл покачал головой.

— Свет исходит из подземного источника, в происхождении которого я не уверен. Без защитных очков нашему зрению может грозить опасность. Я хочу, чтобы все надели их, когда я отдам приказ — и не снимали под страхом самых серьезных последствий.

Разумеется, все мы обещали повиноваться, затем спрятали очки в наиболее доступные карманы и возобновили наш поход.

Холден повернулся ко мне, когда мы пошли вместе, катя тележку. Теперь я мог видеть его лицо более отчетливо и был потрясен, заметив, что под его глазами залегли темные тени, а губы пугающе побелели. Он казался лишь тенью человека, который с таким энтузиазмом отправился с нами в путь из дома профессора в Суррее. Сейчас, когда я вспоминал тот беспокойный

период, мне казалось, что все это происходило не только давным-давно, но и на другой планете — настолько чуждым и невероятным было наше нынешнее окружение. Большинство из нас потеряли всякое чувство времени, и мы могли бы поклясться, что провели здесь много недель, а не считанные и детально документированные в экспедиционных дневниках дни. Даже наше пребывание в Кротхе вспоминалось как нечто бесконечно далекое.

Я наклонился к Холдену, когда тот что-то пробормотал; в медленно разгорающемся свете его изможденные черты казались выгравированными на стали. Он говорил неуверенно, запинаясь, и мне пришлось просить его повторить.

В конце концов я разобрал отрывистые слова:

— Я — больше — не могу...

Я пристально посмотрел на него. Теперь я видел, что Холден слегка дрожал, словно в приступе лихорадки. Меня поразила произошедшая с ним перемена: за последние несколько дней его состояние заметно ухудшилось, что трудно было заметить в прежнем тусклом свете.

Я резко остановился, когда ноги моего спутника подкосились; тележка вильнула и с пронзительным скрежетом ударилась о стену туннеля. Колени Холдена подогнулись. Слабой, неуверенной рукой он попытался опереться о металлическую стойку тележки, потерпел неудачу и без чувств рухнул на землю.

Услышав мой крик, Скарсдейл и остальные подбежали ко мне. Я уже перевернул Холдена, но профессор локтем оттолкнул меня в сторону, пробормотав извинения. Я занялся тем, что откатил тележку, чтобы Скарсдейл и Ван Дамм могли как следует осмотреть нашего спутника. Больше я ничего не мог сделать. Мы с Прескоттом стояли в отдалении, пока двое ученых возились со скорчившимся на полу туннеля телом. Одна нога лежавшего застыла под гротескным углом.

Ван Дамм вскоре выпрямился, подошел к тележке и покопался в аптечке.

— Могу ли я чем-нибудь помочь? — спросил я.

Доктор покачал головой. Он выглядел озадаченным.

— Он потерял сознание, но дело не только в этом, — сказал он. — То есть не только в нервах.

Ван Дамм помолчал, как будто сказал слишком много.

— Я знаю, что он испытал сильный шок, когда мы нашли тело карлика, — сказал я. — Здесь нет никакого секрета.

Мои слова, должно быть, показались доктору немного резкими, потому что он бросил на меня острый, пронизательный взгляд.

— Я имею в виду не только это, мой дорогой Плоурайт, — сказал он. — Холден был одним из самых крепких людей в нашем отряде. Не будь всего остального, я бы сказал, что он страдает какой-то формой злокачественной

анемии. Он в коматозном состоянии. Видимо, он потерял сознание от чисто физического истощения. Да, его нервы были на пределе, но не в этом причина его состояния.

Он отказался отвечать на дальнейшие расспросы и вернулся к Скарсдейлу, прихватив с собой бутылку бренди. Мы с Прескоттом стояли в усиливающемся свете, льющемся из длинного туннеля перед нами, и ждали вердикта.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

1

В конце концов было решено, что с Холденом останется Ван Дамм, в то время как мы с Прескоттом, ведомые профессором, направимся к манящему нас свету впереди. Предлагая остаться, Ван Дамм проявил известное самопожертвование, и в тот момент я чуть ли не восхищался им. Несмотря на язвительные споры, Скарсдейл и Ван Дамм были близки и вместе разработали успешный план Большой северной экспедиции. Разгорающийся в этом подземном проходе свет мог обещать невероятные открытия — и теперь Ван Дамм готов был лишиться себя доли общей славы.

Движимый этими и другими соображениями, я сам вызвался остаться с Холденом, который тем временем пришел в сознание и мог говорить. Но мое предложение было немедленно отвергнуто: помимо того, что Ван Дамм был заместителем руководителя экспедиции, он также обладал специальными медицинскими знаниями. Что мог бы я сделать, возникни какая-то чрезвычайная ситуация, выходящая за рамки моих собственных скудных навыков первой помощи? Нет, сказал Скарсдейл, так не пойдет; кроме того, добавил профессор вполголоса, когда мы на мгновение остались одни, поодаль от остальных, ему могли понадобиться моя ловкость и сила.

Прескотт был опытен в обращении с огнестрельным оружием и тоже мог понадобиться, так что все было решено. Вскоре мы тронулись в путь. Впереди шел профессор с револьвером в руке, за ним следовали мы с Прескоттом, толкая тележку. В дополнение к ручному пулемету, стоящему на треноге, Скарсдейл также разложил в пределах легкой досягаемости несколько ручных гранат. Я наблюдал за этими мрачными приготовлениями с растущим беспокойством. Я не знал, что профессор ожидал найти, но если мы нуждались в подобной защите, это было, очевидно, нечто огромное и враждебное человеческой жизни.

Всего в нескольких сотнях ярдов от места, где мы оставили двух наших спутников, свет заметно усилился; изменилась не только его интенсивность, но и свойства. Он мерцал и пульсировал довольно неприятно для глаз; казалось, он вспыхивал в такт вибрирующему пульсу, который бился впереди со все возрастающей силой.

Теперь мы, благодаря этому освещению, вполне ясно видели наш путь. Влево и вправо по-прежнему уходили разветвляющиеся туннели, но не было никаких сомнений в том, что тот, по которому мы шли, был единственно нужным. Несмотря на небольшие изгибы в обе стороны, он вел точно на север и несомненно являлся источником как света, так и пульсирующего

биения, напоминавшего приглушенный и отдаленный бой большого барабана. Собственно говоря, я по предложению Скарсдейла попробовал исследовать одно из ответвлений справа и обнаружил, что через несколько ярдов пропал и свет, и вибрирующий ритм пульсации.

Прескотт обратил мое внимание на еще несколько любопытных иероглифов, вырезанных в разных местах на стене туннеля, по которому мы шли. Я подумал, что они, возможно, обозначали расстояние, но профессор не согласился. Он несколько минут озадаченно разглядывал их, а затем резко заявил, что это математические формулы, чья суть в данный момент остается ему непонятна. Я бросил на него долгий испытующий взгляд, и по тому, как он опустил веки, я почувствовал, что он говорит неправду.

Знаки, как мне показалось, ничем не отличались от других надписей на древнем языке, и я не заметил среди них математических символов, которые выстраивались бы в формулы. Однако я догадался, что у профессора были свои причины не переводить надписи; возможно, они имели зловещий смысл и он не хотел нас тревожить.

Тем не менее, я убедил его и Прескотта попозировать для нескольких снимков у одной из надписей, а затем передал камеру Прескотту, и тот сфотографировал меня с профессором. Этот снимок оказался единственной уцелевшей экспедиционной фотографией, на которой был изображен я сам.

К этому времени мы практически не нуждались в искусственном освещении; поле зрения составляло примерно четверть мили. Именно этот момент — за что я благодарен Богу — сыграл важную роль в спасении наших жизней.

Внезапный крик Прескотта напряг мои нервы. Он стоял рядом, указывая на стену.

— Вот, вот, смотрите! Следы слизи!

Миг спустя я понял, что он имел в виду, а затем тепло усиливающегося ветра донесло до нас ужасное зловоние. На стене туннеля, ведущего к неизвестным боковым ответвлениям, видны были большие пятна слизи.

Скарсдейл кивнул, когда я догнал его. Очевидно, он уже заметил их.

— Как я понимаю, Ван Дамм видел такие же следы на площади в городе, — сказал я. — Почему они не попадались нам раньше?

— Потому что раньше они не хотели, чтобы мы их видели, — мрачно ответил профессор. — Они стерли следы. Теперь это не имеет значения.

К счастью, у меня не было времени раздумывать над этим, ибо мы, словно повинувшись инстинкту, ускорили шаг и поспешили дальше в постоянно усиливающемся белом свете, продолжавшем мерцать где-то впереди. Я плотно прижал к ноздрям носовой платок. Мгновение спустя мы, оскальзываясь, пересекли слизистые следы; они были ужасными, толщиной более дюйма. Я бросил взгляд на Прескотта — на его лице отразились те же чувства ненависти и отвращения, что испытывал и я.

Следы остались позади, и под ногами вновь потянулся сухой пол. Большой центральный туннель теперь слегка поднимался и изгибался вправо; ветер дул довольно сильно и продолжал оставаться теплым, но в нем начал чувствоваться сырой и гнилостный привкус покойницкой. Биение пульса достигло крещендо и неприятным эхом отдавалось в ушах. Яркость света все повышалась, мы чувствовали резь в глазах и, не дожидаясь указаний Скарсдейла, надели защитные очки.

Профессор связался по рации с Ван Даммом, и я успокоился, услышав размеренный голос доктора. Сообщить ему было нечего. Холден, похоже, набирался сил и через час или два, вероятно, сможет передвигаться. Скарсдейл завершил сеанс связи и сказал, что с этого момента рация будет оставаться включенной. Мы с Прескоттом обнаружили, что толкать тележку стало немного труднее из-за крутизны склона, и Скарсдейл подставил свое могучее плечо, что значительно помогло. И, мы, пошатываясь, двинулись вперед по крутому склону туда, где ослепительный свет смешивался с биением неведомого пульса.

2

Мои барабанные перепонки едва не лопались, а зрение затуманилось от пульсирующего света, когда мы поднялись на вершину склона. Мы бросили тележку и, шатаясь, как пьяные, побрели туда, где под барабанный бой открывалось и закрывалось нечто вроде гигантских врат. Даже в защитных очках яркость света была настолько сильной, что мне пришлось почти зажмуриться.

Я рухнул на пол пещеры и вместе со Скарсдейлом и Прескоттом заставил себя взглянуть сквозь щелочки полузакрытых век в это ошеломляющее видение.

Свет был таким белым и раскаленным, что, казалось, исходил из какой-то сферы за пределами звезд; в то же время, он мерцал в такт пульсации, буквально разрывая мозг. Я повернулся к Скарсдейлу. В белом жаре, заливавшем все вокруг, его лицо походило на яркую гравюру. Кроме каменного пола, уходившего вдаль, в мире не осталось ничего — лишь белый, корчащийся источник света, который вполне мог вести в вечность.

— Великая Белая Бездна! — произнес Скарсдейл, его рука сжала мою руку, лицо светилось знанием. Его мысли зримо проступали на бледном огне, заливавшем его лицо. Он закричал, перекрывая ревуций гул, смешивавшийся с биением пульса, как в гигантской печи:

— Дверь во Вселенную. Дверь, через которую проходят и возвращаются Великие Древние.

Я не претендовал на понимание того, что он говорил, и просто предположил, что он, естественно, был поражен масштабностью и неожиданностью зрелища. Я услышал, как Прескотт вскрикнул, и, обернувшись, увидел, что на его лице застыло выражение отвращения и ужаса. Скарсдейл только что вызвал по рации Ван Дамма, но остановился на полуслове.

В туннеле начал ощущаться отвратительный запах гниения. Зловоние исходило откуда-то оттуда, из-за завесы ослепительного света, сиявшего перед нами миллионом солнц.

Затем я увидел то, что уже заметил Прескотт, и чуть не потерял рассудок. Как мне объяснить или описать оживший ужас, пробившийся к нам из белого сияния? Его колоссальный рост объяснял гигантские порталы, через которые мы сами прошли по пути в это обиталище мерзости. Тварь издавала влажные хлюпающие звуки, продвигаясь скачущими рывками, и вместе с шумом от нее исходила тошнотворная вонь, доносимая до наших ноздрей теплым едким ветром, словно долетавшим из необъятности первобытного космоса.

Сама яркость света, окружавшего существо раскаленным добела сиянием, к счастью, не позволяла рассмотреть его подробно. Голова твари, казалось, менявшая форму вместе с ее прыжками, напоминала голову огромной улитки или слизня, в то время как в середине торчали смутно видимые клешни, похожие на оружие лобстера. В целом тварь казалась однобратственной — в том смысле, что тело ее состояло из толстых волокон, свивавшихся в пучки, с которых свисали клешневидные элементы.

Хуже того, за ней появились другие подобные формы, напоминая армию полуслепых существ, хлынувших из светящегося воздуха, как подводные обитатели из морских глубин. Но самым пугающим во всем этом был издаваемый ими шум: от бычьего мычания на басовом конце шкалы до высокого и пронзительного кошачьего мяуканья на другом. Может ли кто-нибудь винить нас в том, что все мы — включая, мне не стыдно сказать, даже великого профессора Кларка Эштона Скарсдейла — охваченные каким-то первобытным страхом, вцепились в тележку, быстро попятились и бросились бежать, спасая свои жизни?

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

1

Мое дыхание с шипением и сипением вырывалось из горла, пока мы вслепую неслись по туннелю. В какой-то момент Прескотт споткнулся, и тележка, вырвавшись из его рук, врезалась в боковую стену. Раздался грохот, и тележка накренилась, снова ударилась о стену и с треском перевернулась. Я услышал крик, но просто перепрыгнул через ленту криво торчавшего на треноге пулемета и помчался дальше. Несколько минут спустя Скарсдейл, Прескотт и я достигли места, где снова начали сгущаться сумерки. С пристыженными лицами, тяжело дыша, мы прислонились к стене туннеля и стали оценивать положение.

Мы понимали, что было не до взаимных упреков, да и вопрос был слишком важным для таких пустяков. Первым делом Скарсдейл связался с Ван Даммом и рассказал ему о том, что мы видели, конечно, в более сдержанных выражениях. Когда он закончил разговор, у меня впервые появилась возможность расспросить его.

— Вы хотите сказать, профессор, — осторожно начал я, — что эти существа пришли из космоса? Что, хотя мы несомненно находимся на глубине многих миль под поверхностью земли, здесь имеется своего рода дверь, ведущая на другие планеты? Возможно ли такое с точки зрения физики?

— Как видите, — мрачно сказал Скарсдейл. — Сейчас не время вдаваться в теорию. Но это то, во что я не переставал верить и что ожидал найти. Великие Древние проходят и возвращаются из своих странствий за пределами звезд — с какой целью и каким способом, мы не знаем. Человек лишь начинает познавать подобные вещи. Задачу экспедиции я видел двоякой: во-первых, по возможности установить контакт и наладить дружеские связи. Во-вторых, если это окажется невозможным, предупредить мир о присутствии Древних здесь, под землей.

— Полагаю, что эти врата описаны в «Этике Югора» и других ваших документах? — спросил я.

— Вот именно, — все так же мрачно ответил профессор. Теперь его дыхание стало более ровным, а глаза горели в тусклом свете туннеля.

— Огни, о которых я говорил, предвещали новое нашествие. Сейчас мы должны выбраться отсюда, но прежде — заручиться свидетельствами касательно этих существ в качестве предупреждения внешнему миру. А это означает фотографии.

— Вы, конечно, не собираетесь возвращаться? — спросил Прескотт изменившимся голосом, и его челюсть отвисла.

— Мы обязаны, если хотим выжить, — резко сказал профессор. — Нужно добраться до тележки, где осталось все наше тяжелое вооружение. Если придется пробиваться с боем, нам без него не обойтись. Вы забываете о Залоре. Они покончили с ним и уничтожили все следы своего присутствия, позволив нам проникнуть так далеко. Не забывайте и о боковых туннелях. Дорога назад может кишеть существами. И я еще не закончил их изучать!

Прескотт глянул на Скарсдейла с чем-то похожим на благоговейный трепет и восхищение. Огромный профессор уже размахивал револьвером.

— Всего двести ярдов, джентльмены, — сказал он ободряюще. — Не так далеко ради блага человечества!

Мы вслепую побежали обратно по туннелю в усиливающийся свет, надеясь вопреки всему, что гулкий топот наших ног не привлечет еще больше этих чудовищных теней. Тщетная надежда! Мы со Скарсдейлом первыми добрались до тележки и поставили ее вертикально. Прескотт установил на полу туннеля пулеметную треногу.

Издалека, где в подземном свете мерцали смутные очертания, по коридору донеслось сердитое завывание. Прескотт вскрикнул, а затем с внезапностью, от которой замерло сердце, раздался грохот пулемета. Пули свистели и рикошетили от стен, высекая искры во мраке, едкий дым окутал всю нашу группу. Мы с профессором потащили тележку назад, отбежали и заняли позиции позади и по обе стороны от нашего товарища. Я успел сделать всего три снимка, прежде чем существа набросились на нас.

В тусклом свете мелькали огромные неуклюжие фигуры. Я вслепую нащупал рукоятку ракетницы и выстрелил; зловещая вспышка ракеты озарила сцену готического ужаса. Колоссальные формы, явившиеся из глубин какой-то космической пропасти, волнообразно подергивались и надвигались на нас с мяукающим шипением, их когтистые щупальца лениво шевелились. Пулемет заговорил снова. Мой револьвер нагрелся, пока я машинально нажимал на спусковой крючок, опустошая барабан.

— Не годится, — крикнул Прескотт мне в ухо. — Пули, похоже, не производят на них никакого впечатления.

Действительно, я сам заметил, что дыры, проделанные в желеобразной субстанции тварей, казалось, тотчас закрывались — так вода заполняет след в болоте.

У Скарсдейла, как всегда, была идея получше. Он схватил связку гранат и прицельно швырнул их, одну за другой, в стадо мычащих, мечущихся существ. Мы съежились на земле, воздух завибрировал от взрывов, за глухими разрывами последовал дождь смертоносных осколков. Раздались пронзительные мяукающие крики, оборвавшиеся в ярком пламени. Мы не стали смотреть, какой ущерб нанесли врагу.

— Хватайте тележку! — крикнул Скарсдейл. — Мы не должны потерять снаряжение!

Его пистолет снова вспыхнул, когда мы начали отступать. Мы натыкались друг на друга в состоянии, близком к панике. Я споткнулся и упал, почувствовав, как ботинки Прескотта прошли по моему телу. Затем мне удалось вскочить, и я скользнул назад по коридору, наполненному едким дымом и вонью пороха. Помню, что мы со Скарсдейлом тянули и толкали скобоченную тележку; наконец она выровнялась, и мы покатали ее по туннелю в быстро меркнувший свет.

И тогда мы услышали вопль Прескотта. Его высокий, отчаянный визг звал нас на помощь. Я обернулся и увидел, что он задержался, пытаясь унести пулемет на руках. Одно из огромных склизких существ обвило щупальцем его ногу; какая-то черная жидкость, похожая на чернила кальмара, на моих глазах обволокла Прескотта. Его крик резко оборвался и затерялся в мяукающем шипении существа. Прескотт был теперь высоко в воздухе, и я опустил бесполезный револьвер; я не решаюсь использовать это слово, но у меня сложилось впечатление, что вязкая студнеобразная тварь, крепко державшая нашего спутника, всосала его внутрь себя.

Этот миг окончательно сломил нас со Скарсдейлом, и мы, с отчаянием доведенных до предела людей, принялись толкать, волочить и тащить тележку вниз по склону, прочь от этой адской сцены, под гостеприимный покров здорового и милосердного полумрака.

2

Мы сидели в тусклом свете у стены туннеля и мрачно обдумывали наше положение. Мы находились теперь более чем в миле от места столкновения и немного пришли в себя. После нашего стремительного бегства, обнаружив, что нас никто больше не преследует, мы со Скарсдейлом поволокли тележку, как пьяные, все время на юг, в сторону желанной темноты. Свет давно померк, превратившись в привычный тусклый полумрак, к которому вновь быстро приспособились наши глаза.

Ситуация была серьезной: если, как уже предположил Скарсдейл, у наших противников или врагов, как бы мы их ни называли, имелись какие-то средства отрезать нас, используя боковые туннели, с нами будет покончено. Мы не сомневались, что бедняга Прескотт мертв, и такая же участь ожидала всех нас. Хотя эти и другие мрачные мысли то и дело проносились в моем кипящем мозгу, мне, как ни странно, лучше удавалось держать свои нервы в узде, чем тогда, когда я ничего не знал о грозящих нам опасностях. Но так часто бывает, и я заметил это во время экспедиции в пустыню Аризона, о которой ранее упоминал.

Скарсдейл снова и снова упрекал себя за то, что попался в ловушку. Он

считал себя ответственным за смерть Прескотта, и, конечно, так оно и было. Но никто не смог бы сделать ничего лучшего в сложившихся обстоятельствах, и если бы наш покойный коллега не поскользнулся, спасая пулемет, решительные действия Скарсдейла и его героическое поведение в момент кризиса, несомненно, позволили бы нам всем выйти сухими из воды. Я сказал ему об этом, но за последний час он ушел в себя и говорил очень мало, лишь бормотал случайные слова, заполняя свою записную книжку, что не переставал делать в самые трудные минуты.

Это само по себе беспокоило меня, и я поддерживал радиосвязь с Ван Даммом — больше для того, чтобы чем-то занять себя, чем с какой-либо реальной мыслью о сохранении нашей обычной рутины. Я, разумеется, поделился с доктором несколько более сдержанной оценкой нашей ситуации. Понятно, что после наших предупреждений Ван Дамм был начеку; что касается Холдена, то его состояние оставалось примерно таким же, как раньше.

Тележка начала казаться нам со Скарсдейлом чем-то вроде обузы. Я думаю, ось ее погнулась, когда тележка ударилась о стену туннеля. Возможно, поломка произошла во время нашего бегства. Так или иначе, теперь мы оба видели в ней проблему, так как груз был тяжелым и без пулемета, и не раз подумывали о том, чтобы бросить часть снаряжения. Как показали дальнейшие события, нам повезло, что мы этого не сделали.

Скарсдейл пошевелился рядом со мной, и в его глазах засветилась искра прежней энергии. Вставая, он неуклюже похлопал меня по колену.

— Простите мою молчаливость, Плоурайт, — сказал он. — Мне нужно было о многом подумать.

— То была не ваша вина, — сказал я, наверное, в десятый раз. — Мы совершили ошеломляющие открытия, и этого, подкрепленного моими фотографиями, должно быть достаточно...

К этому времени я уже поднялся на ноги. Он прервал поток моей речи, яростно покачав головой.

— Нет, нет, — сказал он. — Вы не понимаете. Я вижу, что все это слишком фантастично. В такое невозможно поверить. Какие реальные доказательства мы могли бы предъявить людям? Быть может, теперь и вы поймете, почему я никогда не вдавался в подробности того, что в действительности ожидал найти.

Мы оба навалились плечами на тележку и стали толкать ее перед собой. Наше продвижение было медленным, так как нам также приходилось следить за своим тылом. Мой слух обрел теперь сверхчувствительность, и даже треск рации, связывавшей нас с Ван Даммом, я воспринимал как грубую помеху.

Я ответил Скарсдейлу какой-то банальностью. Но как я мог ответить ему? Конечно, он был прав; что мы могли сказать? Допустим, мы сумеем извещать внешний мир о наших открытиях. Даже в этом случае половина пред-

положений Скарсдейла останется недоказанной. Математики, без сомнения, нашли бы способ увязать внутреннюю часть земли с внешними просторами космоса, но я живо представлял себе реакцию средних научных умов, глубоко укоренившихся в библиотеках или лабораториях полудюжины европейских стран. Не то что бы я винил их. Я сам оказался бы в авангарде скептиков, будь я на их месте.

Возможно, скептический взгляд как раз и является правильным, и мы стали жертвами какой-то странной пространственной иллюзии? Самогипноз? Видит Бог, эти темные пещеры любого могли свести с ума. Или, быть может, Великая Белая Бездна, как называл ее Скарсдейл, была достаточно реальна, но представляла собой всего лишь трехмерную полость внутри земной коры, обладавшую такой ослепительной яркостью, что нам казалось, будто она ведет за пределы звезд? Присутствие склизких существ потребовало бы некоторого объяснения, но не исключалось, что они были какой-то подземной формой земных созданий, какой бы омерзительной и зловещей она ни казалась нашим глазам и чувствам.

Мой мозг был занят этими и другими малозначащими мыслями, пока мы, пошатываясь, брели по бесконечному коридору обратно к нашим товарищам. Мы были уже недалеко от них, когда услышали вопль.

Как я могу описать его по прошествии столь долгого времени? Я не решаюсь использовать эти слова, но в вопле звучало нечто ужасающее, словно у кричавшего вырывали из тела душу. Дрожащее эхо этого отвратительного вторжения в тишину еще не успело затихнуть в коридорах, как крик за криком стали сопровождать его. Мои ноги подкосились, и я несомненно упал бы, если бы Скарсдейл не подхватил меня под локоть своей сильной рукой. Я пробормотал какие-то извинения, пытаюсь скрыть дрожь в руках и ногах. Я надеялся, что Скарсдейл не разочаровался в моих качествах человека действия; он ожидал от меня многого, но обстоятельства, с которыми мы здесь столкнулись, были настолько странными, а события настолько выходили за рамки обычного опыта, что я, боюсь, являл собой жалкое зрелище. Но он, казалось, ничего не заметил, просто ускорил шаг, перейдя на трусцу, и мы продолжали вдвоем катить тележку по бесконечным туннелям.

Крики стихли и не повторялись, слышался только низкий треск атмосферных помех, когда я снова и снова вызывал Ван Дамма по радио. Затем я услышал слабые звуки револьверных выстрелов; Скарсдейл тоже их услышал и кашлянул, прочищая горло.

— Это звучало как голос Холдена, — мрачно сказал он. — Я имею в виду крик. Твари, по-видимому, обошли нас стороной через боковые туннели. Я надеюсь, что Ван Дамм сумел постоять за себя. Холден определенно был не в состоянии помочь.

— Мы будем там через несколько минут, — сказал я. — Как вы думаете, не следует ли нам бросить тележку и поспешить к ним?

— Боже, нет, — сказал Скарсдейл с такой убежденностью, какой я никогда раньше не слышал в его голосе. — Это было бы фатальным. Помните: что бы ни случилось, необходимо оставаться у тележки. В ней наши гранаты и другое тяжелое вооружение. Они — наша единственная надежда, если твари здесь появятся.

К этому времени мы уже несколько замедлили шаг, поскольку на такой скорости начинал сказываться вес тележки. Мы шли в ногу, не говоря ни слова. Мой разум наполнился безымянным страхом, когда свет в туннеле постепенно начал терять свою силу. Тогда мы поняли, что, должно быть, приближаемся к месту, где оставили двух наших спутников. Рация все еще издавала шипящие помехи, и на вызовы, которые я продолжал делать каждые пять минут или около того, никто не отвечал. Мы со Скарсдейлом инстинктивно включили фонари на касках и в их уютном желтом сиянии завершили последний этап нашего путешествия.

Я начал теперь испытывать глубокое отвращение к темным туннелям и пытался сохранить спокойствие при мысли о долгих милях коридоров, по которым нам предстоит идти много дней, если мы хотим когда-нибудь выбраться к свежему воздуху и здравому смыслу. Казалось, нам потребовались месяцы, чтобы проникнуть так далеко, и пока мы не сможем воссоединиться с вездеходами, у нас будет мало шансов против наших неуклюжих противников. Я вознес хвалу небесам за то, что мы впервые встретились с ними в ярком свете Бездны: думаю, я неизбежно сошел бы с ума, если бы они напали на нас в чернильной тьме внешних гор или в царивших сейчас вокруг сумерках.

Возможно, они и добрались до Ван Дамма и Холдена окольным путем, но я ни в коем случае не был уверен в том, что это так. Существа, по-видимому, появлялись в подземном комплексе из Великой Белой Бездны и не забредали далеко, если только не владели поразительным искусством маскировки — иначе мы давным-давно обнаружили бы следы их присутствия в городе Кротх или в длинном туннеле, соединявшем нас с внешним миром.

Не исключено, как предположил Скарсдейл, что они вполне способны обойти нас. Но в равной степени Холден, с его напряженными нервами, а теперь и с подорванным физическим здоровьем, мог закричать во время медицинской процедуры. Это не объясняло продолжающегося молчания Ван Дамма, но был небольшой шанс, что он мог заметить что-то необычное и отправиться на разведку. Такими рассуждениями я успокаивал себя, пока мы, тяжело дыша, спускались по последнему отрезку туннеля, отделявшему нас от наших спутников.

То, что эти рассуждения не были логичными или последовательными, не имело значения. Я сам частично обезумел от ужаса, пусть и на время; внезапной и чудовищной смерти Прескотта было для этого достаточно — и моей реакцией были лихорадочные попытки внутреннего «я» найти ра-

циональное — даже обычное — объяснение всему, что произошло, каким бы необычным это ни казалось стороннему наблюдателю. Я как раз дошел до этой стадии в своих бессвязных размышлениях, когда Скарсдейл что-то проворчал и потянул меня за руку. Мы оба, как по команде, остановили тележку и автоматически шагнули вперед. Мы достигли того места, где оставили наших спутников. Теперь, когда грохот колес тележки стих, в туннелях, простиравшихся вокруг нас, воцарилась неестественная тишина — только потрескивала рация.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

1

Опять же, я должен быть предельно точен в словах, которые сейчас выбираю, чтобы изложить публике ужасные факты касательно гибели Большой северной экспедиции. Мы были, как я уже сказал, почти на том же месте, где оставили Ван Дамма и Холдена. Первым, что мы заметили в мерцании фонарей на наших касках, был блеск нескольких небольших предметов, лежащих на твердом полу туннеля. Разумеется, к этому времени мы со Скарсдейлом вытащили револьверы, и, поскольку я находился дальше от стены туннеля, я подошел к тележке и наклонился, чтобы осмотреть нашу находку.

Я подобрал несколько пустых гильз и молча передал их Скарсдейлу.

— Это были выстрелы, которые мы слышали, — хмуро сказал Скарсдейл, пряча стреляные гильзы в карман. — Значит, у него было время перезарядить револьвер.

Толкая тележку, мы преодолели оставшиеся несколько ярдов; в этом месте от главного туннеля отходило несколько коридоров, и мы внимательно посматривали на них. Я первым ощутил тошнотворное зловоние, которое становилось все сильнее по мере того, как мы продвигались вперед. Мне было трудно держать себя в руках, и, не будь рядом Скарсдейла, я вполне мог бы пуститься в бегство.

Он, без каких-либо внешних проявлений эмоций, жестом велел мне остановить тележку и своим бычьим голосом бросил в туннель эхо призывного крика. Пока блуждающие отзвуки затихали в милях пещер, мы тщетно ждали ответа от Холдена или Ван Дамма. Скарсдейл позвал их еще несколько раз, и откуда-то издалека донесся негромкий шаркающий звук. Я крепче сжал рукоятку револьвера. Толкая и волоча искалеченную тележку, мы прошли последние сто футов.

Уходя, мы оставили нашим товарищам кое-какие припасы, а также носилки, на которых лежал укрытый одеялами Холден. Теперь мы увидели на полу туннеля скомканные одеяла, а затем и сами носилки, перевернутые вверх дном. От них тянулся след слизеподобных выделений, которые мы уже видели в туннеле, а Ван Дамм в древнем городе Кротх. Я почувствовал, как мое горло сжалось от страха, но не успел я что-либо сказать, как мы со Скарсдейлом почти одновременно увидели Холдена.

К моему огромному облегчению, с ним, похоже, все было в порядке. Он, по-видимому, потерял сознание — возможно, от шока из-за внезапной драмы, заставившей Ван Дамма выстрелить. Он полусидел на одном из малень-

ких ящичков, которые мы сложили у стены туннеля, его плечо опиралось о стену, а голова опустилась на грудь, как будто он слишком устал, чтобы держать ее ровно. Отпустив тележку, я кинулся вперед и положил руку на плечо моего друга, надеясь привести его в чувство. Скарсдейл что-то крикнул, но его предупреждение прозвучало слишком поздно. Хотя это случилось много лет назад, тот миг леденящего ужаса навсегда запечатлелся в моей памяти.

Ибо фигура Холдена, тонкая, как пергамент, и невещественная, как пустая оболочка, из которой что-то, словно пиявка кровь, высосало все живое, с резким бумажным шелестом отделилась от стены. Она скорчилась у меня в руке, и искаженное ужасом лицо Холдена, с идеально сохранившимися чертами вплоть до волос, глаз и кожи, начало изгибаться и распадаться в колеблющемся желтом свете моего фонаря, в то время как из его приоткрытых губ все время вырывался высокий, пронзительный крик, похожий на шипение вырывающегося воздуха.

И отвратительно и безжалостно выпотрошенная оболочка, некогда бывшая Холденом, скрутилась и развалилась, как омерзительный, надутый воздухом мешок из ткани, которым она и являлась, и похожее на пустую торбу нечто, наконец, превратилось в серый, сморщенный кожистый кошель размером не больше моего кулака, который, несомненно, разнес бы по туннелю любой порыв ветра. Кроме клочка волос, сморщенной кожи и одежды, от нашего друга остались лишь десять ногтей пальцев ног и десять — пальцев рук.

Я впал тогда в визжащее, бормочущее безумие и только полчаса спустя пришел в себя от пощечин Скарсдейла. Я обнаружил, что стою, прислонившись к стене туннеля, а надо мной возвышается бородатая фигура профессора. Он вливал мне в горло неразбавленный бренди, и пока я кашлял и на коленях извергал проглоченное, возвращаясь в сознание, я увидел, как он сделал большой глоток из бутылки. В остальном он казался таким же сильным и невозмутимым, как всегда, когда заботливо помог мне встать. Я обнаружил, что снова держу в руке револьвер, в то время как Скарсдейл повторял мне на ухо, как утопающему:

— Все в порядке, мой дорогой друг. Все в порядке.

Он повторял эти слова медленно и четко, как будто мне требовалось некоторое время, чтобы осознать их смысл — что было правдой — и как будто простого повторения могло быть достаточно, чтобы рассеять черный кошмар ужаса, в котором мы сейчас оказались.

Ибо дальше я слышал худшее, и только через час, когда я успокоился и слова Скарсдейла начали приобретать больший смысл, я понял, что мы вновь должны вернуться. Пойти назад в эти туннели мерзости, в область Великой Белой Бездны, где скрывались бестелесные склизкие существа, чьи блеющие крики навевали на нас такой ужас. Но когда мои нервы пришли

в порядок и я почувствовал прилив сил, я понял, что Скарсдейл был прав. Ван Дамм был жив — во всяком случае, еще недавно — и, несомненно, нуждался в нашей помощи.

Меня снова вырвало, когда я подумал, что он, возможно, страдает, пока мы впустую тратим время, и это само по себе подкрепило мою решимость. С помощью бренди я снова обрел силу и верю, что в те последние часы я снова был тем человеком, за которого меня принял Скарсдейл давным-давно в той чайной близ Британского музея; теперь мне казалось, что это было в другом мире, в иной эпохе.

Пока я лежал в припадке безумия, Скарсдейл снова услышал далекие выстрелы в туннеле, в том направлении, откуда мы пришли, а затем раздался сдавленный крик Ван Дамма, молившего о помощи.

Хорошо зная Скарсдейла, я полагаю, что он поспешил бы к Ван Дамму один, вооруженный только своим револьвером с несколькими патронами — но он не мог бросить меня в том месте без помощи и защиты. В этом случае я, несомненно, присоединился бы к Холдену и Прескотту... Скарсдейл неоднократно спасал мне жизнь, и хотя дар существования стал для меня в последние годы мучительным бременем, тогда я не знал, до чего дойду в дальнейшем; вновь обретя рассудок, я в первые несколько минут был полон благодарности и надежды.

Затем я с ужасом осознал, что нам придется вернуться. И все же, полностью придя в себя, я — как и Скарсдейл — жаждал прийти на помощь и попытаться спасти несчастного Ван Дамма. Разве я не сошел бы с ума, если бы оказался на месте доктора и вообразил, что мы ничего не предпринимаем для его спасения, хотя знаем, что он жив? Мы должны были попытаться; я знал это так же хорошо, как и Скарсдейл, и вскоре дал ему понять, что осознаю наш долг перед нашим бедным товарищем. Он молча похлопал меня по плечу, а затем мы принялись оценивать ситуацию.

Первым делом мы на скорую руку приготовили еду и поели, разбирая наш груз; прошло много часов с тех пор, как мы ели в последний раз, и от нас мог бы быть только вред, если бы мы не стали поддерживать свои силы. В любом случае, маловероятно, что эти десять минут имели большое значение, но будь это даже так, мы не смогли бы собраться быстрее, поскольку нам пришлось рассортировать груз и выбросить много предметов из тележки, чтобы увеличить скорость передвижения.

Мы с неохотой отказались от крупнокалиберных ружей. Они не произвели особого впечатления на желеобразных существ и весили непропорционально много для маленького транспортного средства, которым теперь, с искривленной осью, было чрезвычайно неудобно управлять.

Задним числом мы пожалели, что не взяли в экспедицию больше сигнальных ракет и ручных гранат. Последнее оружие казалось более эффективным, чем что-либо другое, хотя, конечно, никто из нас на самом деле не

знал, можно ли убить или по крайней мере на время остановить существ. Лично мне казалось, что ответом мог бы стать огонь. Будь у нас бензин, мы могли бы разлить его в виде озерца и, приведя существ к нему, поджечь топливо гранатами. Но шансов на это не было никаких; бензина у нас не было, так что не стоило дальше и рассуждать на эту тему. Оставалось всего две дюжины гранат, и нам предстояло как можно лучше их использовать. Итак, тележка полегчала, мы со Скарсдейлом обменялись многозначительными взглядами и вторично двинулись по туннелю к Великой Белой Бездне и внешним коридорам ада.

2

Свет медленно нарастал, а вместе с ним и трепещущие пульсации. Мы со Скарсдейлом шли целеустремленно, но наши чувства словно отмерли, как под наркозом. Мы не хотели говорить о страхах, бродящих по краям нашего сознания. Действительно, мы едва ли осмеливались намекнуть даже самим себе, что могло ждать нас в конце туннеля, в этом медленно разгорающемся свете. В течение первых десяти минут мы не слышали и не видели ничего нового. Дорога снова шла в гору, но теперь тележка была легче и не доставляла никаких хлопот, хотя и производила больше шума, чем нам обоим хотелось бы.

Мы оба проверили револьверы, висевшие у нас на поясах; мои карманы были набиты патронами, а под рукой лежали на тележке две ракетницы. Пояс Скарсдейла словно оцетинился оружием; как ни странно, я забыл спросить его, где он раздобыл свою самую удивительную находку. Это была старинная абордажная сабля в кожаных, окованных медью ножнах, которая ободряюще покачивалась у него на бедре. Как ни странно, пред лицом наших странных противников этот музейный экземпляр мог оказаться для нас полезнее пулемета.

Будь наши спутники вооружены подобным образом, исход последних двенадцати часов мог бы быть совсем другим. Правда, никто не мог предвидеть появления таких существ; даже Скарсдейл, со всем его объемом знаний, не мог себе их представить. Сам я предпочитал видеть в них природные феномены, существующие в подземных глубинах. Математические доказательства предположения о том, что пространство каким-то образом искривлялось, образуя дверь к звездам во многих милях под поверхностью земли, оставались мне недоступны. Скарсдейл мог бы неделями объяснять мне все это, рисуя мелом на доске, но я бы все равно ничего не понял. Однако я постепенно примирялся с этой идеей, какой бы ужасающей и невероятной она ни казалась.

Свет становился все более ярким, и мои мысли, сколько я ни пытался сохранять ясную голову, все время вращались вокруг подобных гипотез. Усилились и пульсации, а затем мы пересекли слизистые следы, оставленные существами во время нашего предыдущего проникновения. Как и Скарсдейл, я повязал на горле носовой платок и теперь закрывал им нос и рот, чтобы хоть немного избавиться от тошнотворного зловония. Мои очки были сдвинуты на лоб, и я опустил на глаза дымчатые стекла, когда вдалеке зашевелились белые пальцы внеземного огня.

Мы со Скарсдейлом приготовили ватные затычки для ушей; они в некоторой степени изолировали нас от реальности, но мы понимали, что иначе нам не выжить. Но ослабление чувствительности слуха и зрения, разумеется, таило в себе свои опасности, и мы с профессором заранее договорились, что в чрезвычайной ситуации каждый будет защищать спину другого.

Мы остановили тележку там, где жуткий блеск постоянно разговарившего источника света бил по полу коридора ослепительным пульсирующим потоком. Гранаты мы сложили в плетеную корзину, где лежали когда-то батареи наших генераторов, и, взявшись за ручки, понесли ее между собой; в свободной руке каждый из нас держал револьвер. Несмотря на затычки и защитные очки, интенсивность источника света в сочетании с коварным биением неизвестного пульса вызвали у меня чувство тошноты, когда мы наконец вышли к огромному диску сверкающего сияния, который Скарсдейл так метко окрестил Великой Белой Бездной.

Ничто не шевелилось, в дальних тенях позади не было заметно никакого движения. Свежие следы слизи описывали узорчатые завитки на каменном полу перед нами.

Мы оба опустились на колени, несмотря на усилившуюся вонь, и попытались извлечь все, что могли, из этих загадочных следов. На твердой поверхности коридора, конечно, не могли остаться никакие отпечатки, как например линии, прочерченные волочащимися пятками Ван Дамма, однако следы все же кое-что нам сказали. Они направлялись не к белому овалу раскаленного добела свечения, который вибрировал и пульсировал в такт барабанным ударам, чего мы изначально опасались, но обходили его стороной; здесь выдавался скалистый отрог, уходящий в тень, за пределы пространства бледного огня.

Волоча тележку за собой, мы со Скарсдейлом направились туда, осторожно оглядываясь назад и по сторонам. По мере нашего приближения к затененному участку, зловоние становилось все более невыносимым — как будто где-то там лежал страдающий отвратительной болезнью пациент с открытыми, гноящимися ранами. Даже Скарсдейл казался потрясенным, и я мог видеть капли влаги, блестящие в его бороде и стекавшие ручейками по подбородку. Теперь мы стояли спиной к свету и ждали, пока глаза не привыкнут к сильно изменившимся условиям.

Мы находились на узком выступе скалы. Положив в карманы по паре гранат на случай крайней необходимости, мы подтащили тележку как можно ближе к полке, чтобы она была под рукой, если придется уходить в спешке, а затем спустились к входам в три темных туннеля, которые теперь выступили из мрака.

Мы оба одновременно увидели сторбленную фигуру Ван Дамма; отбросив всякую осторожность, мы уже собирались броситься вперед, но я положил руку на плечо Скарсдейла и остановил этот поспешный порыв. Недавний ужасающий опыт был еще свеж в моей памяти, и у меня не было никакого желания повторять это испытание; и Скарсдейл, и я к тому времени считали крайне маловероятным, что наш несчастный товарищ мог выжить. Конечно, оставался небольшой шанс... Ван Дамм лежал лицом к каменной стене; за исключением того, что он растянулся на земле, его поза до ужаса напоминала позу Холдена. Я не хотел видеть, как его безжизненное тело превратится в прах, и мои ноги оставались твердо прикованными к полу пещеры.

Затем я уловил краем глаза какое-то краткое мерцание в полумраке, какое-то маленькое, незаметное движение. Я указал своему спутнику в ту сторону, и мы оба сняли защитные очки. Я с трудом удержался от крика; теперь я видел, что из-под лежащего тела Ван Дамма тянулась длинная трубка из какого-то серого материала. Она вела на несколько ярдов назад, к краю одного из входов в туннели.

Из-за угла выглядывала одна из самых отталкивающих тварей, с какими мне когда-либо приходилось сталкиваться, даже пребывая во власти кошмара. Лицо существа было серым; из щелевидного рта и ноздрей с красными ободками сочились выделения, падая тошнотворной слизью на пол пещеры. Глаза представляли собой большие желеобразные пластины, прикрытые какими-то мембранами; они пульсировали и светились, то становясь непрозрачными, то открывая зеленоватую сердцевину глаза. Уши были заостренными, как у летучей мыши; в полном слизи рту блестели пожелтевшие и кривые зубы.

Серая трубка переходила в похожий на слоновий хобот, который медленно раздувался и сокращался, пока существо всасывало или перекачивало жидкости не то из тела Ван Дамма, не то в него. Никто из нас не мог понять, чем именно оно занималось, но я был как никогда близок к обмороку. К счастью, я не видел тела существа, так как оно оставалось скрытым за стенкой туннеля, но рост его не мог составлять менее пятидесяти футов. Время от времени оно прощупывало поверхность трубки чешуйчатым когтем. Похоже, по какой-то непонятной причине оно не замечало нас, и мы со Скарсдейлом приготовили гранаты.

Затем я медленно двинулся вперед, но задел ногой за какой-то выступ в полу пещеры. Кажется, это потревожило кошмарное существо; когда оно

повернулось к нам лицом, я снова услышал странный шорох, который слышал так давно у входа в эти пещеры безумия. Шорох издавали большие кожистые крылья, свисавшие в прозрачной оболочке с плеч существа; они терлись друг о друга, когда существо двигалось. Трубка была извлечена с молниеносной быстротой и, подобно хлысту или змее, скользнула по полу. К этому времени мы со Скарсдейлом швырнули по гранате каждый; вторая партия последовала, пока первая была в воздухе. Мы бросились на землю и откатились на свет, когда во мраке вспыхнуло алое пламя и осколки металла со злобным звоном разлетелись по каверне. Заглушая треск обуглившейся плоти, раздался высокий, блеющий стон, который, казалось, проникал в уши даже сквозь ватные затычки.

Я поднял глаза, застыв от шока. Стон теперь смешивался с пронзительными, настойчивыми криками; затем я увидел за корчащимся ужасом крылатого существа дряблые склизкие фигуры сотканых из волокон созданий, чье назойливое блеяние смешивалось с треском пламени. Скарсдейл, оказавшийся у тележки, бросил еще две гранаты; тем временем я поднялся и подошел к телу Ван Дамма. Я был готов ко всему, но испытал гораздо более сильное потрясение, чем в случае с Холденом.

Возможно, мы застали существо в решающий момент метаморфозы; но не исключено, что процесс был долгим и сложным. Да, я был готов ко всему, кроме представшей передо мной разрушенной маски мертвых черт Ван Дамма. Нижняя челюсть бедного доктора была совершенно оторвана каким-то отвратительным образом, открывая верхний ряд зубов и раздробленную челюстную кость, на которой застыли длинные потеки почерневшей крови. Череп, что еще более отвратительно, был хитроумным способом вскрыт — вероятно, на туловище похожего на летучую мышь существа имелось некое режущее приспособление — и мозговая полость была обнажена.

К счастью, меня оторвал от этого тошнотворного зрелища предупреждающий окрик Скарсдейла, а затем на нас обрушилась целая волна блеющих желеобразных тварей, и я вытаскивал щеки, швырял гранаты, отступал и снова бросался вперед. События следующих тридцати минут превратились в моем сознании в смутное, хаотическое месиво. К физической усталости примешивался тяжелый, жгучий гнев, и в ненависти к непристойностям, с которыми мы столкнулись, я неведомо как потерял всякий страх.

Каски и ушные затычки берегли нас от шума, что было кстати, так как грохот взрывов, раскатывавшихся эхом по многим милям пещерных коридоров, должно быть, был оглушительным. Существа, несмотря на всю их ловкость и прыгучесть, мешали друг другу из-за своих огромных размеров, так что мы, полагая, устроили в этом углу каверны гигантскую бойню.

Но, что любопытно, мы так и не нашли ни одного трупа желеобразных существ; создание, похожее на летучую мышь, было другим — его труп вскоре приобрел синий гнилостный оттенок и постепенно сморщился. После

каждой новой стычки с прыгающими чудовищами мы находили на земле только пятна слизи; казалось, они оказывали помощь друг другу своими маленькими ручками и усиками, и не раз, когда битва бушевала в центральной области близ трепещущей пустоты Великой Белой Бездны, мы видели, как уцелевшие помогали другим, серьезно искалеченным, вернуться в пульсирующее сияние, где они исчезали из виду.

Наконец, когда у нас осталось всего несколько гранат, они отступили, и воцарилась ужасная тишина. Мы со Скарсдейлом, грязные, пропахшие дымом, потные и до предела усталые, остались одни на покрытой коркой слизи арене, испещренной длинными колеями, оставленными тележкой. Сузив глаза под темными очками, мы до боли вглядывались в обжигающую белизну, которая вела в открытый космос; ничто не двигалось в этом мерзком свечении, и единственными движениями были наши собственные; единственным звуком — слабый шорох наших шагов.

Мы медленно отступили на двести или триста ярдов по коридору, в более затененное место, где притаились за тележкой и обсудили наше положение. Теперь мы едва ли могли что-либо сделать; трое наших товарищей были убиты, пусть наши усталые умы все еще полностью не осознавали всю чудовищность этой потери. Оставался главный долг — перед миром и самими собой. Другого выбора не было. Я уверен, что Скарсдейл собирался проникнуть даже в необъятность Великой Белой Бездны и, если бы путь нам не преградили существа, он бы двинулся дальше — с нами или без нас. Но в этом нам было отказано, и оставалось только выбраться, не подвергая себя дальнейшим опасностям, вернуться к цивилизации и предупредить мир о том, чему мы были свидетелями.

— Мы должны собраться с силами, — сказал Скарсдейл. — Я возьму на себя первую вахту, а вы немного отдохнете.

Он по-прежнему оставался лидером, и хотя я стал отрицать, что устал, правда заключалась в том, что я был душевно и физически истощен. Несмотря на крепкое телосложение и флегматичные манеры Скарсдейла, я чувствовал, что и он готов был сломаться. Ни один из нас не был в состоянии пройти больше нескольких сотен ярдов и тем более отразить новую атаку.

Нам необходимо было отдохнуть, и очевидным решением было дать каждому поспать час в той сравнительно безопасной части туннеля, куда мы отступили. Тогда мы смогли бы продолжать путь, немного восстановив свои силы. Не успел Скарсдейл настоять на своем, как мои веки налились огромной тяжестью. Я положил голову на руки и заснул.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

1

Проснувшись, я сперва не мог понять, где нахожусь. Было темно, и почти ничего нельзя было разглядеть. Горло пересохло и саднило, и я ощущал ломоту во всех конечностях. Чувствовались и слабые уколы голода — ведь я уже достаточно долго ничего не ел.

Я обнаружил, что лежу на боку, прислонившись головой к стене туннеля. Стоило мне очнуться, как я сразу же осознал весь ужас ситуации. Я тотчас с трудом принял сидячее положение. Хриплое дыхание клочкотало у меня в горле. По глупости я не снял очки и теперь, сбросив их, нащупал на лбу и затылке глубокие борозды.

В слабом свете я мог видеть достаточно ясно, и первым делом мой взгляд упал на тележку с искореженной осью, которая, тем не менее, так хорошо нам послужила.

Я медленно выпрямился, держась за ее металлическую стойку, и понял, что был до крайности измотан. Мои руки и ноги дрожали, голова кружилась, что я счел реакцией на события последних нескольких часов. Я оперся рукой о стену. Кругом было чрезвычайно тихо. Зрение постепенно прояснилось — и я заметил револьвер Скарсдейла, лежащий на земле в том месте, где я в последний раз видел профессора.

Потрясение было таким же внезапным, как если бы мне в лицо плеснули холодной водой. Я очнулся, мои натянутые нервы снова заныли, безымянный страх закопошился в уголках сознания. Должно быть, пока я спал, Скарсдейл сидел с другой стороны тележки, спиной к ней и лицом к источнику света и, соответственно, любой опасности.

Поначалу я был слишком обеспокоен и встревожен, чтобы сделать те несколько шагов, которые могли подтвердить или рассеять мои страхи. Наконец я достал револьвер и, держа его перед собой, а другой рукой опираясь о стойку тележки, осторожно обогнул ее. Я ожидал увидеть какую-нибудь жуткую картину и с облегчением разглядел за тележкой одни лишь бесплотные тени. Профессора Скарсдейла там не было. До меня вдруг дошло все значение этого факта в сочетании с необычным обстоятельством — револьвером, лежащим на земле. Осознание какой-то беды жгло, как кислота и буквально иссушало мои нервы, заставляя меня сходить с ума от беспокойства.

Боясь и надеясь, я побежал обратно по туннелю к усиливающемуся свету, зовя профессора. Мне отвечало лишь отвратительное эхо моего собственного голоса, который, казалось, разносился по мучительным милям туннелей и замирал под Черными горами, у бесконечно далекого входа в эту оби-

тель отчаяния. Мой страх перед похожими на слизней существами на мгновение сменился еще большим ужасом от того, что я остался в полном одиночестве посреди этой мерзости.

Эта мысль едва не лишила меня рассудка, и я несколько минут метался назад и вперед по туннелю, совершенно обезумев. Затем, придя в себя и стиснув дрожащие руки, я заставил свои истерзанные нервы успокоиться. Я мог только предположить, что со Скарсдейлом случилось какое-то несчастье — иначе он ответил бы на мой зов. Но, возможно, он решил самостоятельно исследовать дальние каверны близ Великой Белой Бездны и находился вне пределов слышимости. Или же, что хуже всего, уже не нуждался ни в какой помощи. Успокаивая нервы подобными медленными и кропотливыми рассуждениями, я подумал и о четвертой возможности: Скарсдейл мог уйти по туннелю в противоположном направлении. Но ее я сразу отбросил: это противоречило всякой логике, если только в той стороне не появилось что-то чудное или необычное.

Прочие размышления вели к одному безошибочному, собственно говоря, неизбежному выводу — я должен был вернуться к Великой Белой Бездне. Живой или мертвый, Скарсдейл должен был быть найден. И мне оставалось только спасти профессора от ужасной участи, постигшей наших товарищей, либо, как ни трагически это звучит, стоять на страже его памяти. Придя к такому выводу, я успокоился, перестал расхаживать по туннелю и проверил свой револьвер и патроны; затем я схватил холщовую сумку и, положив в нее пять оставшихся гранат, отправился в путь.

2

Пройдя всего несколько сотен ярдов, я услышал впереди низкое невнятное бормотание. К счастью, свет становился все более ярким, иначе мужество, возможно, покинуло бы меня. Я крепче сжал сумку и пошел дальше. Сначала я не мог определить направление, откуда доносился звук. Он напоминал слабое жужжание насекомых, какое можно услышать в жаркий летний день при более счастливых обстоятельствах, когда находишься на границе сна.

Но мысль о насекомых в контексте этих отталкивающих подземных каверн была до крайности отвратительной, и моя решимость пошатнулась. Пока я шел по коридору все усиливающегося света, слабое бормотание, казалось, нарастало и отступало, подобно морскому прибою; я надел на лоб свои защитные очки в ожидании момента, когда сияние станет слишком сильным для моих невооруженных глаз. Коварный звук походил теперь на голос человека, еле слышно шепчущего непристойности в одной из далеких

каверн, и это было еще более неприятно, если уж на то пошло.

Но я, напротив, ощутил новый прилив отваги. Быть может, Скарсдейл попал в беду и сейчас ползет на четвереньках, пытаясь пробраться обратно ко мне и бормоча мольбы о помощи? Эта мысль заставила меня с шумом втянуть воздух; сама жизнь, казалось, потекла в мои конечности, и я почти бегом двинулся по коридору.

Свет становился все сильнее, омывая волнами черные стены пещеры. Я не видел никаких следов Скарсдейла; в туннеле ничто не двигалось, но в ушах нарастал гул, нисколько не заглушаемый ритмическими вибрациями гигантского пульса, которые вновь звучали все интенсивнее. Я нащупал затычки для ушей и выключил фонарь на каске. Я не был уверен, как долго продержатся батарейки, а фонарь мне нужен был для возвращения.

Я едва осмеливался думать, что могу не найти Скарсдейла — подобная мысль в этих обстоятельствах отдавала чистейшим ужасом. Дыхание беспокойно свистело у меня в горле, когда я торопливо поднимался в гору, гранаты издавали неприятный щелкающий звук, перекатываясь в холщовой сумке.

В правой руке я крепко сжимал револьвер, палец лежал на спусковом крючке, но мне никак не удавалось унять дрожь в руках. Какая-то странная условность заставляла меня по-прежнему надеяться на такое традиционное оружие, как огнестрельное. Мы все видели, насколько неэффективными оказались пули в наших неудачных битвах со слизнями; но привычки так укореняются, что человек продолжает им следовать даже в тех случаях, когда они оказываются бесполезными. Таким образом, не только ученые без всякой пользы цепляются за эмпиризм. Хотя, конечно, ученые давно изменили бы свои методы, в то время как я все еще буквально и бессмысленно цеплялся за свои.

С этими отрывистыми рассуждениями я устремился вперед, в усиливающийся свет, и был готов ко всему, когда приблизился к небольшому изгибу туннеля, отрезавшему меня от каверны Великой Белой Бездны; и все это время в моих ушах вместе с глухим биением пульса все громче звучало невнятное бормотание невидимых шептунов.

Я обогнул поворот, и пульсация заметно усилилась, а интенсивность света резко изменилась. Прежняя непрозрачная молочная белизна превратилась в резкий блеск солнечных лучей; внезапно стены отступили и исчезли, образовав лишенное свойств пространство, свет словно ослепил мои глазные яблоки, а слуха достиг слабый раскат грома. Я пошатнулся, пораженный огромной силой свечения, и опустил на глаза защитные очки. Бормотание раздавалось совсем рядом, как будто неведомые шептуны находились всего в футах или около того от меня.

Я вставил затычки в уши, когда пульсация усилилась до невыносимого грохота. Теперь я купался в жидкой фосфоресценции, такой яркой, что мои

руки, казалось, были охвачены живым огнем, и такой раскаленной, что кончики пальцев было не разглядеть. На бегу я полуприкрыл глаза и потянулся за первой гранатой. Великая Белая Бездна бурлила, как кипящий котел, ее пространство наполнилось пульсирующими искрами живого света, и сквозь эту белую дыру, ведущую во вселенную, прыгали и ковыляли не только знакомые слизистые существа, но и живые копии тварей, которых мы видели в сосудах.

Они были далеко и, похоже, не замечали меня, когда жутким потоком входили в люминесцентный круг и выходили из него, торопясь по своим непонятным делам. Но все мое внимание было приковано к крепкой фигуре Скарсдейла, чье присутствие здесь принесло мне невыразимое облегчение. Он стоял в стороне, почти у самых боковых галерей, где состоялась наша последняя битва с тварями. Борода профессора светилась живым огнем; он взволнованно махал мне рукой и жестикулировал.

— Иду, Скарсдейл, — радостно крикнул я. Мой голос эхом раскатился по галереям и потревожил прыгающих существ, толпившихся у этой ужасающей двери в космос. Они замерли, нарушив строй, и эхо разнесло под сводами каверн их омерзительное блеяние и мычание. Вынув чеку, я крепко сжал в руке гранату, свернул и побежал к Скарсдейлу. Профессор, прихрамывая, двинулся мне навстречу, и я с тревогой подумал, что он может быть ранен, однако он продолжал ободряюще махать рукой.

Теперь нас разделяло около ста ярдов, но слизнеобразные существа, как я видел краем глаза, быстро приближались, собираясь вклиниться между нами.

— Поторопитесь, профессор, — крикнул я. — Нас могут отрезать друг от друга.

Скарсдейл по-прежнему продолжал махать рукой.

— Опасности нет, Плоурайт, — крикнул он в ответ. — Я сделал самые фантастические открытия.

Спеша к профессору, я увидел, как из скальных галерей позади него хлынула волна крылатых насекомоподобных существ. Снова послышались кожистые хлопки их жестких крыльев, так часто звучавшие в моих снах.

— За вами, позади, — запинаясь, тревожно крикнул я. Затем я быстро развернулся на месте и швырнул гранату в скопище слизистых существ, наступавших на нас от космических врат. Когда граната покатилась к ним по полу, их блеяние сменилось испуганными воплями. Взрыв резким ударом врезался в стену пещеры, расцвело красное пламя, затемнив блеск белого сияния, и разъяренные куски металла мстительно загудели вокруг. Вновь раздались стоны отчаяния и запах горелой плоти, но все больше и больше дряблых существ с переплетенными, извивающимися щупальцами продолжали приближаться к нам. С силой отчаяния я быстро швырнул еще три гра-

наты и, прежде чем первый взрыв отразился от стен пещеры, преодолел половину расстояния, отделявшего меня от Скарсдейла.

К этому времени несколько тварей почти достигли нас, а остальные все еще приближались, шлепая по полу пещеры с невероятной скоростью. Я снова крикнул профессору, чтобы он поторопился, но он, казалось, устал и начал замедлять шаг.

Постоянное ужасное зловоние теперь усилилось, и я снова сузил глаза, когда пульсации белого света словно стали завывать в ритмичном биении дьявольских вибраций. Я видел вокруг себя расплывчатые формы слизней; их волокнистые тела мерцали и шли волнами в безжалостном космическом сиянии. Позади них я заметил несколько злобных крылатых тварей: они, как мне показалось, руководили действиями остальных.

Я был уже почти рядом со Скарсдейлом и видел широкий и свободный участок, который позволил бы нам бежать обратно в благословенный сумрак туннелей, выиграв мы несколько необходимых секунд. Я сделал последний отчаянный рывок, и Скарсдейл, подняв голову, ободряюще и приветливо улыбнулся мне. В руке у меня был бесполезный револьвер, и я воспользовался им, чтобы сделать два или три выстрела в воздух. Я даже не потрудился прицелиться в слизней, зная, что стрелять в них более чем бессмысленно.

Тем не менее, блеющие существа остановились, позволив мне добраться до профессора. Он пошатнулся, когда я схватил его за руку и развернул лицом к себе.

— Слава Богу, я успел вовремя, профессор, — выдохнул я, тяжело дыша. — У нас есть всего несколько секунд.

Он покачал головой.

— Вы не понимаете, Плоурайт, — сказал он. — Мы находимся на пороге самых невероятных открытий.

Слизнеобразные существа вновь поползли вперед, когда он заговорил. Профессор, надо сказать, выбрал не лучшее время для научных занятий. Я чувствовал, как раздражение пронзает мой мозг, но заставил себя сохранять спокойствие.

— Мы в смертельной опасности, Скарсдейл, — крикнул я, не заметив, что в ушах его не было затычек. — Почему вы не разбудили меня?

Я потянул его за собой, в гостеприимную тень внутренних проходов. Он не сопротивлялся; более того, он казался чуть ли не безвольным, как будто последние исследования на время лишили его сил.

Яркий свет Великой Белой Бездны и без того делал все вокруг бледным и странным, но поведение профессора встревожило меня. Что-то явно было не в порядке с его головой. Он выглядел больным и каким-то помятым. Возможно, существа напали на него, и он все еще страдал от ран. Он все отворачивал от меня голову, словно у него болела шея. И тут я заметил липкие следы на его одежде. Мои глаза затуманились, и я поскользнулся на невыра-

зимой мерзости этого нечестивого пола.

Затем я снова потянул Скарсдейла за собой, и он, спотыкаясь, побежал рядом.

— Быстрее, профессор, — крикнул я, — иначе будет поздно.

Он кивнул, как будто понял. Но в этот момент несколько слизней, находившихся в опасной близости, прыгнули к нам. Они странно и тревожно замяукали, и воздух, казалось, наполнился неземной вибрацией их зова.

Скарсдейл снова замедлил шаг, точно ждал их.

— Вы не понимаете, Плоурайт, — повторил он. — Здесь можно узнать фантастические вещи, если хватит смелости... Я должен вам это сказать. Я прошу вас больше не сопротивляться.

Я не понял его и повернулся, продолжая сжимать его руку.

Три слизнеобразных существа были уже совсем близко и нерешительно двинулись ко мне, будто чувствуя угрозу, исходившую от последней гранаты у меня в руке. Когда я оглянулся на Скарсдейла, он снова отвернул голову.

— Вы ранены, профессор? — спросил я.

Он покачал головой. Я отвел от него взгляд и повернулся к угрожающему строю существ, стоявших перед нами. Они медленно помахивали своими усиками, их полупрозрачные формы колыхались в ярком свете. Я глянул на ближайшую группу — и колени у меня подогнулись, а руки и ноги охватила неудержимая дрожь. Я резко оглянулся через плечо и увидел, что путь к отступлению в благословенную темноту был свободен.

Скарсдейл ободряюще улыбнулся мне, и тогда это произошло. Я ошеломленно переводил глаза с него на слизняков, а после начал визжать, и визжать, и визжать, словно никогда не собираясь останавливаться. Во рту я ощущал горький привкус крови и желчи, мой мозг превратился в бурлящий котел раскаленного добела ужаса. Я отшвырнул профессора от себя и под мяукающие крики слизней, вибрирующие в ушах, с невыразимым зловонием в ноздрах, бежал из зала Великой Белой Бездны и бросился сломя голову в туннели, спасая свою жизнь.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

1

Я бежал, как от кошмара. Я бежал до тех пор, пока дыхание не захрипело у меня в горле, а сияние Великой Белой Бездны не померкло до тусклого свечения в дальних коридорах. Раз или два я, должно быть, врезался в стены, потому что позже обнаружил, что моя одежда была порвана, а руки и ногти были в крови. В какой-то момент у меня хватило здравого смысла включить фонарь на каске, и его ярко-желтый луч скользил по коридору, как манящий свет маяка.

К счастью, я выронил оставшуюся ручную гранату и пистолет, иначе в своем испуганном и возбужденном состоянии я мог бы нанести себе увечье. Моя голова была словно раскаленная докрасна печь, пот стекал по моему лицу, и я шатался, как в лихорадке. Только по прошествии некоторого времени я додумался снять защитные очки, которые я на бегу швырнул через плечо. Я снова оказался у тележки, но страх и взвинченные нервы не позволили мне остановиться.

Мой разум не мог охватить громадность предстоящего мне путешествия; я думал только о том, чтобы пережить следующие несколько часов и дожить до тех пор, когда я смогу строить планы. По крайней мере, так я сказал себе позднее, ибо сиюминутные события казались мне путанными и размытыми. На тележке была еда; я знал это. Было оружие и даже сигнальные ракеты; они означали спасение, жизнь и вменяемость внешнего мира. В тот момент мне было все равно, выживу я или умру — но я предпочитал умереть под сладким небом внешней земли, чувствуя на лице поцелуй солнца.

Я тосковал по свежему земному бризу и боялся умереть здесь, на глубине многих миль под поверхностью, как крыса в норе. Итак, каким-то образом (хотя в обычное время я бы решил, что это выше моих сил) я взялся за неисправную и трудную в управлении тележку и направился на юг. Время от времени я останавливался и, напрягая слух, прислушивался к малейшему шуму: шарканье шагов, шорох кожистых крыльев или зловещий шепот могли быть признаком того, что меня преследуют. В такие минуты мой разум висел на волоске, и я бы ни за какие деньги в мире не стал терпеть те пытки, которые мне пришлось вынести в течение следующих нескольких дней. И впрямь, к концу этих испытаний мои щеки ввалились, как у старика, а в волосах проступила седина.

В длинных коридорах позади ничто не двигалось; с севера дул теплый ветер, и слабый пульс, с каждым часом становившийся все более приглу-

шенным, по-прежнему передавал свое злое послание. Я продолжал слышать его на протяжении долгих миль, как и во время нашего путешествия на север, но постепенно он затих за спиной.

К счастью, у меня был с собой маленький компас, с помощью которого я смог убедиться, что направляюсь на юг: в моем душевном состоянии и последовавшем за этим бреду я без него наверняка слепо пошел бы обратно в северном направлении. Портативная камера, висевшая на ремешке у меня на шее, раскачивалась и задевала о стены, и в конце концов я снял ее и положил на тележку.

Несколько негативов на пленке в самой камере и около дюжины отпечатков в конверте, которые мы захватили с базы вездеходов — вот и все документы Большой северной экспедиции, что мне удалось спасти и сохранить в целости, а о том, как погибло остальное, я расскажу позднее. В тот первый день я сохранял относительную ясность мышления, хотя мое самочувствие постепенно ухудшалось. Я был весь в поту, и ветер, дувший мне в спину, каким бы теплым он ни был, должно быть, вызвал у меня лихорадку, так как моя кожа была ледяной.

В какой-то момент (я давным-давно забыл, показывали ли стрелки моих наручных часов часы дня или ночи) я остановился и вскрыл какие-то консервы, найденные на тележке. На том этапе я был настолько рассудителен, что смог даже рассортировать некоторые припасы. Выбросив за борт более тяжелые контейнеры и несколько громоздких крупнокалиберных ружей и тому подобного оружия, мне удалось значительно облегчить груз. Я не переставал терзаться страхом того, что существа обойдут меня стороной через боковые туннели, как они, вероятно, поступили с несчастными Холденом и Ван Даммом. Я не осмеливался слишком долго размышлять об этом; к счастью, я нашел на тележке бутылку виски и выпил добрую четверть, так что мой разум, полагаю, был к этому времени ослаблен и притуплен.

Слава Богу, я не замечал признаков преследования и по прошествии нескольких часов начал чувствовать себя немного увереннее; конечно, это вполне могло быть связано с алкоголем, но какова бы ни была причина, я вознес хвалу Всевышнему. Я преодолел, должно быть, значительное расстояние, прежде чем наконец рухнул на землю, в объятия милосердного сна.

2

Мое бегство продолжалось. Никто меня не преследовал. Несмотря на детальные расспросы многих выдающихся авторитетов в данной области, я так и не смог дать никакого последовательного объяснения своим перемещениям или четко оценить, сколько дней мне потребовалось, чтобы сно-

ва вернуться к цивилизации. Я также не мог точно определить время, когда я в конце концов не выдержал и свалился в лихорадке. Но знаю, что между моим повторным появлением в долине у Черных гор и возвращением в то, что циники называли бы «цивилизованным обществом», прошло около шести месяцев.

Мне также сказали, что я почти два месяца пролежал в лихорадке и, если бы не самоотверженные усилия французского врача и немецкой медсестры, наверняка умер бы. Возможно, в свете этих унылых последних лет так было бы лучше. Но я забегаю вперед в своем повествовании.

Итак, я продвигался вперед, все еще толкая тележку и ориентируясь по компасу. Видимо, я автоматически брал еду из запасов в ящиках, потому что у меня не осталось ясных воспоминаний о том, как и что я ел все это время.

Не могло быть и речи о формальном распорядке дня. Моя неопрятная борода, дикие вытаращенные глаза и изможденные черты лица скорее всего ужаснули тех, кто нашел меня. И все же я каким-то образом шел все дальше и дальше по этим адским коридорам, пока наконец не оказался в знакомых местах. Воистину, Провидение заботится о дураках, и в конце концов, уставший, больной, близкий к истерике, с угасающими воспоминаниями об ужасающих событиях, свидетелем которых я стал, я снова оказался в пустынном городе Кротх.

Я благополучно пересек реку с ее странным мостом, промозглую и мрачную, как Стикс. Видимо, вскоре после этого, где-то в пригородах, я бросил тележку, которая так хорошо мне послужила. Она должна быть там и сейчас и наверняка останется там навечно, как немой свидетель невероятной глупости человека. Много времени прошло с тех пор, как я принял участие в этой обреченной экспедиции, и сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что только невероятное безрассудство могло привести нас туда.

То было истинное помешательство со стороны тех из нас, кто слепо следовал за другими — и немыслимое безумие со стороны руководителей экспедиции, Ван Дамма и Скарсдейла, которые совершенно ясно понимали, в какие ужасные области на границе человеческого опыта они вторгаются. Могу только предположить, что великая мудрость и великие научные знания идут рука об руку с особенно опасной умственной слепотой. Если бы кто-нибудь из нас имел хоть малейшее представление о том, какая реальность ждала нас в конце этих туннелей, ничто не привело бы участников экспедиции ближе чем на сотню миль к Черным горам.

Должно быть, время от времени я спал, хотя и не помню об этом; страх всегда пребывал у меня за плечом, подгоняя меня вперед сквозь тусклое свечение и странные перспективы Кротха. Здесь я нашел дополнительные припасы и, вероятно, взял то, что мне было нужно для пропитания. У меня не сохранились воспоминания о самом городе, кроме большой централь-

ной площади. Кротх и его чудеса, его сказочная библиотека и все несметные сокровища, накопленные за тысячи легендарных лет, все еще покоятся под бледным сиянием этих тусклых и туманных сводов.

Я бежал все дальше и дальше. Пульс затих, и сухой ветер дул мне в спину, подталкивая меня домой. Видимо, я останавливался на привал, ел, спал и делал тысячи других вещей, но я до сих пор не имею четкого представления о том, как я проводил свое время. Не знаю также, сколько дней я провел в пути, но простые подсчеты показали, что возвращение отняло у меня куда меньше времени, чем наше путешествие на север. Страх придавал мне силы и поддерживал меня во время долгого испытания, которое привело меня на грань безумия; миля за милей оставались позади, но ничто даже не пошевелилось в их унылом однообразии; и единственными звуками, когда пульс затих, были стук крови в моей голове и сухое эхо моих ног, стремглав несущихся по этим коридорам вечности.

В конце концов я попал в благословенную темноту дальних пещер, собирая припасы по мере того, как я добирался до различных тайников и хранилищ, трагических напоминаний о моих погибших коллегах. Иные предметы я отбрасывал как слишком громоздкие или ненужные. По мере того, как проходили дни, а меня никто не преследовал и я не замечал никаких признаков преследования, моя решимость укреплялась, а вместе с ней и моя физическая выносливость. Я добрался до Галереи мумий, показавшейся мне вдвойне отвратительной при мысли о том, что лежит в этих рядах безмолвных сосудов. Компас милостиво указал мне юг, и он-то, вместе с некоторым количеством фотографий и кое-какой провизией, был всем, что я взял с собой к подземному озеру.

Здесь, вконец измученный, я впал в ступор и, должно быть, проспал что-то около двух дней и ночей; у меня не было возможности записывать даты, но каким-то образом я сохранял достаточное присутствие духа, чтобы заводить свои часы каждую ночь и утро. В промежутках сознания между провалами прерывистого сна я, очевидно, автоматически также их заводил, поскольку не могу вспомнить, чтобы они когда-либо останавливались. Это в немалой мере помогло мне сохранить рассудок: я не раз просыпался от успокоительного тиканья часов рядом с моим ухом, когда растягивался на твердом камне или податливом песке берега.

Теперь я горько сожалел, что не захватил с собой самое необходимое. Если бы что-нибудь случилось с вездеходами или я не смог бы их завести, мне пришлось бы полагаться на батарейки в налобном фонаре. Они наверняка разрядились бы задолго до того, как я смог бы преодолеть долгие мили пути, и тогда я действительно впал бы в вопиющее безумие. Я также очень жалел, что не смог взять с собой записную книжку Скарсдейла или его машинописный перевод «Этики Югора», в которой содержался ключ к разгадке

всей тайны. Но они остались с профессором в том проклятом зале Великой Белой Бездны и, несомненно, были утрачены навсегда.

Должно быть, прошла неделя или больше с тех пор, как началось мое стремительное бегство, когда я наконец сел в резиновую лодку со своим небольшим грузом и поплыл в туман и странное сияющее свечение этого жуткого Стикса.

Именно тогда или на каком-то этапе переправы я забыл на берегу либо потерял часть своих фотоматериалов; мало того, вода, попавшая на дно лодки, испортила несколько драгоценных негативов, особенно те, на которых были запечатлены слизни, с которыми мы столкнулись в нашей первой битве с участием меня, Скарсдейла и Прескотта. С тех пор в одинокие ночные часы, под вой ветра вокруг дома, я часто задавался вопросом, было ли это случайностью или, быть может, сделано намеренно. Безусловно, от меня не ускользнула возможность того, что эти существа располагали какой-то злокозненной внеземной силой, действующей на расстоянии.

Оказавшись на противоположной стороне озера, я снова отдохнул и, как и прежде, собрал свежие припасы и выбросил ненужные. Мой мозг все еще оставался онемевшим и замороженным, и я позаботился о том, чтобы выпить достаточно виски и тем самым притупить разум, не воздействуя на прочие способности. То было путешествие, совершенное автоматом, функционирующим исключительно благодаря хорошему физическому здоровью и движимым только страхом и желанием выжить.

Я едва осмеливался надеяться, что найду вездеходы в сохранности, но они были там, укрытые брезентом, и каждый был болезненным напоминанием о товарищах, которых я потерял. Я механически нажимал на тумблеры и приводил в действие динамо, пока каверны снова не отозвались эхом на пульсирующий гул двигателей. Укрывшись за своей металлической броней, я двинулся обратно по туннелям, черпая силы в рокочущем гуле машины и бледном сиянии прожекторов.

Я ехал на максимальной скорости, не останавливаясь и не отрываясь от руля; это была замечательная гонка, требовавшая такой фантастической концентрации, что я едва ли сумею когда-нибудь повторить ее снова. Когда я увидел тонкую полоску дневного света у входа в пещеры, ведущую к благословенному земному воздуху, мои руки дрогнули на рычагах управления, и я заплакал.

3

Сейчас я живу, как тень моего прежнего «я», в компании лишь моего старого друга Робсона, которому я рассказывал эту историю не один, а сот-

ни раз. Ночной ветер завывает над землей и стучится в ставни в этих широтах, и я снова переживаю опыт Большой северной экспедиции, и мне становится страшно. Я обязан своей жизнью нескольким туземцам, которые нашли меня в пустыне, где я слепо блуждал в вездеходе, и указали мне правильное направление к Равнине Тьмы и гостеприимному городку Нильстерем.

Здесь я задержался всего на день; затем, оставив наш запасной вездеход в качестве платы за услуги старосты, я с предоставленными им проводниками снова отправился в путь и наконец добрался до Зака. Там история расплывается и заканчивается. Там я очень сильно заболел. Я уже рассказывал кое-что об этом; моя болезнь, сопровождавшаяся лихорадкой, продолжилась несколько месяцев. Я пришел в себя в лазарете лайнера «П. и О.»¹, направлявшегося в Англию через Бискайский залив.

Из всего снаряжения, бывшего при мне, остались только камера, некоторое количество фотографий и несколько личных вещей. Но я был жив; это было все, что имело значение — тогда.

Я живу практически вне мира; мое здоровье безвозвратно подорвано, мои ночи бессонны, мое лицо бледно, как у призрака. Я боюсь снов. Иногда лунными ночами я стою у окна и смотрю на серебряный диск, безмятежно парящий над верхушками деревьев, и думаю, что он освещает далекие Черные горы, и не могу подавить дрожь при мысли о кощунственных мерзостях, которые скрываются под ними.

Недавно небесные огни были замечены снова; я боюсь, что Пришествие близится, и тревога за благополучие человечества переполняет мое сердце. И все же мне не верят, и никогда не поверят, хотя Робсон и несколько других научно мыслящих людей испытывают предчувствие конца. Ибо конец должен наступить.

Почему мне позволили выжить? Кто знает? Пути существ из чужого мира странны для нас и находятся за пределами понимания смертных. Я думал об этом год за годом, бесконечные годы. И я не могу постичь и тысячной доли связанных с этим сложностей. Но то, что существуют ужасы, невыносимые для человеческого разума, является неопровержимым фактом. Разве я не видел их собственными глазами?

Эти тяжелые, слизнеобразные формы, отвратительно колышущиеся в зловещем свете Великой Белой Бездны... И мои бывшие коллеги, даже карлик Залор, улыбающиеся дьявольскими приветственными улыбками. И я был сломлен и с криком бежал из этих богохульных обитателей ада. Кто бы не последовал моему примеру?

---

¹ The Peninsular and Oriental Steam Navigation Company (Полуостровная и восточная пароходная компания), в описываемое время крупнейшая британская компания морских пассажирских перевозок.

Ибо там, проглоченные каким-то мерзким и непостижимым образом, были мои друзья, Холден, Прескотт и Ван Дамм, *живые и составляющие часть самих слизней!* Неудивительно, что моя вменяемость пошатнулась. И словно в ответ на приветствие Залора великий Кларк Эштон Скарсдейл поклонился и повернул голову. И с его лица упала *восковая маска, открывая непостижимые кощунства под ней!*

Господь свидетель, я клянусь, что это правда. Я не понимал, что их сущность была удалена намеренно. И было еще одно — то предположение в глубинах моего сознания, что едва не заставило меня утратить рассудок, а врачей опасаться, что я впал в безумие. Этот вопрос не дает мне покоя с тех пор и в последнее время встает передо мной все более настойчиво. Восковая маска была настолько правдоподобной в своем совершенстве, настолько блестящей в своем воплощении профессора Кларка Эштона Скарсдейла, что это наводит на мысль о других возможностях. И эта мысль преследует меня в темные ночные часы и гложет мой разум.

На каком этапе Скарсдейл преобразился? Быть может, он задолго до начала Большой северной экспедиции уже был *одним из них?*

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.